

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN: 2313-6138

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024
ТОМ 11
№ **1**
январь-март

ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

2024
1

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

**ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Том 11 Номер 1 Январь-Март
2024

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

BULLETIN

**OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY**

Volume 11 Issue 1 January-March
2024

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

2024 Том 11 Номер 1 Январь-Март

Учредитель: *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»*

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Адрес редакции, издателя: 344002, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, к. 321

тел./факс: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfnu.ru; сайт: <http://urvestnikpravo.sfnu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-83319 от 19.05.2022). Периодичность выхода: 1 раз в квартал

ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1

Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014) Подписной индекс Е33060

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А. И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор: *Тищенко Е. В.*, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь: *Фролова Е. Ю.*, кандидат юридических наук, доцент

Помощник главного редактора: *Конопий А. С.*

Артеменко Н. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Волова Л. И., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета

Зиновьев И. П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

Колесников Ю. А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права юридического факультета Южного федерального университета

Ляхов Ю. А., доктор юридических наук, профессор

Малина М. А., кандидат юридических наук, доцент

Овсепян Ж. И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета Южного федерального университета

Селиванова Е. С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права юридического факультета Южного федерального университета

Смагина Е. С., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического факультета Южного федерального университета

Степанов К. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета

Цыганенко С. С., доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности

Баранов П. П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС

Бондарь Н. С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Бирюков П. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Васильев А. А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ

Величко А. М., доктор юридических наук

Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга

Корецкий Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Левушкин А. Н., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Е. Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права

Мамитова Н. В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС

Мамычев А. Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Небратенко Г. Г., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Академии управления МВД России

Оганесян В. А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета, зам. председателя Конституционного Суда Армении

Ристов А., профессор, доктор права, доцент юридического факультета Iustinianus Primus Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, Республика Северная Македония

Зражевская Т. Д., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области

Толочко О. Н., доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права, Белорусский институт правоповедения, г. Минск

Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации, Варшавский университет (Республика Польша)

Цыбуленко З. И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права

Шапсугов Д. Ю., доктор юридических наук, профессор

Шатковская Т. В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС

Яценко Т. С., доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента частного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2024 Volume 11 Issue 1 January-March

Established by: Southern Federal University

(a Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education)

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russian Federation
Editorial Office: 88 M. Gorkogo Street, office 321, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344002, Russian Federation
phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfnu.ru; website: <http://urvestnikpravo.sfnu.ru>

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-83319 dated 19.05.2022)

Publication frequency: 1 time per quarter. ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1

Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014) Subscription Index E33060

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A. I.*, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University

Responsible editor: *Tishchenko, E. V.*, PhD in Law, Associate Professor

Executive Secretary: *Frolova, E. Yu.*, PhD in Law, Associate Professor

Assistant to the Editor-in-Chief: *Konopiy A. S.*

Artemenko, N. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology,
Law Faculty, Southern Federal University

Volova, L. I., Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law
Law Faculty, Southern Federal University

Zinoviev, I. P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University

Kolesnikov, Yu. A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Lyakhov, Yu. A., Doctor of Law, Professor

Malina, M. A., PhD in Law, Associate Professor

Hovsepyan, Zh. I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law, Law Faculty, Southern Federal University

Selivanova, E. S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law, Law Faculty, Southern Federal University

Smagina, E. S., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Stepanov, K. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department
of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University

Tsyganenko, S. S., Doctor of Law, Professor

EDITORIAL COUNCIL

Baranov, V. M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity

Baranov, P. P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the RANEPa

Bondar, N. S., Doctor of Law, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

Biryukov, P. N., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law
of Voronezh State University

Vasilyev, A. A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU

Velichko, A. M., Doctor of Law

Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg

Koretsky, D. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Faculty of Law, Southern Federal University

Levushkin, A. N., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, E. G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association

Mamitova, N. V., Doctor of Law, Professor, RANEPa

Mamychev, A. Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory for Political and Legal Studies,
Department of Political Science, M. V. Lomonosov Moscow State University

Nebratenko G. G., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Oganessian, V. A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University,
Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia

Ristov, A., Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Iustinianus Primus Faculty of Law,
Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Republic of North Macedonia

Zrazhevskaya, T. D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region

Tolochko, O. N., Doctor of Law, Head of Department of International Law, Belarusian Institute of Law, Minsk

Turlukovsky, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law
and Administration, University of Warsaw (Poland)

Tsibulenko, Z. I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law

Shapsugov, D. Yu., Doctor of Law, Professor

Shatkovskaya T. V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law
and State at the Law Institute of RANEPa

Yatsenko, T. S., Doctor of Law, Professor, Head of the Private Law Department,
National Research University Higher School of Economics

**ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ
КОМИССИЯ**

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук

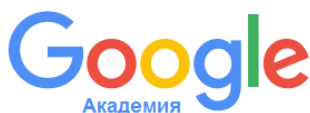
РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Россия

Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира – Норвегия

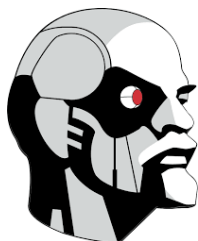
Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира – США

Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10 000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов. Штаб-квартира – Великобритания

Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира – США

КиберЛенинка – российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей. Штаб-квартира – Россия

Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации, первая массовая коммерческая справочно-правовая система в России (выпускается с 1990 года). Распространяется через дилерскую сеть из более чем 250 компаний в России и СНГ

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

БАБОШКИН П. И., МАМЫЧЕВ А. Ю. Механизм государственного управления и принципы его функционирования в современном обществе: национально-культурные и ценностно-нормативные аспекты	9
ВЛАСОВА Г. Б., САРАЕВ Н. В. Историко-правовые аспекты противодействия незаконному обороту оружия в дореволюционный период	19
ЕМЕЛЬЯНОВ А. С. Западноевропейские теории элитаризма о привилегиях правящей элиты	24
КАЗАЧАНСКАЯ Е. А., ВЕРЧЕНКО В. А. Законодательная защита традиционных ценностей и институт семьи в условиях угроз и вызовов трансгуманизма	30
МАТЮК Ю. С. Правовая политика в сфере использования систем искусственного интеллекта в контексте обеспечения технологического суверенитета страны	39
САФРОНОВА Е. В. Медицинский суверенитет в контексте пандемического соглашения и поправок к международным медико-санитарным правилам	45
САФРОНОВА Е. В., ПОЙМИНОВ Н. М. Генезис идей славянского единства в российской государственно-правовой мысли первой половины XIX века.....	51
ФАЛЬШИНА Н. А. Теоретико-методологический аспект аккультурации в исследовании категории современного правосознания	58
ШИГАБУТДИНОВА А. Л. Социальное назначение права: утилитарный аспект	64

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

АМВРОСОВА О. Н., МАШКОВА А. Д. Соотношение публичного и частного права в сфере лицензирования контента	71
---	----

ДМИТРИЕВА О. В., КРИЦКИЙ А. Д. Реализация преимущественного права покупки при продаже долей (акций) на торгах.....	78
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

АПОСТОЛОВА Н. Н. Совершенствование порядка избрания заключения под стражу.....	87
МАЛИНА М. А., СТЕПАНОВ К. В., СТАНИСЛАВОВ П. Д. Концепция полноты судебной власти и институт судебных приставов в России.....	92

Трибуна молодого ученого

ВОЛКОВА Г. Е. К вопросу о концепции цифровых прав личности	98
КОНЕВА Д. К. К вопросу о правовой природе института конкурсного оспаривания сделок при банкротстве.....	105
МАЗНЕВ Е. С. Устав о банкротах 1740 года как попытка систематизации российского законодательства о несостоятельности	111
НАПОЛЬСКИХ И. М. Феномен доверия в религиозных правовых культурах.....	114
СТЫЦЕНКО Р. А. К вопросу о преодолении дефектов в законодательном обеспечении функционирования платформы цифрового рубля в РФ	123

РЕЦЕНЗИИ

ТИХОНОВ В. В. Рецензия на монографию М. Д. Шапсуговой «Гражданин как субъект экономической деятельности по законодательству России» (М.: Инфра-М, 2024. 324 с.)	130
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

ОВЧИННИКОВ А. И., ДМИТРИЕВА О. В., КОНОПИЙ А. С., МАЛИНА М. А., СЕЛИВАНОВА Е. С., ШАТКОВСКАЯ Т. В. Традиционные духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта	137
--	-----

BULLETIN
OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2024 Volume 11 Issue 1 January-March

CONTENTS

*GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES
OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE*

BABOSHKIN, Pavel I., and MAMYCHEV, Aleksey Yu. The Mechanism of Public Administration and the Principles of its Functioning in Modern Society: National-Cultural and Value-Normative Aspects	9
VLASOVA, Galina B., and SARAEV, Nikolay V. Historical and Legal Aspects of Countering Illegal Traffic of Weapons in the Pre-Revolutionary Period	19
YEMELYANOV, Alexey S. Western European Theories of Elitism about the Privileges of the Ruling Elite	24
KAZACHANSKAYA, Elena A., and VERCHENKO, Vladislav A. Legislative Protection of Traditional Values and the Institution of the Family in the Face of Threats and Challenges of Transhumanism	30
MATYUK, Yulia S. Legal Policy in the Field of Use of Artificial Intelligence Systems in the Context of Ensuring the Technological Sovereignty of the Country.....	39
SAFRONOVA, Elena V. Medical Sovereignty in the Context of the Pandemic Agreement and Amendments to the International Health Regulations	45
SAFRONOVA, Elena V., and POYMINOV, Nikita M. The Genesis of the Ideas of Slavic Unity in the Russian State-Legal Thought of the First Half of the XIX Century	51
FALSHINA, Nelli A. Theoretical and Methodological Aspect of Acculturation in the Study of the Category of Modern Legal Consciousness.....	58
SHIGABUTDINOVA, Alina L. The Social Purpose of Law: the Utilitarian Aspect	64

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

AMVROSOVA, Olga N., and MASHKOVA, Alexandra D. The Ratio of Public-Legal and Private-Legal Content Licensing	71
---	----

DMITRIEVA, Olga V., and KRITSKY, Artem D. Realization of the Pre-Emptive Right of Purchase at Sale Of Shares (Stocks) at Auctions.....	78
---	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

APOSTOLOVA, Natalia N. Improvement of the Procedure for the Election of Detention	87
MALINA, Maxim A., STEPANOV, Konstantin V., and STANISLAVOV, Pavel D. Concept of Judicial Completeness and Institute of Bailiffs in Russia.....	92

PLATFORM FOR YOUNG SCIENTISTS

VOLKOVA, Galina E. On the Question of the Concept of Digital Personal Rights	98
KONEVA, Daria K. On the issue of the legal nature of the institution of challenging on bankruptcy specific grounds	105
MAZNEV, Evgeny S. The Bankruptcy Statute of 1740 as an Attempt to Systematize Russian Legislation on Insolvency	111
NAPOLSKIKH, Inna M. The Phenomenon of Trust in Religious and Legal Systems	114
STYTSENKO, Roman A. On the Issue of Overcoming Defects in the Legislative Support for the Functioning of the Digital Ruble Platform in the Russian Federation	123

REVIEWS

TIKHONOV, Vladimir V. Review of M. D. Shapsugova’s Monograph “Citizen as a Subject of Economic Activity According to the Legislation of Russia” (Moscow: INFRA-M, 2024. 324 p.)	130
---	-----

CONFERENCES, ROUND TABLES, SEMINARS

OVCHINNIKOV, Alexey I., DMITRIEVA, Olga V., KONOPIY, Anna S., MALINA, Maksim A., SELIVANOVA, Evgeniya S., and SHATKOVSKAYA, Tatiana V. Traditional Spiritual and Moral Values and Human Rights in the Era of Digitalization and Artificial Intelligence	137
--	-----

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-1

Бабошкин Павел Иванович,
кандидат юридических наук,
заместитель председателя кассационного
военного суда, 630091, г. Новосибирск,
ул. Гоголя, д. 8, email: baboshkin.pi@yandex.ru

Baboshkin, Pavel I.,
PhD in Law, Deputy Chairman of the Military
Court of Cassation, 8 Gogol Str., Novosibirsk,
630091, Russian Federation,
email: baboshkin.pi@yandex.ru

Мамычев Алексей Юрьевич,
доктор политических наук,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры российской политики,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова; заведующий
лабораторией политико-правовых
и социально-экономических исследований,
Владивостокский
государственный университет,
119192, г. Москва,
пр-т Ломоносовский, д. 27, корп. 4,
email: mamychev@polit.msu.ru

Mamychev, Aleksey Yu.,
Doctor of Political Sciences,
PhD in Law,
Professor at the Department
of the Russian Politics,
Lomonosov Moscow State University;
Head of the Laboratory of Political,
Legal and Socio-Economic Research,
Vladivostok State University,
27, build. 4 Lomonosovsky Ave.,
Moscow, 119192,
Russian Federation,
email: mamychev@polit.msu.ru

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ*

THE MECHANISM OF PUBLIC ADMINISTRATION AND THE PRINCIPLES OF ITS FUNCTIONING IN MODERN SOCIETY: NATIONAL-CULTURAL AND VALUE-NORMATIVE ASPECTS*

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства высшего образования и науки РФ и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2023-0001.

* The work was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research No. FZUG-2023-0001.

АННОТАЦИЯ. В статье представляется концептуально-правовой и общественно-политический анализ понятия механизма государственного управления, рассматриваются различные версии и трактовки данного понятия, а также обсуждаются связанные с последним категории. Отдельно содержательно раскрываются современные принципы функционирования механизма государственного управления в контексте национально-культурных приоритетов развития Российской Федерации и ценностно-нормативных оснований российской общественной системы. В завершающей части работы аргументируется, что в период острого геополитического кризиса, а также цифровой трансформации общественного взаимодействия стремительно развиваются разнообразные нетипичные события, а функционирование механизма государственного управления сталкивается с непредсказуемым характером развития публичных отношений. В этом аспекте доказывается, что необходимо развитие национальной концепции и политико-правового механизма антикризисного публичного управления в контексте разворачивающихся в обществе трансформаций, цивилизационных вызовов и геополитических угроз.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: геополитические вызовы; государство; национальная безопасность; национальное законодательство; правовой порядок; правовой режим; функции; ценностно-нормативная система; цифровая трансформация; юридические средства.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бабошкин, П. И. Механизм государственного управления и принципы его функционирования в современном обществе: национально-культурные и ценностно-нормативные аспекты / П. И. Бабошкин, А. Ю. Мамычев. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 9–18. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-1.

Понятие «механизм» – одно из самых часто употребляемых в рамках системы государственного управления и правового регулирования общественных отношений. В повседневной практике это также одно из самых используемых слов, которое достаточно часто встречается в разнообразных связках и лексических конструкциях.

Тем не менее данное понятие используется в разных смыслах и коннотациях, имеет специфические семантические или стилистические функции в зависимости от сферы жиз-

ABSTRACT. The article presents a conceptual-legal and socio-political analysis of the concept of the mechanism of public administration, discusses various versions and interpretations of this concept, and discusses the categories associated with the latter. Separately, the modern principles of the functioning of the mechanism of public administration in the context of national and cultural priorities of the development of the Russian Federation and the value-normative foundations of the Russian social system are revealed in a meaningful way. In the final part of the work, it is argued that during the acute geopolitical crisis, as well as the digital transformation of public interaction, various atypical events are rapidly developing, and the functioning of the mechanism of public administration is faced with the unpredictable nature of the development of public relations. In this aspect, it is proved that it is necessary to develop a national concept and a political and legal mechanism of anti-crisis public administration in the context of transformations unfolding in society, civilizational challenges and geopolitical threats.

KEYWORDS: geopolitical challenges; the state; national security; national legislation; legal order; legal regime; functions; value-normative system; digital transformation; legal means.

FOR CITATION:

Baboshkin, P. I., and Mamychyev, A. Yu. (2024) *The Mechanism of Public Administration and the Principles of its Functioning in Modern Society: National-Cultural and Value-Normative Aspects. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* 11(1): 9–18 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-1.

недеятельности, типов восприятия реальных событий и процессов. В исследовательских практиках термин «механизм» используется и как строгое понятие, и в качестве научной метафоры. В общей теории права и государства понятие «механизм» является достаточно комплексным и объемным по своему содержанию. Ряд теоретиков права отмечает, что употребление данного понятия используется не в прямом, а в переносном смысле [17].

В целом концептуализация понятия «механизм» осуществляется посредством

структурно-функциональных и процессуальных характеристик. Например, А. И. Барвин, представляя содержательную характеристику данного понятия, отмечает, что последнее отражает «совокупность структур, действий, процедур по выработке решения, его реализации, анализу и контролю над результатами и последствиями принятия решений» [4, с. 20]. В свою очередь, Р. Р. Алиуллов, рассматривая это понятие, акцентирует внимание на средствах, которые необходимы для реализации определенной управленческой деятельности и достижения планируемых результатов: «Механизм управления – это прежде всего совокупность управленческих средств, посредством которой осуществляется принятие научно обоснованного управленческого решения и достигается эффективная его реализация» [1, с. 100].

Концептуальные версии понятия «механизм» в юридической науке. Если обобщить различные исследовательские практики, имеющие место в юридической науке, можно выделить в основном четыре взаимосвязанных направления, в которых используется данное понятие: механизм государства, механизм государственного управления, механизм правового регулирования и правовой механизм государственного управления.

Механизм государства отражает систему действующих государственных органов (государственный аппарат), реализующих государственную власть в обществе, а также систему различных государственных организаций, учреждений, ведомств и специальных служб, реализующих государственное управление общественными делами.

При этом к названным двум смысловым составляющим понятия «механизм государства» также добавляются и третий элемент – правовую форму реализации государственной власти и управления. Иными словами, если первые два элемента (государственный аппарат и системы иных государственных органов, учреждений, ведомств) отражают *статику* (структурно-функциональное строение механизма государства), то третий элемент акцентирует внимание на *динамической стороне* государственной власти и управления (правовые формы, юридические процедуры, принципы и способы публично-властного управления общественными процессами).

Механизм государственного управления, в свою очередь, в подавляющем большинстве случаев трактуется в качестве системы принципов, методов, технологий и различных средств (идеологических, правовых, политических, экономических, организационных, культурных и других) определяющего воздействия субъекта государственной власти на управленческий объект (население, общественные отношения, процессы и т. п.).

Как можно заметить, это определение конструируется на основе классической веберовской традиции определения публичной власти исходя из способности субъекта власти с помощью различных форм, приемов, способов, средств и инструментов оказывать определяющее воздействие на объект власти [5; 10]. В этой трактовке механизм государства рассматривается как система различных органов и учреждений, которые структурно и функционально репрезентуют государственную власть и посредством которых она реализуется, а механизм государства отражает прежде всего сам процесс целенаправленной деятельности по управлению общественными делами в строго установленных правовых формах и способах.

Целевая ориентация данной деятельности связана с властно-правовым воздействием на объект управления – общественные процессы и отношения, где результатом управленческой деятельности является придание данному объекту определенного правового состояния: «Механизм государственного управления – это целенаправленная пространственно-временная структурно упорядоченная и последовательная деятельность органов государственного управления по воздействию на объект управления и приданию ему заданного состояния» [21, с. 81].

В этом аспекте рассмотрения термина «механизм» используется два взаимосвязанных, но разных по содержанию понятия – «механизм государственного управления» и «государственный механизм управления». Первое понятие связано с системой властных полномочий и компетенциями органов государственной власти, в соответствии с которыми реализуется властно-управленческая деятельность. При этом объектом управленческого воздействия выступают общественные отношения и про-

цессы, а целевой ориентацией – достижение определенного заданного (спроектированно) правового состояния. Дефиниция второго понятия раскрывается исключительно через властно-управленческую деятельность, ориентированную на само государство, т. е. объектом управления выступает государство, его органы и структурные элементы, а результатом – оптимальное и эффективное функционирование системы государственной власти, поскольку «в основе построения и функционирования государственного механизма любой страны лежат объективные и субъективные факторы. Они предопределяют наиболее важные особенности его внутреннего строения, структуры, характера, форм и методов деятельности, в значительной мере способствуют соединению его различных составных звеньев в единую систему» [17, с. 86].

Механизм правового регулирования представляет собой систему юридических средств, используемых для непосредственной или опосредованной реализации прав и законных интересов субъектов права. Например, отмечается, что под механизмом правового регулирования понимается «система юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [13, с. 96].

Данный механизм также включает структурно организованное единство элементов, таких как нормы права и юридические комплексы (институты, субституты права и т. д.), правовые акты (нормативные правовые акты, акты толкования права, акты применения права), собственно правовые отношения между субъектами права, правосознание, правовую культуру, а также режим законности как неукоснительное соблюдение действующих правовых актов в государстве.

Именно посредством механизма правового регулирования государством осуществляется воздействие на общественные отношения, формируется определенное правовое состояние последних, в котором обеспечивается реализация прав, свобод и законных интересов субъектов права, организуется перевод общих правил в конкретное поведение данных субъектов, наделенных их субъективными правами и обязанностями.

В аспекте государственного управления механизм правового регулирования формирует необходимые условия и правовые состояния для реализации права как через его непосредственные формы – соблюдение (реализация запрещающих юридических норм), исполнение (реализация обязывающих юридических норм) и использование (реализация управомочивающих юридических норм), так и через опосредованную форму в виде правоприменения, т. е. когда для реализации права необходима третья сторона – уполномоченные государственные органы и должностные лица [6; 18].

В свою очередь, *правовой механизм государственного управления*, как правило, рассматривается в формально-юридическом, институциональном и социологическом аспектах.

В первом аспекте правовой механизм государственного управления трактуется в качестве системы юридических средств (материальные и процессуальные нормы, нормативные технические и экологические стандарты и т. д.) и инструментов (правовые формы и методы), которые конкретизированы и законодательно определены применительно к властным полномочиям и компетенциям государственных органов и их должностных лиц.

Во втором аспекте правовой механизм государственного управления рассматривается в структурно-функциональном и институциональном планах, т. е. в качестве системы действующих государственных органов и иных институтов (государственных учреждений, служб, ведомств, организаций), которые характеризуются структурной организацией и функциональной направленностью, отражающих содержание и направления властно-управленческой деятельности государства.

В третьем аспекте правовой механизм государственного управления отражает систему публичных отношений в системе «личность – общество – государство», а также социальную роль и значение государственного управления в развитии общественных отношений, специфику властно-управленческой деятельности, ее легитимность и адекватность национально-культурной среде, доминирующим интересам и потребностям, внутренним и внешним вызовам и угрозам.

Механизм государственного управления и принципы его функционирования. В контексте обсуждения механизма государственного управления в специализированной литературе справедливо останавливаются на ключевых принципах его функционирования, которые содержательно поясняют структурные, процессуальные, системные и другие требования, а также ценностно-нормативные, правовые, политические, экономические и другие условия реализации властно-управленческой деятельности в современной государственно-правовой организации общества [2; 12; 14].

Во-первых, это принцип научности и объективности, который связан с тем, что управленческие решения принимаются на основе выявленных и содержательно описанных общих (универсальных) и специфических (национально-культурных) закономерностей и трендов развития общественных отношений и процессов. Кроме того, этот принцип отражает тот факт, что механизм государственного управления опирается на реальные и потенциальные управленческие ресурсы (финансовые, материальные, организационные, символические и др.), уровень развития общественных отношений и характер развития социальных процессов, а также на внутренние закономерности функционирования механизма государственного управления и его отдельных элементов [15].

Во-вторых, это принцип социокультурной обусловленности специфики управленческого объекта, который обуславливает и функционирование управленческой системы как части, составного элемента (подсистемы) общей социокультурной системы. Как отмечалось выше, социальные институты создаются и функционируют в определенной среде, следовательно, любой институт или институциональный комплекс, «не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны» [7, с. 115]. Заметим, что именно такой вектор политико-правового и социально-экономического развития был определен в недавних изменениях, внесенных в российскую Конституцию [9], зафиксирован и в ряде доктринальных, стратегических доку-

ментов (например, Российская Федерация как государство-цивилизация [22]), а также в федеральном законодательстве [23].

Иными словами, стабильность, эффективность и легитимность управленческой деятельности зависят от того, насколько ее публично-властная составляющая и социально-правовые результаты адекватны общественным ожиданиям, традиционному укладу, общественной специфике и т. п., что позволяет в конечном счете «приверженцам различных культурных традиций обеспечить отражение этих традиций в правовых порядках, которым они должны подчиняться, не прибегая к сепаратистским действиям, неизбежным там, где единое государственное образование или поселение, охватывающее множество народов, устанавливает абстрактный, унифицированный правопорядок, коему все должны подчиняться» [7, с. 264].

В-третьих, это принципы открытости и общественного контроля за функционированием механизма государственного управления и результатами его властно-управленческой деятельности. Данные принципы ориентированы на обеспечение транспарентного режима функционирования механизма государственного управления, направлены на активизацию общественного участия в выработке и реализации властно-управленческих решений, повышение социально-правовой ответственности государственных органов и должностных лиц в решении важных общественных потребностей и проблем, легитимацию результатов управленческой деятельности, а также учет последних в корректировке направлений, целей и задач государственно-правового регулирования.

Кроме того, данные взаимосвязанные и взаимообуславливающие принципы функционирования механизма государственного управления выступают и мощным информационным ресурсом для осуществления и совершенствования правоприменительной, правотворческой, правоохранительной и иных видов юридической деятельности. Более того, принципы открытости и общественного контроля выступают эффективным инструментом обеспечения стабильности общественного развития, устойчивого функционирования отдельных государственных институтов и структур [8].

В том числе снижается конфликтогенный потенциал в социальной среде, повышается устойчивость управленческой системы и общества в целом к различным негативным факторам и угрозам внешней среды (информационные атаки, дезинформационные операции и пр. [16; 24]). Последнее предполагает прежде всего «информационное обеспечение государственной политики, включающей доведение до общественности достоверной информации о ее содержании, официально значимые позиции по социально значимым событиям жизни общества, обеспечение доступа граждан к соответствующим информационным ресурсам» [20, с. 5].

Данные принципы рассматриваются также в качестве эффективных легитимирующих практик и имиджевых механизмов, действенных способов укрепления доверия к государственному управлению и структурам, его реализующим: «Информационная открытость органов государственной и муниципальной власти является неотъемлемым качеством демократической политической системы, которая предполагает открытость решений и действий власти, равный доступ граждан к информации о властных структурах, получению и распространению информации в сфере политико-властных отношений. Таким образом, повышение прозрачности и подотчетности деятельности органов государственной власти позволяет укрепить доверие населения к власти и, как следствие, улучшить ее репутационные/имиджевые возможности» [11, с. 296].

Актуальность и значимость этих принципов особенно возрастает в период цифровой трансформации общества, при которой с помощью интерактивных технологий повышается уровень открытости и массовой (онлайн) доступности властно-управленческих органов и структур, а платформенные решения позволяют реализовать условия комфортного и моментального получения публичных государственных услуг, интерактивно участвовать в процессе принятия и реализации управленческих и правовых решений и контролировать его. Очевидно, что цифровые формы и технологии публично-властной коммуникации в системе «личность – общество – государство» создают и принципиально иные мобилизации гражданского участия и повышения социально

значимой активности, формируют эффективные сетевые форматы интеграции и артикуляции социальных ожиданий, общественных потребностей, публичных интересов и пр.

В то же время следует признать, что бесконтрольное внедрение инновационных цифровых технологий, разнообразных платформенных решений и интерактивных алгоритмических систем может привести к замещению реального управленческого процесса цифровыми симуляциями, виртуализированными событиями, алгоритмически сконструированной информацией и пр. [3].

В-четвертых, это принцип разделения властей, который в рамках государственного управления препятствует фактам злоупотребления власти и превышения властных полномочий, обеспечивая взаимный контроль и политико-правовое сдерживание при реализации государственной власти. Конечно, классическая теория разделения в рамках современного механизма государственного управления значительно усложнилась. Сегодня выделяют и появление новых «ветвей власти», которые не вписываются в традиционную систему разделения государственных органов по функциональному критерию – на законодательную, исполнительную, судебную. Например, трактуя так органы прокуратуры, которые реализуют контрольно-надзорные функции [25].

Справедливо применительно к проблематике настоящего исследования отмечает известный конституционалист В. Е. Чиркин: «Теория разделения властей не может быть реализована в виде непроницаемых перегородок между различными сферами деятельности государства. Даже если говорить не о чрезвычайных, а об обычных условиях, то нормотворческая (по существу, законодательная) власть принадлежит не только парламенту. Акты, имеющие силу закона, издает президент (такая «регламентарная» власть принадлежит ему по некоторым конституциям), правительство (так называемое делегированное законодательно по уполномочию парламента в каждом отдельном случае), в некоторых странах – отдельные министры. В России с начала 90-х гг. многие стороны общественной жизни, которые должны регулироваться законодательным путем, регулируются актами президента. Без объявления чрезвычайного положения Президент России

своими актами 1993 г. приостановил действие конституции 1978 г. (по существу, отменил ее), деятельность парламента, местных представительных органов. Во многих странах в сферу законодательства вклиниваются верховные и конституционные суды, объявляя акты парламента неконституционными и тем самым отменяя их действие (сами акты парламента суды формально не отменяют). Эти же органы вмешиваются и в сферу исполнительной власти, признавая неконституционными некоторые акты президента и правительства» [26, с. 44–45].

В-пятых, это принцип федерализма в рамках механизма государственного управления, который отражает сложность и многоуровневость как организации самой системы государственной власти, так и специфику ее осуществления, связанную с территориальными, этнокультурными, социально-экономическими и другими особенностями формы государственного (административно-территориального) устройства, и уникальность различных процессов, протекающих в конкретном субъекте федерации. Кроме того, это и штатные и особые режимы взаимодействия различных уровней власти (федерального и регионального) как в реализации своих властных полномочий, так и в вопросах общего ведения, а тем более в экстремальных или нетипичных ситуациях.

В-шестых, это принцип нормативно-правовой упорядоченности функционирования механизма государственного управления, который предполагает осуществление государственного управления в строгом соответствии с действующим законодательством, где любая властно-управленческая активность реализуется в четко установленных формах (характерно для штатного режима функционирования), и в общих конституционно-правовых и отраслевых правовых рамках (в рамках нетипичной, экстраординарной, кризисной ситуации, не предусмотренной действующим законодательством).

Кроме того, данный принцип также связан с юридической фиксацией, с одной стороны, ценностей, функций, целей и задач государственного управления (например, фиксируемых в нормах-принципах, нормах-началах, целеустановочных нормах), а с другой – властных компетенций, полномочий (например, внутри-

организационные нормы, компетенционные и другие юридические нормы).

Рассматривая механизм государственного управления как сложный и комплексный феномен современной политико-правовой жизни общества, особенно в контексте взаимодействия государственных органов и учреждений с обществом, его гражданскими структурами, следует отметить, что понятия «государственно-правовой режим» и «административный режим» не исчерпывают весь массив публично-властной режимности, существующей фактически, в рамках эволюции социального взаимодействия и развития разнообразных процессов (экономических, политических, технологических, экологических, биологических и т. д.).

Следует признать, что разнообразные нетипичные события и стихийный характер развития публичных отношений, тех или иных подсистем общества и частных микросистем обуславливают и необходимость в учете таких феноменов, как особые и специальные политико-правовые режимы функционирования механизма государственного управления, нетипичный или внеправовой режим деятельности публично-властных институтов, а также развитие политико-правового механизма антикризисного публичного управления. Последнее становится весьма значимым с теоретико-методологической точки зрения и актуальным в практическом плане в контексте разворачивающихся в обществе трансформаций, цивилизационных вызовов и геополитических угроз [19].

В обсуждаемом аспекте представляются оправданным и востребованным в теоретико-практическом плане концептуально-правовое оформление данных понятий, их проработка с последующей легальной фиксацией в действующем законодательстве. Более того, последнее не только будет способствовать содержательному определению сущности и специфики современной режимности государственного управления, классификации разнообразных политико-правовых режимов, внеправовой активности публично-властных органов и антикризисных управленческих режимов, но и создаст реальные условия для упорядочивания и оптимизации функционирования механизма государства, отдельных государственных орга-

нов и структур, а также их взаимодействия как друг с другом, так и с публичными органами местного самоуправления и иными гражданскими структурами.

Итак, понятие «механизм» используется в юриспруденции в четырех взаимосвязанных значениях: 1) механизм государства, т. е. система действующих государственных органов, реализующих государственную власть в обществе, и различных государственных организаций, учреждений, ведомств и специальных служб, реализующих государственное управление общественными делами; 2) механизм управления, представляющий систему принципов, методов, технологий и различных средств определяющего воздействия субъекта государственной власти на управленческий объект (население, общественные отношения, процессы и т. п.); 3) механизм правового регулирования – система юридических средств, используемых для непосредственной или опосредованной реализации прав и законных интересов субъектов права; 4) правовой механизм государственного управления, рассматриваемый в формально-юридическом (система юридических средств и инструментов), институциональном (система действующих государственных органов и иных институтов) и социологическом аспектах (система публичных отношений в системе «личность – общество – государство»), а также через социальную роль и значение государственного управления в развитии общественных отношений, специфике властно-управленческой деятельности.

Современными принципами функционирования механизма государственного управления содержательно поясняют структурные, процессуальные, системные требования, а также ценностно-нормативные, правовые, политические, экономические и другие условия реализации властно-управленческой деятельности в государственно-правовой организации общества. К таким следует отнести следующие: принцип научности и объективности; принцип социокультурной обусловленности; принцип открытости и общественного контроля за функционированием механизма государственного управления и результатами его властно-управленческой деятельности; принцип разделения властей; принцип федерализма; принцип нормативно-правовой упорядоченности.

В современной правовой теории и юридической практике необходимы разработка и законодательная фиксация общих положений, принципов, требований и направлений межотраслевого политико-правового механизма антикризисного управления, форм и режимов реагирования на те или иные нетипичные ситуации, что позволит сформировать условия (правовые, организационные, экономические, идеологические и т. д.) для развития эффективной системы разнообразных социально-правовых форм и инструментов, адекватных современным трансформационным процессам интенсивно меняющейся внутренней и внешней среды, действующим цивилизационным, биотехнологическим, экологическим, дезинформационным и иным вызовам и угрозам. Отдельным направлением в рамках формирования политико-правового механизма антикризисного управления выступают теоретико-практические разработки в области системных и структурных кризисов в функционировании отдельных ветвей власти – исполнительной, законодательной, судебной.

Список использованных источников

1. Алиуллов Р. Р. Проблемы механизма государственного управления на современном этапе (Вопросы теории и методологии) // Государство и право. 2005. № 3. С. 97–102.
2. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: учебник. М.: Омега-Л, 2013. 525 с.
3. Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах. М.: РОССПЭН, 2021. 310 с.
4. Барвин А. И. Пути совершенствования механизма государственного управления в современной России: политико-правовой аспект: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 154 с.
5. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
6. Гойман В. И. Действие права (Методологический анализ): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1992. 42 с.
7. Грей Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. 366 с.
8. Диалог с властью: транспарентность в моделях отношения общества к государству / под ред. Г. Дыльнова. М.: Научная книга, 2013. 563 с.
9. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA

W_346019/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7 (дата обращения: 05.12.2023).

10. *Льюкс С.* Власть: радикальный взгляд. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 238 с.

11. *Ляхов А. В.* Обеспечение прозрачности и открытости деятельности акторов политического управления как фактор повышения качества функционирования органов государственной власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 294–299.

12. *Малышева М. А.* Теория и методы современного государственного управления: учеб.-метод. пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2011. 280 с.

13. *Малько А. В.* Теория государства и права. Саратов: КРОСС-Н, 2010. 239 с.

14. *Мамут Л. С.* Государство в ценностном измерении. М.: Норма, 1990. 45 с.

15. *Мамычев А. Ю.* Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 289 с.

16. *Манойло А. В.* Информационные войны и психологические операции: руководство к действию. М.: Горячая линия – Телеком, 2020. 495 с.

17. Общая теория государства: классические и современные вопросы / В. Я. Любашиц [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2021. 712 с.

18. Проблемы действия права в новых исторических условиях. Труды Академии / под ред. Н. Н. Вопленко [и др.]. М.: Изд-во Академии МВД РФ, 1993. 163 с.

19. Противодействие коррупции в условиях цифровизации государства, права и экономики: концептуальные и институциональные аспекты / под общ. ред. А. И. Овчинникова. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. 178 с.

20. *Романенко Е. А.* Прозрачность государственного управления как условие стабильности государства // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 3. С. 3–9.

21. *Слепышев А. Л., Довженко Д. В., Зырянов С. Г.* Понятие, свойства и основные компоненты механизма государственного управления: региональный аспект // Социум и власть. 2012. № 6. С. 81–87.

22. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540 (дата обращения: 05.12.2023).

23. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105 (дата обращения: 05.12.2023).

24. Фейки: траектория лжи. Информационный фронт специальной военной операции / А. В. Манойло [и др.]. М.: Горячая линия – Телеком, 2023. 272 с.

25. *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 319 с.

26. *Чиркин В. Е.* Основы государственной власти. М.: Юрист, 1994. 110 с.

References

1. *Aliullov R. R.* Problems of the mechanism of public administration at the present stage (Questions of theory and methodology) // State and Law. 2005. No. 3. P. 97–102 [in Russian].

2. *Atamanchuk G. V.* Theory of public administration: textbook. Moscow: Omega-L, 2013. 525 p. [in Russian].

3. Outsourcing of political judgments: problems of communication on digital platforms. Moscow: ROSSPEN, 2021. 310 p. [in Russian].

4. *Barvin A. I.* Ways to improve the mechanism of public administration in modern Russia: political and legal aspect: synopsis of a thesis for the degree of PhD of Law. Moscow, 2007. 154 p. [in Russian].

5. *Weber M.* Selected works. Moscow: Progress, 1990. 804 p. [in Russian].

6. *Goyman V. I.* Action of law (Methodological analysis): synopsis of a thesis for the degree of Doctor in Law. Moscow, 1992. 42 p. [in Russian].

7. *Gray J.* Enlightenment's wake: politics and culture at the close of the modern age. Moscow: Praxis, 2003. 366 p. [in Russian].

8. Dialogue with authorities: transparency in models of society's relationship to the state / Ed. by G. Dylnov. Moscow: Nauchnaya kniga, 2013. 563 p. [in Russian].

9. Law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority” // Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7 (date of application: 05.12.2023) [in Russian].

10. *Lukes S.* Power: a radical view. Moscow: Publishing House of HSE, 2010. 238 p. [in Russian].

11. *Lyakhov A. V.* Ensuring transparency and openness of the activities of political governance actors as a factor in improving the quality of functioning of state authorities // State and Municipal Management. Scientific Notes. 2022. No. 1. P. 294–299 [in Russian].

12. *Malysheva M. A.* Theory and methods of modern public administration: textbook and method. allowance. St. Petersburg: Department of Operational Printing of HSE, 2011. 280 p. [in Russian].

13. *Malko A. V.* Theory of state and law. Saratov: KROSS-N, 2010. 239 p. [in Russian].

14. *Mamut L. S.* State in the value dimension. Moscow: Norma, 1990. 45 p. [in Russian].

15. *Mamychev A. Yu.* State power in the sociocultural organization of modern society: theoretical and methodological aspects of political and legal transformation. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2018. 289 p. [in Russian].

16. *Manoylo A. V.* Information warfare and psychological operations: a guide to action. Moscow: Goryachaya liniya – Telecom, 2020. 495 p. [in Russian].

17. General theory of state: classical and modern issues / V. Ya. Lyubashits [et al.]. Moscow: Yurlitinform, 2021. 712 p. [in Russian].
18. Problems of the operation of law in new historical conditions. Proceedings of the Academy / Ed. by N. N. Voplenko [et al.]. Moscow: Publishing House of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. 163 p. [in Russian].
19. Anti-corruption in the context of digitalization of the state, law and economy: conceptual and institutional aspects / Ed. by A. I. Ovchinnikov. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of SFedU, 2021. 178 p. [in Russian].
20. *Romanenko E. A.* Transparency of public administration as a condition for the stability of the state // Current Problems of Our Time: Science and Society. 2014. No. 3. P. 3–9 [in Russian].
21. *Slepyshev A. L., Dovzhenko D. V., Zyryanov S. G.* Concept, properties and main components of the mechanism of public administration: regional aspect // Society and Power. 2012. No. 6. P. 81–87 [in Russian].
22. Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 No. 229 “On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation” // Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540 (date of application: 05.12.2023) [in Russian].
23. Federal Law of December 8, 2020 No. 394-FZ “On the State Council of the Russian Federation” // Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105 (date of application: 05.12.2023) [in Russian].
24. Fakes: the trajectory of lies. Information front of a special military operation / A. V. Manoylo [et al.]. Moscow: Goryachaya liniya – Telecom, 2023. 272 p. [in Russian].
25. *Khabrieva T. Ya., Chirkin V. E.* Theory of modern constitution. Moscow: Norma, 2005. 319 p. [in Russian].
26. *Chirkin V. E.* Fundamentals of state power. Moscow: Yurist, 1994. 110 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 18.01.2024

Received January 18, 2024

Власова Галина Борисовна,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории
права и государства,
Ростовский филиал Российского
государственного университета правосудия,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66;
профессор кафедры теории
и истории права и государства,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70/54,
email: vlasovagb@mail.ru

Vlasova, Galina B.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department “Theory and History
of Law and the State”, Rostov branch
of the Russian State University of Justice,
66 Lenin Str., Rostov-on-Don, 344038,
Russian Federation;
Professor at the Department
of Theory and History of Law and State,
South Russian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
70/54 Pushkinskaya Str.,
Rostov-on-Don, 344002,
Russian Federation,
email: vlasovagb@mail.ru

Сараев Николай Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права
и государства, научный сотрудник,
Ростовский филиал Российского
государственного университета правосудия,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66,
email: snv_571978@mail.ru

Saraev, Nikolay V.,
PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Theory and History
of Law and the State, researcher, Rostov branch
of the Russian State University of Justice,
66 Lenin Str., Rostov-on-Don, 344038,
Russian Federation,
email: snv_571978@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ОРУЖИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERING ILLEGAL TRAFFIC OF WEAPONS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка проанализировать основные этапы нормативной регламентации правил, касающихся сферы обращения с оружием. Делается вывод о том, что уже в древнерусских источниках права имелись нормы, рассматривающие оружие как средство значительного облегчения совершения криминального акта, обращение которого подлежало строгому ограничению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обращение оружия; оборот колюще-режущих предметов; вооруженные преступления; уголовная ответственность; профилактика правонарушений.

ABSTRACT. The article attempts to analyze the main stages of the normative regulation of rules relating to the handling of weapons. It is concluded that already in ancient Russian sources of law there were norms that considered weapons as a means of significantly facilitating the commission of a criminal act, the circulation of which was subject to strict restrictions.

KEYWORDS: circulation of weapons; circulation of sharp and cutting objects; armed crimes; criminal liability; crime prevention.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Власова, Г. Б. Историко-правовые аспекты противодействия незаконному обороту оружия в дореволюционный период / Г. Б. Власова, Н. В. Сараев. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 19–23. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-2.

FOR CITATION:

Vlasova, G. B., and Saraev, N. V. (2024) Historical and Legal Aspects of Countering Illegal Traffic of Weapons in the Pre-Revolutionary Period. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 19–23 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-2.

Общепризнанной является точка зрения ученых о том, что успешное решение задач, связанных с противодействием криминальному поведению, возможно при условии внедрения синтеза научных достижений в криминологической сфере и в области применения положений уголовного закона [2; 5]. Напротив, игнорирование апробированных временем репрезентативных выводов и постулатов в будущем будет обуславливать появление качественно новых, чреватых большими последствиями, связанных с необходимостью задействования значительного правоохранительного потенциала криминальных явлений. Исходя из вечного характера антиобщественного поведения, квинтэссенция правоохранительной деятельности государственного механизма заключается в недопущении криминального воздействия на принятие решений высшими должностными лицами государства, сотрудниками, осуществляющими предварительное расследование, и судьями. Однако, как свидетельствуют современные данные криминальной хроники, попытки криминального лоббирования и демонстрация антиобщественными элементами имеющихся в их распоряжении средств давления сегодня констатируются скорее как данность современного бытия, нежели как события, вызывающие большой общественный резонанс [1]. К примеру, законодатель вынужден реагировать уголовно-правовыми средствами на действия по сплочению криминальной среды и вводить в уголовный закон нормы, регламентирующие последствия за попытки занять в ней доминирующее положение. Реалии сегодняшнего времени свидетельствуют о невозможности реализовать свои криминальные усмотрения антиобщественными элементами без наличия в их распоряжении оружия. Оружие – это то средство, которое не только устраняет имеющиеся барьеры на пути к достижению преступной цели, но и демон-

стрирует спектр возможного силового варианта решения.

Несмотря на то, что цивилизация за многовековую историю ушла далеко вперед, по-прежнему государству и обществу присущи криминальные методы разрешения политических, межнациональных и межличностных конфликтов и споров. Более того, закономерности ретроспективной действительности демонстрируют изменение качественных и количественных характеристик противоправного поведения, характеризующееся все более жестокими способами и применением оружия, объективизацию сформированного веками в структуре личности природного агрессивного инстинкта в поведенческих актах, совершенных из мести либо в целях корыстного завладения имуществом, фанатичного превосходства над другими людьми и т. д.

Отечественный опыт борьбы с вооруженной преступностью достаточно обширен. Данную проблематику выдающийся ученый-академик М. В. Ломоносов определял в число приоритетных направлений национальной политики. Так, в письме графу И. И. Шувалову о сохранении и размножении русского народа ученый акцентирует внимание на ущербе от убийств и разбойных нападений, совершенных с применением оружия. В научном труде затрагиваются проблемы социального контроля преступности, участия граждан в охране общественного порядка и мер по стимулированию такой деятельности, расширению мер безопасности. Как отмечает М. В. Ломоносов, «на разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды. Основательнейшие и сильнейшие к тому требуются способы» [7].

Значительно расширившим спектр действий с оружием, подлежащих уголовно-правовым ограничениям и запретам, являлось Соборное

уложение (1649 г.), в котором была предпринята попытка не только сгруппировать рассматриваемые действия, но и предусмотреть квалифицированные обстоятельства их совершения. В частности, древнерусский правовой источник регламентирует криминальные действия, связанные с оружием, на территории царского двора. Представляет интерес конкретизация последствий за преступные вооруженные акты в зависимости от статуса находившихся при дворе лиц. Безусловно, наиболее сурово карались деяния, совершенные с применением оружия, в тех случаях, когда при этом присутствовали члены царской семьи. Предусматривались также членовредительные наказания тогда, когда преступник не смог убить или нанести ранение, при этом в случаях, если оружие было обнажено, надлежало обстоятельно допросить о мотивах такого деяния [6].

Две статьи Уложения устанавливали ответственность за деяния, касающиеся стрельбы в местах скопления населения. В нормах непосредственно указывалось на высокую вероятность причинения такими действиями вреда, а также предусматривались наказания в виде батогами и заключения в тюрьму.

Одна из статей Уложения, включенная в главу о преступлениях в сфере «службы всяких ратных людей», регламентировала последствия за хищение чужого оружия. В частности, преступника надлежало допросить и «нещадно бить кнутом».

Представляет интерес позиция древнерусского законодателя относительно установления в Уложении более строгого наказания за вооруженное посягательство на здоровье и жизнь судьи. В правовом источнике детализируется аргументация повышенной общественной опасности вооруженного покушения, связанной именно с намерением причинить тяжкие последствия [4].

Таким образом, целый ряд положений Соборного уложения детализировал криминальные действия, сопряженные с оружием, при этом законодатель разделяет деяния, совершенные с применением оружия, и преступные акты, в которых оружие выступает в качестве предмета.

Следует отметить, что генезис положений, криминализирующих те или иные незаконные деяния, сопряженные с оружием, обуславлива-

ется совершенствованием технических характеристик оружия, а также расширением границ психологической готовности его применить в корыстных целях.

Важным актом, нормы которого регламентировали вопросы превенции вооруженных преступлений, являлся Воинский Артикул (1715 г.), не только содержащий новеллы в сфере военных вооруженных преступлений, но и криминализовавший такие действия, рассматриваемые в качестве первоначальных и влекущих тяжкие последствия, как обнажение шпаги и нацеливание пистолета. Представляет интерес норма Артикула, регламентирующая последствия за растрату оружия, в том числе при совершении такого деяния неоднократно. Так, уголовной ответственности подлежало не только лицо, которое сбыло оружие, но и принявшее или купившее. В нормативном пояснении отмечалось, что оружие является средством защиты от неприятеля и подлежит строгому учету и бережению, которые должны обеспечиваться, «чтоб свою должность надлежащим образом в бою отправлять» [8].

Прогрессивным этапом правовой регламентации оборота оружия являлось принятие Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений (1790 г.), которым устанавливался запрет на ношение оружия, предметов, которые тайно скрывают их колюще-режущие характеристики, а также на стрельбу из оружия в общественных местах. Вместе с этим данный документ регламентировал наделение губернаторов и градоначальников достаточно широким полномочиями в сфере обращения оружия. Так, Свод содержал нормы, регламентировавшие полномочия высших должностных лиц в установлении порядка хранения и торговли огнестрельным оружием, а также мер административной ответственности в виде ареста и штрафа за их несоблюдение.

Впервые Свод достаточно подробно конкретизировал деяния, составляющие криминальное обращение с оружием. В частности, были предусмотрены меры ответственности за ношение оружия без соблюдения установленного порядка, использование оружия в отсутствие на то надобности, криминальные способы изготовления элементов оружия и взрывных устройств.

Влияние технических возможностей механических устройств, способных к физическому воздействию, ставило на повестку дня вопрос о более детальном урегулировании порядка обращения частей оружия и взрывных устройств, в связи с чем в первом кодифицированном уголовном законе – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) – содержались специализированные нормы, объединенные главой «О противозаконном выделывании и хранении оружия или пороха и нарушении других, для ограждения личной безопасности постановленных, правил осторожности». Нормы Уложения закрепляли исключительную государственную прерогативу на изготовление оружия, предусматривающую полный запрет на выдачу разрешений на осуществление деятельности, связанной с производством частей оружия, пороха и боеприпасов [9].

Анализ санкционных последствий показывает, что срок изоляции лица, признанного виновным в совершении криминального оборота оружия, был поставлен в зависимость от количества изъятого вооружения. Период заключения в тюрьме варьировался в границах до полугодия при изъятии незначительного количества единиц оружия и до двух лет – в случаях установления причастности к совершению деяний в рассматриваемой сфере, свидетельствующих об устойчивости криминальных намерений.

Анализируемый нормативный документ содержал положения, предусматривавшие ответственность за противоправное хранение нелегального оружия и пороха в виде ареста до трех месяцев или штрафной суммы до 100 рублей с изъятием оружия. Вместе с тем, если обнаружение и изъятие единиц оружия было связано с производством по делам о преступлениях, касающихся государственной или общественной безопасности, то наказание устанавливалось в зависимости от содержания санкции за данные преступления. Также нормы Уложения криминализировали поведение, которое свидетельствовало об осведомленности лица относительно противоправности обращения оружия. В частности, уголовному преследованию подлежали лица, которые не сообщили в полицию об обращении к ним по фактам ремонта оружия. Санкция за непринятие мер по пресечению незаконного обращения оружия предусматривала арест до семи дней.

Представляет интерес норма, регламентирующая ответственность за действия, создающие угрозу для общества или ставящие в опасность пребывание лиц в общественных местах ввиду нелегального использования оружия – стрельбы без надобности, караемые штрафной суммой.

Следует отметить, что факт использования оружия являлся исключительным квалифицирующим фактором, устанавливающим законные основания применения к лицу более строгого наказания. То есть признак вооруженности свидетельствовал о мотивационной стороне криминального деяния, готовности лица причинить тяжкие последствия, стойкости его антиобщественного ориентирования и установки личности.

Еще одним нормативным актом, заслуживающим внимания с точки зрения развития и совершенствования правовых инструментов, регулирующих общественные отношения в сфере оборота оружия, является Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.), который содержал две статьи, помещенные в главу «О проступках против личной безопасности» [3]. Анализ положений рассматриваемых нормативных установлений показал, что запреты касались следующих действий:

- наличие по месту жительства или при себе нелегального оружия;
- действия, создающие угрозу для общества или ставящие в опасность пребывание лиц в общественных местах ввиду нелегального использования оружия;
- наличие по месту жительства или при себе пороха в объеме, превышающем нормативно допустимый;
- нарушение условий хранения оружия, характеризующееся заряженным его состоянием;
- пребывание лица, имеющего при себе оружие, в местах массового скопления граждан.

Согласно положениям Воинского устава о наказаниях от 5 мая 1868 г. подлежало строгой ответственности поведение военнослужащего, оказывающего неповиновение начальнику, сопряженное с демонстрацией оружия. В качестве санкции за рассматриваемый криминальный акт предусматривались каторжные работы до 12 лет в случае совершения деяния в мирное время и смертная казнь в военное время. Основным квалифицирующим крите-

рием при совершении криминальных действий в ходе несения военной службы, в том числе заключающихся в неповиновении командирам, был факт угрозы путем демонстрации оружия или его использования, которое, безусловно, влекло значительно более строгое наказание.

Также Устав содержал специальную главу, в которой были помещены нормы, устанавливавшие последствия за деяния, связанные с халатным хранением военного арсенала, включающего оружие, боеприпасы и лошадей. Рассматриваемые криминальные деяния подразделялись на две группы: к первой относились факты растраты вверенного военного имущества, совершенные из корыстных побуждений; ко второй – умышленные действия по приведению в негодность военного обмун-

дирования и оружия. В первом случае санкция предусматривала изоляцию в военную тюрьму до четырех месяцев, во втором – лишение особых прав и помещение в военно-исправительные роты на срок до трех лет.

Таким образом, анализ дореволюционного законодательства, регулировавшего оборот оружия, показывает, что его развитие происходило во взаимосвязи с техническим совершенствованием механизмов, их поражающего воздействия, предопределяющего общественную опасность вооруженных преступлений в связи со значительным облегчением реализации криминального умысла и формированием мотивационной антиобщественной установки личности.

Список использованных источников

1. Антоян Ю. М. Мотивация преступного поведения. М.: Юрлитинформ, 2018. 376 с.
2. Задоян А. А. Проблемы уголовно-правового предупреждения незаконного оборота оружия. М.: Проспект, 2021. 272 с.
3. История государства и права России с древности до 1861 года: учеб. пособие / В. К. Цечоев [и др.]. М.: Прометей, 2019. 416 с.
4. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: Зерцало-М, 2003. 182 с.
5. Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 582 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 3. 510 с.
7. Письмо М. В. Ломоносова к графу И. И. Шувалову. URL: <https://lomonosov300.ru/148050.htm> (дата обращения: 14.02.2024).
8. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII в. / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1992. 312 с.
9. Рогов В. А. Уголовные наказания и репрессии в России середины XV – середины XVII в. М.: Росвузнаука, 1992. 94 с.

References

1. Antonyan Yu. M. Motivation of criminal behavior. Moscow: Yurлитinform, 2018. 376 p. [in Russian].
2. Zadoyan A. A. Problems of criminal law prevention of illegal arms trafficking. Moscow: Prospekt, 2021. 272 p. [in Russian].
3. The history of the state and law of Russia from antiquity to 1861: a textbook / V. K. Tsechoev [et al.]. Moscow: Prometey, 2019. 416 p. [in Russian].
4. Momotov V. V. Formation of Russian medieval law in the IX–XIV centuries. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 182 p. [in Russian].
5. Nepomnyashchaya T. V. The purpose of criminal punishment: theory, practice, prospects. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2006. 582 p. [in Russian].
6. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1985. Vol. 3. 510 p. [in Russian].
7. M. V. Lomonosov's letter to Count I. I. Shuvalov. Available at: <https://lomonosov300.ru/148050.htm> (date of application: 14.02.2024) [in Russian].
8. The development of Russian law in the second half of the XVII – XVIII centuries / Ed. by E. A. Skripilev. Moscow: Nauka, 1992. 312 p. [in Russian].
9. Rogov V. A. Criminal punishments and repressions in Russia in the mid-15th – mid-17th centuries. Moscow: Rosvuznauka, 1992. 94 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 19.02.2024

Received February 19, 2024

Емельянов Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
Юго-Западный государственный
университет,
308015, г. Курск,
ул. 50 Лет Октября, д. 94,
email: esg@mail.ru

Yemelyanov, Alexey S.,
PhD in Law,
Associate Professor
at the Department
of Theory and History
of State and Law, Southwest State University,
94 50 Let Oktyabrya Str., Kursk, 308015,
Russian Federation,
email: esg@mail.ru

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕОРИИ ЭЛИТАРИЗМА О ПРИВИЛЕГИЯХ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

WESTERN EUROPEAN THEORIES OF ELITISM ABOUT THE PRIVILEGES OF THE RULING ELITE

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются различные западноевропейские элитарные теории власти с акцентом на обосновании властных привилегий. Денсосигнация политической элиты выражается в особом статусе, узаконенных иммунитетах и привилегиях, необходимых для выполнения управленческих функций. Исключительное право элиты обосновывается сторонниками теории элитаризма «вечностью неравенства», «естественностью господства» и необходимостью сохранения стабильности власти. Несмотря на недостатки различных теорий элитарности, вряд ли можно поспорить с тем, что государственная власть всегда осуществляется группой лиц (социальной, политической, военной и др.), наделенных в том числе и правовыми привилегиями. Очевидно, что борьба элиты за привилегированный социальный статус во многом есть борьба за власть.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: элитаризм; привилегии; правящая элита; правовые привилегии; доктрина; теория; учение; Гаэтано Моска; Вильфредо Парето; Роберт Михельс; Макс Вебер; Фридрих Ницше.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Емельянов, А. С. Западные европейские теории элитаризма о привилегиях правящей элиты / А. С. Емельянов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 24–29. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-3.

ABSTRACT. The article analyzes various Western European elite theories of power with an emphasis on the justification of power privileges. The densification of the political elite is expressed in a special status, legalized immunities and privileges necessary to perform managerial functions. The exclusive right of the elite is justified by supporters of the theory of elitism by the “eternity of inequality”, the “naturalness of domination” and the need to preserve the stability of power. Despite the shortcomings of various theories of elitism, it is hardly possible to argue that state power is always exercised by a group of persons (social, political, military, etc.) endowed, among other things, with legal privileges. It is obvious that the struggle of the elite for a privileged social status is in many ways a struggle for power.

KEYWORDS: elitism; privileges; ruling elite; legal privileges; doctrine; theory; teaching; Gaetano Mosca; Vilfredo Pareto; Robert Michels; Max Weber; Friedrich Nietzsche.

FOR CITATION:

Yemelyanov, A. S. (2024) Western European Theories of Elitism about the Privileges of the Ruling Elite. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 24–29 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-3.

Парная категория «элитаризм – эгалитаризм» всегда выражала дихотомию философско-правового осмысления социального устройства и системы общественного управления, лежала в основе определения таких ключевых понятий, как свобода и справедливость. Со времени зарождения философской и научной мысли проблема равенства и неравенства выступала одним из главных социальных вопросов. При этом в политико-правовой доктрине основной фокус внимания был сосредоточен преимущественно в плоскости формального равенства. В этом аспекте интерес представляет вечный вопрос о социальном разделении на управляющих и управляемых и так называемом «исключительном праве» первых.

Несомненно, элитарная теория власти, оформившаяся в XIX в., опиралась на более ранние учения. Так, в античной политической доктрине ярким проводником элитарной идеологии был Платон (предположительно 428–347 гг. до н.э.), учение которого о государстве было предтечей теории циркуляции властей. Определяя шкалу типов государства, идеальным он считал аристократический тип государства, в котором правят философы. Управлять должен тот, писал Платон, «кто способен править»; «толпе не присуще быть философом» [11]. Именно интеллектуальные способности к управлению дают привилегию на власть. «Раз философы – это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы, то спрашивается, кому из них следует руководить государством?» [11].

В связи с этим качество законов и их социальная сущность зависят от тех, кто находится у власти. «В каждом государстве, – писал Платон, – силу имеет тот, кто у власти... Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу» [11]. Проблему справедливости, по его мнению, невозможно разрешить без анализа таких дефиниций, как «равенство» и «иерархия». Любое общество иерархично, любая иерархия порождает неравенство, а политическое неравенство – властные привилегии.

В средневековый период идеологом теории социальной стратификации был итальянский

(флорентийский) философ и политик Никколо Макиавелли (1469–1527). В своих знаменитых трактатах «Государь» (1513) и «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» [3; 4] он обосновывал право правящих кругов использовать аморальные средства для достижения своих политических целей. Макиавелли отмечал, весь народ не может стремиться к власти. Большинству нужна безопасность, а не власть. «Часть народа, – писал он, – желает быть свободной, дабы властвовать; все же остальные, а их подавляющее большинство, стремятся к свободе ради своей безопасности» [4].

Значительное влияние на теорию элитаризма оказал немецкий философ Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900). Нельзя не согласиться с Т. В. Торубаровой в том, что «два ключевых выражения определяют метафизику Ницше: “воля-к-власти” и “вечное возвращение того же самого”» [12, с. 5]. Именно волю к власти мыслитель считал движущей силой прогресса. «Жизнь и есть стремление к власти» [7, с. 262].

Привилегии властвующих Ницше выводил из «инстинкта ранга» и «инстинкта почитания». Он писал: «Существует “инстинкт ранга”... служит отличительной чертой высокого ранга» [7, с. 277]. Классовое расслоение мыслитель считал природно обоснованным, доказывая, что это проявляется в моральной сфере. «Есть “нравственность господ” и “нравственность рабов”... часто, при желании смешать их, случается то, что они не понимают одна другую, а иногда упорно стоят, каждая, на своем месте и не поддаются никакому сближению...» [7, с. 263]. По его мнению, «различия в нравственной оценке возникли... среди господствующая класса, который с наслаждением сознал разницу между собою и подчиненными» [7, с. 263]. Основа привилегий, по мнению Ницше, базируется на психологии человека. «...Степень высокомерия и гордости в душе служит для отличия и определения ранга» [7, с. 263]. Ницше считал опасным отказ от привилегий, которые полагал естественными.

Принято считать, что зарождение элитарной теории управления связано с именами итальянских мыслителей XIX в. Гаэтано Моски (1858–1941), Вильфредо Парето (1848–1923) и Роберта Михельса (1876–1936), обосновавших идею институционального единства элиты, власть которой не зависит от демократических выбо-

ров. Переплетение интересов в рамках экономически господствующих элементов, военной и политической элиты превращает основную массу общества в объект для манипулирования властной элитой. Учитывая специфику работы, нас интересует доктрина управления, определяющая элиту как привилегированную группу, находящуюся у власти.

Родоначальником теории политической элиты справедливо считают Гаэтано Моска, опубликовавшего в 1884 и 1886 гг. две работы, в которых излагалась его концепция «политического класса». Моска доказывал, что в любом обществе «существуют два класса людей: правящих и управляемых. Первый всегда малочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и пользуется всеми преимуществами, находящимися в его распоряжении» [6, с. 45]. Управляемый класс обеспечивает «материальными средствами существования и всем необходимым для жизнедеятельности политического организма» [6, с. 45].

Моска не разделял идей социалистов различных направлений общественной мысли, что преодоление всех несправедливостей «зависит от способа организации общества, что их вполне можно было бы избежать, если бы власть предрешающие не были бы орудиями богатых и могущественных, а действовали реально в пользу слабых» [6, с. 220–221]. Именно эта идея, по его мнению, породила многочисленные теории, во-первых, коллективизма (социализма, коммунизма) и, во-вторых, анархизма. В коммунистическом (социалистическом) обществе обязательно появятся политические лидеры – «управляющие» республикой, а лица, обладающие полномочиями к принуждению, всегда смогут пользоваться властью по своему усмотрению. В изменение человеческой природы на основе трансформации общественного строя Моска не верил. Он считал, что социальное деление на «управляемых» и «управляющих» в любом обществе безусловно, варьируется в зависимости от юридического основания получения политического мандата на власть. Аристократическая тенденция приводит к стремлению передачи привилегий по наследству. Представительная (демократическая) система «предоставляет многообразным социальным силам возможность участвовать в политическом режиме, контролируя и огра-

ничивая действия других общественных сил, то есть бюрократии» [6, с. 206], что способствует обновлению ее состава. Напротив, превращение «правящего класса» в закрытую наследственную аристократическую группу грозит его вырождением.

Идеи Моски были развиты в работах Вильфредо Парето [8–10, 14; 15], оставившего более 30 томов сочинений, где социологическая проблематика сочеталась с историей, политэкономией и политологией. Парето также был убежден, что миром правит меньшинство. Он писал: «Повсюду мы имеем немногочисленный правящий класс, удерживающийся у власти частично с помощью силы, частично с согласия управляемого класса, более многочисленного» [15, р. 317]. Именно с его именем связано введение в науку термина «элита», однако без точного определения. Он выдвигал различные критерии выделения элиты – от ценностного до структурно-функционального (управленческого).

Парето, так же как и Моска, критически относился к идее демократии, называя эту политическую систему «демагогической плутократией». Согласно его теории круговорота (циркуляции) элит, если «высший слой» накапливает в своем составе ненадлежащие, недоброкачественные, ущербные элементы, это приводит к его разложению и общественному кризису. При этом ученый полагал, что формирование правящей элиты определяется развитием производительных сил общества. Пока элита поддерживает господствующий способ производства, отражает сложившиеся в обществе производственные отношения, она поддерживается социумом, сохраняя свою власть и авторитет.

Исторический процесс, согласно теории Парето, – это вечная циркуляция элит. «Элиты возникают из низших слоев общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и в конце концов вырождаются, уничтожаются и исчезают... Круговорот элит является универсальным законом истории» [14, р. 34]. При этом качества, которые обеспечивают властной элите господство, трансформируются в зависимости от эволюции способа производства и специфики социального развития. «История – это кладбище аристократий», – писал он [8, с. 74].

Используя терминологию Макиавелли, Парето выделял два типа элит: «львы» и «лисы». Первые – консервативны, при них политическая система устойчива, доминируют силовые методы управления. Вторые – приходят к власти в период кризиса и неустойчивости политической системы, требующих активных деятелей, реформаторов; они либеральны, демагогичны, преобладают манипулятивные методы властвования. В рамках каждого типа Парето выделял правящую элиту, играющую значительную роль в государственном управлении, и не правящую. Стабильность системы обеспечивается пропорциональной циркуляцией элит, отсутствие которой приводит к вырождению правящей элиты и стагнации общества, кризису и революционным ситуациям. Революция, по его мнению, есть прежде всего борьба и ротация элит.

Значительный вклад в разработку элитарной теории внес Роберт Михельс, известность которого связана с обоснованием ключевого принципа теории элит – «железного закона олигархии». Суть закона состоит в утверждении, что при любой форме социальной организации управление олигархично. «Демократия, – утверждал он, – ведет к олигархии и даже включает в себе истоки олигархии» [5, с. 14].

Причину появления олигархии в политической партии он видел в общем праве на делегирование и невозможности существования без лидеров. Олигархия «демократического типа» всегда опирается на принцип массовости или большинства. «Массы сами по себе необходимы либералам исключительно как средство достижения их далеко идущих целей» [5, с. 18]. Властвующая элита защищает прежде всего свое привилегированное положение, что, по мнению Михельса, связано не с господствующими производственными отношениями, как у марксистов, а с «вечным» законом управления, всегда порождающим бюрократию.

Особую роль в развитии элитаризма сыграли работы выдающегося немецкого социолога Максимилиана Карла Эмиля Вебера (1864–1920) [2; 16]. Применительно к исследуемой проблеме особый интерес представляет социология власти Вебера. Ключевые категории его теории легитимного господства: элита и бюрократия; господство и власть. Исследуя тему управления, Вебер разделил понятия господ-

ства и власти. По его мнению, господство есть отношения между управляющими и подвластными, при которых первые навязывают свою волю посредством приказов. «Господство, – отмечал Вебер, – означает шанс встретить повиновение определенному приказу» [16, S. 99]. Властные отношения носят взаимозависимый характер. Обличенные властью стремятся навязать свою волю, используя как насилие, так и авторитет; подвластные при этом имеют выбор. Базируясь на мотивах поведения управляющих и управляемых, мыслитель выделил несколько легитимных типов господства: бюрократический, традиционный, харизматический.

Бюрократический (легальный) тип господства предполагает наличие аппарата управления, который функционирует по строго определенным (легитимным) правилам. Управлением занимаются специально обученные чиновники (бюрократы), действующие в рамках установленных правовых норм; преобладает рациональный тип социального действия. Такой тип господства Вебер считал технически наиболее оптимальным, однако отмечал, что и в этом случае «на вершине лестницы стоят либо наследственные монархи, либо избранные народом президенты, либо либералы, избранные парламентской аристократией» [16, S. 100].

Традиционный (патриархальный) тип господства, по мнению Вебера, основан на вере в сложившиеся традиции, управление базируется не на компетенции чиновника, а на личной преданности правителю. Управление представлено схемой: господин – слуги (чиновники) – подданные [16, S. 101], но иерархическая структура может нарушаться привилегиями.

Третий тип господства – харизматичный – опирается на неординарную личность, которая способна благодаря своим личностным качествам подчинять себе массы. Это самая нестабильная форма господства, для которой характерен экспансивный тип социального действия.

Позднее теория элит получила значительное развитие, однако акцент был во многих учениях смещен на определение элиты относительно к власти. Обоснования социального элитаризма различные мыслители видели в человеческой психологии (Л. Бернхард, М. Гинсберг, Дж. Джиттлер, Д. Домхофф,

Г. Тард и др.), биологии (Э. Вильсон, Ч. Ламброзо, В. Ляпуж, У. Пирс, Р. Хернстайн и др.), религиозных догматах и других иррациональных трактовках (Дж. Кокс, Ж. Маритен, Р. Флюэллинг, Л. Фройнд, Э. Юнгер и др.). Например, крайней формой биологического элитаризма можно назвать теорию нацизма (А. Гитлер, А. Розенберг), основанную на признании превосходства арийской нации.

Нельзя не согласиться Г. К. Ашиным в том, что значительное распространение получила политико-организаторская трактовка элитаризма (А. Берли, Дж. Бернхэм, Т. Дай, Д. Сартори, У. Уорнер, Л. Эппли и др.), «базирующаяся на “искусстве управления”, которым якобы в наибольшей степени владеет элита» [1, с. 96]. Основные тезисы функционального обоснования элитаризма включают: иерархичность организации любого общества; наличие социальных привилегий; неспособность народа (масс) к самоуправлению; бессмысленность революционных потрясений, которые в любом случае приводят лишь к смене правящих элит.

Ключевым признаком политической элиты, выполняющей функции социального управления, выступают привилегии. В юридическом смысле это узаконенные льготы, необходимые для выполнения управленческих функций и поддержания статуса. Политическая элита проявляет групповую заинтересованность в сохранении своего привилегированного положения. Борьба за исключительные права и привилегии, понимаемые в широком смысле, это и есть во многом борьба за власть. «Система различных привилегий, – писал американский социолог Альфред Грин, – установлена везде, независимо от социальной структуры и политической идеологии» [13, с. 269].

Необходимость привилегий и преимуществ элиты, включая правовые, обосновывается элитаристами «вечностью неравенства» и «естественностью господства». Кроме того, сама привилегия на управление закрепляется элитой. В правовой сфере элитаризм выражается в системе льгот, преимуществ, привилегий, которыми наделяются «управляющие».

Таким образом, содержание теории элитаризма в политическом аспекте базируется на идее неспособности широких народных масс к самоорганизации и управлению. Управлять

государством призвана элита, формирующаяся на основе происхождения, образования, личностных качеств, политического опыта и др., однако с возможностью и необходимостью разбавления элиты «свежей кровью» – талантливыми представителями народных масс. Чаще всего стремление к властвованию и подчинению обосновывалось спецификой человеческой психики, психологическими потребностями людей. Многие современные интерпретаторы теории элит отмечают борьбу за власть между различными элитарными группировками (в России – «башнями Кремля»), которые в период обострения политической ситуации могут отстаивать разные направления дальнейшего развития страны. Сторонники демократии при этом отмечают, что народ может контролировать деятельность и борьбу элит посредством избирательного права. Денсигнация политической элиты выражается в особом статусе, узаконенных иммунитетах и привилегиях, необходимых для выполнения управленческих функций. Очевидно, что борьба элиты за привилегированный социальный статус во многом и есть борьба за власть. Несмотря на недостатки различных теорий элитарности, вряд ли можно поспорить с тем, что государственная власть всегда осуществляется группой лиц (социальной, политической, военной и др.), наделенных в том числе правовыми привилегиями. Важно, чтобы эта власть координировалась с интересами общества и была направлена на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей народа.

Список использованных источников

1. Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. М.: Международные отношения, 1985. 256 с.
2. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре. М.: ИНИОН, 1991. 301 с.
3. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения на первую декаду Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Попурри, 2020. 672 с.
4. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Makiavelli.Tit.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).
5. Михельс Р. Социология политической партии в современной демократии: исследование олигархических тенденций в совместной жизни. М.: Дело, 2022. 448 с.
6. Моска Г. Начала политической науки. М.: Русайнс, 2016. 256 с.

7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Книжный склад Д. П. Ефимова, 1900. 335 с.
8. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 511 с.
9. Парето В. Социалистические системы. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 715 с.
10. Парето В. Трансформация демократии. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
11. Платон. Государство. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Platon.Gosudarstvo.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).
12. Торубарова Т. В. Ф. Ницше о воле к власти и поиске новых ценностей // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 3. С. 4–12.
13. Green A. Sociology. An analysis of life in modern society. N. Y.: McGraw-Hill, 1952. 579 с.
14. Pareto V. Les systèmes socialistes. Paris: V. Giard & E. Briere, 1902. 600 p.
15. Pareto V. Trattato di sociologia generale. Firenze: G. Barbera, 1916. Vol. 1. 879 p.
16. Weber M. Staatssoziologie. Berlin: Duncker und Humblot, 1966. 140 S.
4. Machiavelli N. Discourses on the first decade of Titus Livy. Available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Machiavelli.Tit.pdf> (date of application: 11.14.2023) [in Russian].
5. Michels R. Sociology of a political party in modern democracy: a study of oligarchic tendencies in joint life. Moscow: Delo, 2022. 448 p. [in Russian].
6. Mosca G. The beginnings of political science. Moscow: Rusayns, 2016. 256 p. [in Russian].
7. Nietzsche F. Beyond good and evil. Moscow: Book warehouse of D. P. Efimov, 1900. 335 p. [in Russian].
8. Pareto V. Compendium on general sociology. Moscow: Publishing house of HSE, 2008. 511 p. [in Russian].
9. Pareto V. Socialist systems. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2019. 715 p. [in Russian].
10. Pareto V. Transformation of democracy. Moscow: Territoriya budushchego, 2011. 208 p. [in Russian].
11. Plato. State. Available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Platon.Gosudarstvo.pdf> (date of application: 12.10.2023) [in Russian].
12. Torubarova T. V. F. Nietzsche on the will to power and the search for new values // Bulletin of the Vyatka State University. 2018. No. 3. P. 4–12 [in Russian].
13. Green A. Sociology. An analysis of life in modern society. N. Y.: McGraw-Hill, 1952. 579 p. [in English].
14. Pareto V. Socialist systems. Paris: V. Giard & E. Briere, 1902. 600 p. [in French].
15. Pareto V. Treatise on general sociology. Firenze: G. Barbera, 1916. Vol. 1. 879 p. [in Italian].
16. Weber M. State sociology. Berlin: Duncker and Humblot, 1966. 140 p. [in German].

References

1. Ashin G. K. Modern theories of the elite: a critical essay. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985. 256 p. [in Russian].
2. Weber M. Works of M. Weber on sociology, religion and culture. Moscow: INION, 1991. 301 p. [in Russian].
3. Machiavelli N. The Sovereign. Reasonings for the first decade of Titus Livy. About the art of war. Moscow: Popurri, 2020. 672 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 16.12.2023
Received December 16, 2023

Казачанская Елена Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: elk.13@yandex.ru

Kazachanskaya, Elena A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: elk.13@yandex.ru

Верченко Владислав Александрович,
студент IV курса, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: verchenko@sfedu.ru

Verchenko, Vladislav A.,
4th year student,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: verchenko@sfedu.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЗАЩИТА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ИНСТИТУТ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ ТРАНСГУМАНИЗМА

LEGISLATIVE PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES AND THE INSTITUTION OF THE FAMILY IN THE FACE OF THREATS AND CHALLENGES OF TRANSHUMANISM

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме сохранения и защиты традиционных семейных ценностей в законодательстве современных государств в целом и Российской Федерации в частности. Важным вызовом им авторы считают идеологию трансгуманизма, несущую явную угрозу обществу в его традиционном понимании. В последнее десятилетие законодатель активно принимает меры для укрепления соответствующих ценностей в нашем обществе, защищая их нормативно-правовыми актами, поскольку государство в лице его лидера признает, что от ценностных приоритетов правовой политики зависит жизнеспособность и сохранность многонационального народа Российской Федерации. По этой причине сохранение традиционной семьи как первичной ячейки общества является приоритетной правотворческой целью России. Авторы утверждают, что без ответа на современные вызовы в сфере семейных ценностей обеспечение национальной безопасности неосуществимо.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семья; брак; духовно-нравственные ценности; традиционные семейные ценности; законодательство; народосбережение; защита нравственных идеалов; трансгуманизм.

ANNOTATION. The article is devoted to the problem of preserving and protecting traditional family values in the legislation of the modern state and the Russian Federation in the context of modern ideas of transhumanism, which pose a clear threat to family values and society in its traditional understanding. In the last decade, the legislator has been actively taking measures to strengthen the relevant values in our society, consolidating them with normative legal acts, since the state, represented by its leader, recognizes that the life and safety of the multinational people of the Russian Federation depends on the value priorities of legal policy. For this reason, the preservation of the traditional family as the primary unit of society is a priority law-making goal of Russia, because without an answer to modern challenges in the field of family values, national security remains under threat.

KEYWORDS: family; marriage; spiritual and moral values; traditional family values; legislation; national conservation; protection of moral ideals; transhumanism.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Казачанская, Е. А. Законодательная защита традиционных ценностей и институт семьи в условиях угроз и вызовов трансгуманизма / Е. А. Казачанская, В. А. Верченко. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 30–38. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-4.

FOR CITATION:

Kazachanskaya, E. A., and Verchenko, V. A. (2024) Legislative Protection of Traditional Values and the Institution of the Family in the Face of Threats and Challenges of Transhumanism. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 30–38 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-4.

В современной правовой политике и государственно-правовом развитии России вопросы защиты традиционных духовно-нравственных ценностей занимают важнейшее место. При этом важным аспектом заявленной темы стало понимание того, что вызовы новой идеологии, основанной на отрицании традиционных духовно-нравственных ценностей, – трансгуманизма – разрушительны именно для института семьи. Об этом свидетельствует не только известный Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809, направленный на создание политического фундамента для обеспечения духовно-нравственной безопасности российского общества, но и целый спектр правотворческих и правоприменительных решений. К их числу, например, следует отнести новую редакцию ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола» от 05.12.2022. Или решение Верховного Суда РФ о признании экстремистской организацией «Международного общественного движения ЛГБТ», в котором отмечаются негативные последствия для традиционных духовно-нравственных ценностей тоталитарной идеологии меньшинств, однополых союзов и трансгендерной пропаганды. Среди элементов этой пропаганды Верховный Суд РФ выделяет специфические признаки: наличие определенных стандартов и правил поведения, символики, обычаев, традиций, манифестаций, терминологии и т. д. Все они негативно влияют на рождаемость и риски демографической безопасности, институт семьи и ценности семейной национальной культуры русского и других народов РФ.

Представляется правильным говорить о необходимости законодательной защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и традиционного семейного права от идеоло-

гии трансгуманизма, которая постепенно вытесняет на периферию классический образ семьи. Трансгуманизм стал реальной идеологической угрозой человечеству – понимание данного факта становится важным трендом современного гуманитарного знания. Достаточно широко стали известны основные угрозы, риски и вызовы традиционным ценностным порядкам со стороны трансгуманистических идей, в которых главной целью становится преобразование человеческой природы посредством технической эволюции тела.

Идеология трансгуманизма предлагает использование технологий и научных достижений для улучшения человеческой природы и преодоления ее ограничений. Однако существуют риски и вызовы, связанные с трансгуманизмом. Вот лишь некоторые из них: увеличение степени расслоения людей по социально-экономическим критериям, так как далеко не все представители бедных слоев населения и даже среднего класса смогут себе позволить установку дорогих устройств; генная модификация или улучшение мозговых процессов, заостряющие вопрос о сохранении понятия «человек»; лавинообразное внедрение технических устройств, неизбежно ведущее к утечке персональных данных и усилению зависимости человека и общества от управляющих центров. Развитие трансгуманистических технологий улучшения мозга создает уязвимость и риски для безопасности личности. Например, в результате подключения человеческого мозга к сети могут возникать ранее неизвестные формы хакерских атак и хищения личных данных.

Трансгуманизм заостряет множество этических проблем, связанных с возможностью изменения генетического кода и манипуляции с человеческими эмбрионами. Уже сейчас некоторые технологии являются, с одной стороны, лечебными, с другой – улучшающими сома-

тические свойства человека. Соответственно, возникают проблемы разграничения между лечением и улучшением человека, и неизвестно, какие последствия могут возникнуть в результате таких изменений, какими могут быть долгосрочные последствия для здоровья и благополучия людей, которые подвергаются таким процедурам.

Но главные риски касаются семейных отношений. Технологии репродуктивного характера влекут изменение самой сущности человеческого бытия, его смысла и человеческих взаимоотношений, связанное с исчезновением естественного процесса размножения и взаимодействия между партнерами.

Защита традиционных семейных ценностей в зарубежном праве. Следует отметить, что меры защиты традиционных духовно-нравственных ценностей в последние годы активно внедряют в законодательство и другие страны. Как справедливо отмечается в современной литературе, «если в основе гуманизма – человек, который живет и совершенствуется по естественным идеалам и заповедям добра, любви и справедливости, предначертанным Создателем, то трансгуманизм предлагает создать более совершенное существо – постчеловека, переделанного с помощью новых технологий для улучшения умственных и физических способностей людей, с целью преодоления нежелательных аспектов человеческого существования: страданий, болезней, старения и смерти. Современные трансгуманисты изучают возможности и последствия применения таких технологий, рассматривая в том числе идею конвергенции биологических, цифровых, нейронных, химических и иных нанотехнологий, обеспечивающих биороботизацию, клонирование и прочие способы кардинального изменения или замены человека» [11, с. 28]. Эти и другие технологии трансгуманистической концепции нового человечества, в которой уже нет места традиционному институту семьи, зарубежные праведы и законодатели пытаются контролировать.

Обратим внимание на необходимость разработки жестких ограничений в изменении человеческой природы. Понимание рисков и вызовов таких изменений в социуме влечет реакцию законодателей в государствах, защищающих традиционные ценности. Например,

в ст. 119 Конституции Швейцарии содержатся юридические запреты на злоупотребления в сфере репродуктивной медицины, ограничиваются технологии генной инженерии; запрещаются разнообразные виды клонирования и вмешательств в наследственный материал, пожертвование эмбрионов и все виды суррогатного материнства. Там же ограничивается и запрещается торговля человеческим зародышевым материалом и производными эмбрионами. Аналогично и в Конституции Венгрии в ст. I и III защищается человеческая жизнь с момента зачатия, запрещается евгеническая практика и все связанные с этим технологии, включая репродуктивное клонирование.

Одной из важнейших целей брака является репродуктивная функция человека. Трансгуманизм, предлагающий новые формы воспроизводства человека – клонирование и инкубирование, – неизбежно ставит вопрос о допустимости отрицания брачных союзов. «В связи с тем, что репродуктивная цель является свойством того, что принадлежит браку, а не какому-либо другому союзу, возникает сомнение в важности данного союза. Ведь появляется способ иного достижения такой цели. Соответственно, сам институт брака, а впоследствии и общество начинает скатываться по скользкой дорожке, которую мы наблюдаем сегодня», – говорится в докладе Франческо Джордано с красноречивым названием «От развода к трансгуманизму» [14]. Автор обращает внимание на то, что развод является кульминацией и результатом целого спектра вопросов социального, экономического и политического характера. Вопросы социального характера вызваны распространением идей так называемой сексуальной революции. Об этом факторе говорится в работе Габриэль Куби «Глобальная сексуальная революция» [15, с. 29–35]. Впрочем, об этом писал еще русско-американский мыслитель, классик социологии Питирим Сорокин в своем сочинении «Американская сексуальная революция» [10, с. 9–15]. Кульминацией, высшей точкой данных изменений можно считать концепцию свободного выбора гендерной идентичности. Экономический аспект связан с переходом за последние двести лет от преимущественно аграрного общества к индустриальному, так как исчезла необходимость наследования семейного бизнеса и привязанность

к земле. Политический аспект связан с тем, что государство вместо церкви стало регулировать брачно-семейные отношения. Негативная сторона вмешательства государства в совокупности с юридическим позитивизмом выразилась в упрощении процедур расторжения браков.

Особо здесь необходимо отметить легализацию аборт. Законодательное разрешение аборт стало в некотором смысле спусковым крючком нового понимания прерывания беременности как права женщины. Это также негативно повлияло на статистику разводов. И сегодня аборты запрещены в целом ряде стран, несмотря на активность ООН по вопросу легализации аборт во всех странах, продиктованную явным желанием сократить рождаемость и остановить рост человечества. Анализ позиции ООН позволил Н. С. Семеновой сделать вывод о том, что пропагандируемая ООН и другими международными организациями, а также отдельными государствами повсеместная легализация аборт по желанию женщины, а также навязывание ее в качестве ориентира в международных актах находятся в прямом противоречии с принципом невмешательства во внутренние дела государства и принципом права народов и наций на самоопределение. Российская Федерация, а также другие государства, принимающие меры, направленные на запрет или ограничение аборт в рамках национального законодательства, действуют согласно принятой или формируемой у них идеологии развития общества на базе традиционных ценностей человечества, что находится в полном соответствии с международными договорами, участниками которых они являются [7].

Законодательство за рубежом четко демонстрирует уровень религиозности в понимании легализации аборт [3]. В одной группе стран аборты запрещены полностью без каких-либо исключений, к ним относятся Никарагуа, Сальвадор, Чили, Мальта и Филиппины, в другой, например в Бангладеш, Венесуэле, Гватемале, Ираке, ОАЭ, Сирии, аборт признается допустимым только тогда, когда речь идет об угрозе жизни роженицы. По медицинским показаниям аборты разрешаются и в Алжире, Аргентине, Бразилии, Израиле, Марокко, Мексике, Польше. К медицинским прибавляются социальные причины в Англии, Индии, Фин-

ляндии, Японии. Аборт вполне легальным признается в Австралии, Австрии, Бельгии, Германии, Италии, КНР, Норвегии, России, Румынии, США, Тунисе, Франции, Швеции; эти и другие государства имеют либеральный режим правового регулирования в сфере прерывания беременности. При этом следует обратить внимание, что легализация аборт не связывается с экономическим положением семьи. В стране с одним из самых высоких уровней потребления на душу населения – США – проводится около 1,5 млн аборт ежегодно. Это говорит о том, что аргументы защитников легальных аборт по социально-экономическим причинам несостоятельны: иметь многодетные семьи вполне могут позволить себе большинство американских граждан.

Пересмотр репродуктивной функции брака влечет за собой и легализацию однополых союзов. Именно наступление правозащитных организаций, требующих этой легализации, привело к появлению мощного общественного движения в защиту традиционных семейных ценностей. Международное движение в защиту традиционных семейных ценностей выросло пропорционально защите прав ЛГБТ, отмечает автор одной из статей, посвященных критике позиции противников ЛГБТ и защитников традиционных ценностей. Интересно отметить, что статья называется «На Организацию Объединенных Наций оказывается давление с целью защитить “традиционные семьи” прежде прав личности» [13]. В таком случае возникает вопрос: почему, когда речь идет о важности и значимости общих интересов и общественного блага по отношению к индивидуальным правам и интересам, используется термин «давление», а когда речь идет о защите индивидуализма, употребляется понятие «защита прав»? Ответ очевиден: либерализм давно превратился в тоталитарную идеологию, используемую для управления миропорядком.

Особенности защиты традиционной семьи в Российской Федерации. Россия – государство, исторически сформировавшееся как евразийское образование, общество которого внутренне построено на преимущественно православном понимании духовности и морали, поскольку нравственность государствообразующего русского народа напрямую связана с христианством, за тысячелетие ставшим

неотъемлемой частью мировоззрения всего населения России.

По этой причине традиционные семейные ценности в нашей стране основаны на библейском учении о сущности брака как союза мужчины и женщины, о том, что семья есть огромное счастье в жизни, что супруги должны помогать друг другу и жить в мире, что дети – это великий дар, что усыновление/удочерение является добродетелью.

Факт того, что крепкая семья является неотъемлемой частью русского самосознания, подтверждается недавно проведенным опросом об отношении граждан России к традиционным ценностям, инициатором которого выступила исследовательская группа Russian Field. В ходе социального опроса исследователи выяснили, что семья в традиционном ее понимании для россиян – главная духовная скрепа: почти половина респондентов (43 % участников опроса) на вопрос, что можно считать традиционными ценностями, назвала семью (результаты опубликованы на сайте Kommersant.ru 23 августа 2023 г.). Иными словами, сильная семья, построенная на добровольном союзе мужчины и женщины, цель которого – рождение (усыновление/удочерение) и воспитание детей, – для огромного количества россиян есть наиболее значимая ценность в жизни.

Необходимо указать, что институты брака, материнства, отцовства и детства являются каркасом традиционных семейных ценностей в России. От данных социальных институтов напрямую зависит здоровье и жизнеспособность нации, ее самовоспроизведение, передача уникальнейшего генетического фонда, жизненного опыта. Только исторически сложившиеся семейные ценности способны полностью удовлетворять соответствующие общественные потребности.

В XXI в. во многих европейских странах широко распространилась идея вседозволенности в сфере семейного устройства: легализуются однополые браки, поощряется практика по смене пола, на самом высоком уровне одобряется молодежное движение по отказу создавать семью, отказу от рождения детей. Российское государство для того, чтобы обеспечить духовно-нравственную и демографическую безопасность нации, охранить население от влияния вышеназванных идей, использует свою моно-

полию на издание нормативно-правовых предписаний, защищающих традиционные семейные ценности.

Проблематику правовой защиты и сбережения традиционных семейных ценностей в Российской Федерации поднимает в научных трудах большое количество юристов. Иными словами, тематика юридических механизмов защиты и сбережения традиционных семейных ценностей в нашей стране достаточно освещена и проработана научным сообществом. Так, В. А. Скорев высказывает мнение, что в России «крепкая семья как одна из великих ценностей провозглашена ориентиром, способным формировать мировоззрение граждан страны, находиться в основе единого культурного пространства. Отрицание и умаление ценностей крепкой семьи является не иначе чем деструктивной идеологией, угрозой демографической ситуации и национальным интересам России» [8, с. 128].

Подтверждение тезиса указанного автора можно обнаружить в нормах недавно принятого Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который признает семью важнейшим социальным институтом в России.

Другие исследователи, С. В. Смелова и Э. Г. Юзиханова, в совместной научной статье вновь указывают на огромную значимость традиционных семейных ценностей в жизни общества. Авторы обращают внимание, что «обращение к необходимости сохранения традиционных ценностей обусловлено рядом факторов, как явно, так и потенциально несущих угрозу национальной безопасности страны в целом и духовному развитию личности в частности. Традиционные ценности, сформированные многовековой историей нашей страны, представляют собой определенные концепты, выражающие непреложные истины, сложившиеся в конкретном обществе и, безусловно, принятые большинством за морально-нравственные основы» [9, с. 11–12]. Авторы отмечают, что без общепризнанных конкретных духовных ориентиров, ключевым из которых выступает вопрос семейного устройства, общество может потерять единство, без которого

оно будет менее устойчивым перед внешними вызовами и более разрозненным.

Еще один автор, А. А. Морозов, в своем труде затрагивает важнейшую роль Русской Православной Церкви в деле сохранения традиционных семейных ценностей. Автор пишет, что «в православии есть четкое осознание того, что борьба за традиционные ценности – это, в том числе, а может быть, главным образом, борьба за человека, за его мировоззрение, сознание, образ жизни» [6, с. 364]. Ученый в своей работе подчеркивает значимую роль Русской Православной Церкви в деле сбережения христианского понимания духовно-нравственных идеалов, поскольку Церковь всю свою новейшую историю придерживается четкой позиции о недопустимости вседозволенности в вопросе семейного устройства.

Важную роль именно традиционных ценностей в вопросах защиты семейных интересов отстаивает Н. В. Кравчук, которая в своей научной работе поднимает тематику сбережения семейных ценностей в России. Автор считает, что «верховенство традиционных семейных ценностей оказывает влияние и на практику применения семейно-правовых норм» [5, с. 1025], и указывает, что общественные ценности определяют характер и направленность правовой системы государства, нормотворческую политику публичной власти и правоприменительную практику. Потому неудивительно, что в последнее десятилетие в России для защиты идеалов крепкой традиционной семьи были приняты такие нормативно-правовые акты, как Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», Указы Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей».

Ряд исследователей обращает внимание на то, что институт семьи есть фундаментальная ячейка общества, в рамках которой индивид сталкивается с первичной социализацией, закладывающей фундамент для становления будущей личности. В частности, Я. С. Бережная в одной из работ пишет, что «независимо от

исторического развития институт семьи имеет первостепенное значение для общества и государства и служит фундаментом для развития и функционирования общества» [2, с. 116].

При этом все авторы выступают за государственную защиту семьи с помощью правовых средств. П. С. Федосеев отмечает, что «современная Россия переживает достаточно непростой этап становления новой государственной идеологии, обращенной к традиционным для российского общества ценностям – патриотизму, любви к Отечеству, уважению к многонациональной культуре нашей страны, правам человека и построению сплоченного солидарного общества, оплотом которого является семья» [12, с. 124]. Автор считает, что без защищающих семью реальных и ответственных мер со стороны публичной власти, которые должны закрепляться в соответствующих нормах права, российская нация не будет жизнеспособной, готовой отстаивать свои внутривнутриполитические и внешнеполитические интересы.

Позицию касательно проблематики юридических механизмов сбережения традиционных семейных ценностей в России высказывает в научной статье П. П. Баранов, который пишет, что «семья выступает одной из фундаментальных конституционных ценностей любого государства, и Россия не исключение. Институт семьи не случайно находится под особой защитой и покровительством государства. Семья, выступая в качестве важнейшего социального института, оказывает значительное влияние на человека в процессе всей его жизни. Именно в семье начинается формирование личности и определяется траектория ее последующего развития» [1, с. 58]. Тезис автора о том, что Основной закон Российской Федерации напрямую защищает традиционные семейные ценности, является полностью обоснованным, поскольку относительно недавно через Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» на самом высоком нормативном уровне было установлено, что институт брака в нашей стране есть союз мужчины и женщины.

Новая конституционная норма о сущности брачного отношения является поистине важ-

ной с социально-культурной точки зрения для нашего общества, поскольку она безальтернативно регулирует понятие брака. Поправки от 14 марта 2020 г. также обозначили приоритет семейного воспитания детей в России. Вышеупомянутая новелла показывает стремление Российского государства защитить статус семьи как фундаментальной ячейки общества.

Важно также подчеркнуть, что в соответствии с изменениями к Конституции Российской Федерации, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., интересы детей признаются приоритетом государственной внутренней политики в стране. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 67.1 Основного закона России наше «государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим». Следует добавить, что согласно внесенным в 2020 г. изменениям в текст Основного закона Российской Федерации государственная власть также обязуется заботиться о создании условий для достойного воспитания детей в семье.

Вышеперечисленные конституционные новеллы, показывающие серьезное внимание государства к современным проблемам традиционных семейных ценностей в лице института семьи, положительно влияют на общество с точки зрения механизма национальной консолидации.

По причине фундаментальности традиционного семейного устройства с точки зрения народосбережения, демографии правовая защита традиционной семьи является делом первостепенной важности для государства, ведь семья – единственный институт общества, способный воспроизводить и воспитывать новые поколения людей. А. А. Елисеева в своей работе справедливо подчеркивает, что «семья – это основная ячейка общества, важнейшая общечеловеческая и конституционная ценность. Семья выполняет ряд функций, в том числе очень важные для государства, такие как: репродуктивную, воспитательную и функцию социализации» [4, с. 73].

Таким образом, тема сбережения традиционных семейных ценностей в современной России достаточно разработана с научной точки

зрения. Интерес к данной проблеме обусловлен пониманием того, что семья является фундаментальным социальным институтом, без которого наше государство попросту не сможет существовать как суверенное образование. Органы государственной власти Российской Федерации в последнее десятилетие издали целый ряд различных нормативно-правовых актов, которые регулируют общественные отношения, связанные с духовно-нравственными ценностями.

Однако, несмотря на обилие норм права, защищающих духовно-нравственные ценности нашего многонационального народа, в российском законодательстве отсутствует определение термина «семья», который является ключевой категорией в контексте проблематики сбережения традиционных моральных ориентиров в стране.

Возможно, нашему государству следует, отбросив пренебрежение к статусу «развивающихся стран», взять пример с таких стран, как Колумбия (в соответствии со ст. 5 Конституции Колумбии, принятой в 1991 г., семья есть «базовый институт общества»), Куба (в соответствии со ст. 35 Конституции Кубы, принятой в 1976 г., под семьей в этой стране понимается «основная ячейка общества, которая несет ответственность и осуществляет важнейшие функции в сфере обучения и формирования нового поколения»), Венесуэла (в соответствии со ст. 75 Конституции Венесуэлы, принятой в 1999 г., семья есть «природная организация общества»), Бразилия (ст. 226 Конституции Бразилии, принятой в 1988 г., признает семью «основой общества»), Эстония (семья в соответствии со ст. 27 Конституции Эстонии, принятой в 1992 г., есть «основа сохранения и приумножения народа»), Италия (в ст. 29 Конституции Италии, принятой в 1947 г., закреплено положение, согласно которому семья есть «естественный союз, основанный на браке»), в которых легально закреплено определение семьи.

Также в российском правовом поле имеет место недостаточно полное определение сущности брака: п. Ж.1 ч. 1 ст. 72 Основного закона Российской Федерации содержит норму, которая устанавливает, что брак есть союз мужчины и женщины, однако данная формулировка нуждается в углублении и дополнении содержания.

Иными словами, отсутствие надлежащих легальных определений семьи и брака в современной России является одной из проблем юридической защиты традиционных семейных ценностей у нас в стране.

Оптимальным вариантом решения вышеупомянутой проблемы является внесение в свод законодательства Российской Федерации норм, которые бы закрепили понятие семьи и содержательно расширили конституционную дефиницию брака. Например, в целях легализации многопоколенной семьи возможно рассмотреть вопрос о том, чтобы семьей признавалось объединение лиц, связанных между собой лично-доверительными, имущественными отношениями, традиционными духовно-нравственными ценностями и взаимной моральной ответственностью, цель которого – удовлетворение фундаментальных потребностей человека и общества. Именно такая дефиниция позволит законодателю наиболее полно охарактеризовать сущность ключевой категории в проблематике правового регулирования традиционных российских семейных ценностей.

Также представляется необходимым дополнить конституционное определение брака, которое должно звучать следующим образом: брак – это построенный на любви, заботе и уважении добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, заключенный в органах записи актов гражданского состояния с целью создания семьи, порождающий взаимные морально-этические и имущественные права и обязанности между супругами.

Введение в законодательство России вышеуказанных юридических дефиниций создаст дополнительные правовые механизмы защиты традиционных семейных ценностей в стране, условия для углубления легального толкования семьи и брака, а также импульс для большего осмысления незаменимости данных исторически сложившихся социальных институтов в вопросе народосбережения.

В заключение статьи необходимо еще раз обратить внимание на то, что современное Российское государство испытывает давление со стороны пропаганды трансгуманизма, являющегося тоталитарной идеологией нового миропорядка. Государственный суверенитет является одним из барьеров на пути продвижения данной глобальной идеи. Для того, чтобы

сохранить нацию от негативных последствий нравственного разложения, российская власть вот уже десятилетие создает действенные юридические механизмы защиты и сбережения традиционных семейных ценностей. Несмотря на заботу государства в области сохранения духовно-нравственных семейных ориентиров, в правовой системе нашей страны отсутствует легальное определение семьи. Также нуждается в содержательном углублении данная Конституцией Российской Федерации дефиниция брака. Внесение в текст, например, Семейного кодекса России соответствующих норм станет еще одним правовым механизмом в деле сбережения традиционных семейных ценностей в нашей стране.

Список использованных источников

1. Баранов П. П. Семья как конституционно значимая ценность // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 2. С. 57–63.
2. Бережная Я. С. Традиционные семейные ценности как объект правового регулирования и механизм их сохранения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. Т. 4–1. С. 116–119.
3. Бугаев В. А., Деревянкина С. А. Производство абортa: проблемы морали и права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3, № 2. С. 193–199.
4. Елисеева А. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3. С. 67–74.
5. Кравчук Н. В. Уважение традиционных семейных ценностей как конституционный принцип // Россия: тенденции и перспективы развития. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 1023–1025.
6. Морозов А. А. Православие в борьбе за традиционные ценности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 4. С. 360–364.
7. Семенова Н. С. Запрет на абортa в свете защиты традиционных ценностей: международно-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 8. С. 337–342.
8. Скорев В. А. О защите традиционных семейных ценностей в современном российском законодательстве: приоритеты и возможности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2022. Т. 11, № 4. С. 128–135.
9. Смелова С. В., Юзиханова Э. Г. Государственная политика защиты традиционных ценностей // Право и управление. 2022. № 12. С. 11–15.
10. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М.: Проспект, 2006. 151 с.
11. Умнова-Конюхова И. А. Духовно-нравственная мобилизация конституций как запрос и тенденция кон-

ституционного развития современных государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 24–28.

12. Федосеев П. С. Правовая охрана традиционных семейных ценностей российским законодательством: поиск основополагающей парадигмы // Legal Concept. 2023. Т. 22, №. 2. С. 123–131.

13. Freedman R. United Nations under pressure to protect 'traditional families' over individual rights. URL: <https://theconversation.com/united-nations-under-pressure-to-protect-traditional-families-over-individual-rights-31757> (date of application: 13.02.2024).

14. From divorce to transhumanism: Part I. URL: <https://voiceofthefamily.com/from-divorce-to-transhumanism-part-i-marriage> (date of application: 13.02.2024).

15. Kuby G. The global sexual revolution: Destruction of freedom in the name of freedom. Kettering, OH: Angelico Press, 2015. 283 p.

References

1. Baranov P. P. Family as a constitutionally significant value // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2020. Vol. 7, No. 2. P. 57–63 [in Russian].

2. Berezhnaya Ya. S. Traditional family values as an object of legal regulation and a mechanism for their preservation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 4–1. P. 116–119 [in Russian].

3. Bugaev V. A., Derevyankina S. A. Abortion production: problems of morality and law // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2017. Vol. 3, No. 2. P. 193–199 [in Russian].

4. Eliseeva A. A. Family and family values: approaches to understanding in the context of modern law // Current Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17, No. 3. P. 67–74 [in Russian].

5. Kravchuk N. V. Respect for traditional family values as a constitutional principle // Russia: trends and prospects of development. Moscow: INION RAS, 2022. P. 1023–1025 [in Russian].

6. Morozov A. A. Orthodoxy in the struggle for traditional values // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. P. 360–364 [in Russian].

7. Semenova N. S. The ban on abortion in the light of the protection of traditional values: an international legal aspect // Gaps in Russian Legislation. Law Journal. 2016. No. 8. P. 337–342 [in Russian].

8. Skorev V. A. On the protection of traditional family values in modern Russian legislation: priorities and possibilities // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology. 2022. Vol. 11, No. 4. P. 128–135 [in Russian].

9. Smelova S. V., Yuzikhanova E. G. State policy of protection of traditional values // Law and Management. 2022. No. 12. P. 11–15 [in Russian].

10. Sorokin P. A. The American sexual revolution. Moscow: Prospekt, 2006. 151 p. [in Russian].

11. Umnova-Konyukhova I. A. Spiritual and moral mobilization of institutions as a request and trend of constitutional development of modern states // State Power and Local Self-government. 2023. No. 6. P. 24–28 [in Russian].

12. Fedoseev P. S. The legal protection of traditional family values by Russian legislation: the search for a fundamental paradigm // Legal Concept. 2023. Vol. 22, No. 2. P. 123–131 [in Russian].

13. Freedman R. United Nations under pressure to protect 'traditional families' over individual rights. Available at: <https://theconversation.com/united-nations-under-pressure-to-protect-traditional-families-over-individual-rights-31757> (date of application: 13.02.2024) [in English].

14. From divorce to transhumanism: Part I. Available at: <https://voiceofthefamily.com/from-divorce-to-transhumanism-part-i-marriage> (date of application: 13.02.2024) [in English].

15. Kuby G. The global sexual revolution: Destruction of freedom in the name of freedom. Kettering, OH: Angelico Press, 2015. 283 p. [in English].

Поступила в редакцию 20.02.2024

Received February 20, 2024

Матюк Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
теории и истории российского
и зарубежного права,
Институт права, Владивостокский
государственный университет,
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41,
email: 5080mm@mail.ru

Matyuk, Yulia S.,
Senior Lecturer of the Department
of Theory and History of Russian
and Foreign Law, Institute of Law,
Vladivostok State University,
41 Gogol Str., Vladivostok, 690014,
Russian Federation,
email: 5080mm@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ*

LEGAL POLICY IN THE FIELD OF USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN THE CONTEXT OF ENSURING THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE COUNTRY*

АННОТАЦИЯ. В настоящий момент, находясь в условиях геополитического давления и цивилизационных рисков, Россия столкнулась с задачей достижения технологического суверенитета. Одним из направлений решения поставленной задачи является разработка особых правовых режимов технологического развития. Одной из ключевых сфер, требующих обновленных правовых режимов, отвечающих духу времени, являются цифровые сквозные технологии, и в частности технологии искусственного интеллекта. В статье рассматриваются особенности правовой политики в сфере использования систем искусственного интеллекта. Предлагается выстроить правовое регулирование данной сферы на основе принципов пропорциональности и соразмерности объема регулирования и возможного риска причинения вреда. Предполагается устанавливать различные регуляторные рамки для систем искусственного интеллекта неприемлемого, высокого и допустимого уровня риска. Описанный подход позволит избежать избыточного регулирования и ненужного замедления разработок и при-

ABSTRACT. At the moment, being under conditions of geopolitical pressure and civilizational risks, Russia is faced with the task of achieving technological sovereignty. One of the directions for solving this problem is the development of special legal regimes for technological development. One of the key areas requiring “updated legal regimes in line with the spirit of the times” is digital end-to-end technologies and, in particular, artificial intelligence technologies. The article discusses the features of legal policy in the field of use of artificial intelligence systems. It is proposed to build legal regulation in this area based on the principles of proportionality and proportionality of the scope of regulation and the possible risk of harm. It is proposed to establish different regulatory frameworks for artificial intelligence systems of unacceptable, high and acceptable levels of risk. The described approach will avoid excessive regulation and unnecessary slowdown in the development and application of artificial intelligence systems, on the one hand, and reduce the risk of violation of constitutional rights, on the other hand, which will contribute to the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FZUG-2023-0007 «Технологический суверенитет России в период геополитических и цифровых вызовов: символические практики, сценарии и стратегии».

* The work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research No. FZUG-2023-0007 “Russia’s technological sovereignty in a period of geopolitical and digital challenges: symbolic practices, scenarios and strategies”.

менения систем искусственного интеллекта, с одной стороны, и снизит риск нарушения конституционных прав, с другой, что будет способствовать реализации основных задач Российского государства по укреплению технологического суверенитета страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: технологический суверенитет; искусственный интеллект; цифровизация; правовая политика; цифровые технологии.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Матюк, Ю. С. Правовая политика в сфере использования систем искусственного интеллекта в контексте обеспечения технологического суверенитета страны / Ю. С. Матюк. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 39–44. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-5.

Сегодня, в условиях смены исторических эпох и достаточно сильных потрясений последних лет, можно утверждать, что мир находится в кризисном состоянии, наступило время серьезных экономических и геополитических перемен. Для нашей страны ситуация усугубляется и беспрецедентным давлением (экономическим, политическим, информационным) со стороны «коллективного Запада». По оценкам экспертов, у России слабая (2 % от мирового ВВП) и несамостоятельная экономика сырьевого типа, зависимая от высокотехнологического импорта [5]. В таких условиях, понимая глобальные риски и вызовы развитию и самому существованию России, необходимо предпринимать шаги к укреплению суверенитета страны, и в особенности – суверенитета технологического.

Концепция технологического развития до 2030 г. [3], утвержденная Правительством РФ, знаменует подход к правовому регулированию промышленности в пользу технологического суверенитета страны [1, с. 35].

Сегодня поставлена задача осуществления поворота от абсолютно рыночной экономики к политике достижения технологического суверенитета, с помощью которого должны решаться жизненно важные задачи: обеспечение безопасности, продовольственной независимости, транспортной связанности, получение энергии и товаров первой необходимости, производство информации, доступ к средствам производства и т. п. [7, с. 1].

implementation of the main tasks of the Russian state to strengthen the technological sovereignty of the country.

KEYWORDS: trust; institutional trust; digitalization; power; political institutions; digital technologies.

FOR CITATION:

*Matyuk, Yu. S. (2024) Legal Policy in the Field of use of Artificial Intelligence Systems in the Context of Ensuring the Technological Sovereignty of the Country. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 39–44 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-5.*

С целью комплексного и эффективного обеспечения технологического суверенитета Российского государства в условиях геополитического давления и действующих цивилизационных рисков необходима разработка особых правовых режимов технологического развития в различных сферах жизнедеятельности российского общества. Прежде всего, обращает на себя внимание регулирование цифровых сквозных технологий, особенно технологий искусственного интеллекта (ИИ), развитие которых является одной из приоритетных задач современной российской политики.

Как отмечают В. А. Иванов и Е. А. Баранова, «сложившиеся условия требуют обновленных правовых режимов, отвечающих духу времени, связанных со становлением новых политических и государственных состояний, с появлением нетрадиционных для нас объектов права... переориентацией на другие, более совершенные и свободные методы правового регулирования, сменой приоритетов в системе имеющихся юридических средств и ценностей...» [2, с. 37].

Находясь в условиях все более нарастающей конкуренции государств за технологическое лидерство в области цифровых технологий, Российское государство направляет усилия на стимулирование развития сферы инноваций, однако на другой чаше весов оказывается обеспечение национальной безопасности, экзистенциальных стратегических интересов общества, поэтому здесь необходимо соблю-

сти баланс. Правовая политика Российского государства в сфере развития и использования систем ИИ должна реализовываться на основе «национальных интересов, т. е. гармоничного обеспечения интересов личности (развития человеческого потенциала, безопасности граждан и т. д.), общества (гуманитарного и культурного пространства России, сохранения ценностно-нормативной системы общества, традиционных/аналоговых форм обмена и проч.) и государства (безопасности информационного пространства и цифровой коммуникации как неотъемлемого элемента суверенитета государства)» [4, с. 108].

Национальная стратегия развития ИИ в качестве одного из основных принципов развития и использования технологий ИИ называет технологический суверенитет как обеспечение необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в области ИИ, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий ИИ и технологических решений, разработанных на основе ИИ [6].

При построении законодательного регулирования в сфере развития и использования систем ИИ перспективным представляется дифференцированное регулирование, учитывающее уровень риска различных систем ИИ, в соответствии с которым на основе принципов пропорциональности и соразмерности объема регулирования и возможного риска причинения вреда предполагается устанавливать различные регуляторные рамки.

Критерии риска должны учитывать тяжесть причинения вреда охраняемым законом ценностям и вероятность наступления негативных событий, которые могут повлечь причинение вреда охраняемым законом ценностям, а также сведения о степени тяжести фактического причинения вреда в подобных случаях, потенциальном масштабе распространения вероятных негативных последствий, влекущих причинение вреда, с учетом сложности преодоления таких последствий.

С учетом данных критериев системы ИИ предлагается классифицировать на системы неприемлемого (недопустимого), высокого (значительного) и допустимого уровня риска.

Первая группа систем ИИ представляет собой такие системы, внедрение которых в об-

щественные отношения несет неприемлемый (недопустимый) риск, что может выражаться в создании необоснованной угрозы безопасности граждан, общества и государства, нарушении основополагающих конституционных прав и свобод, при этом риски неблагоприятных последствий и затраты ресурсов на их устранение значительно превышают потенциальные выгоды.

Правовое регулирование для этой группы систем ИИ предусматривает полный запрет применения таких систем и внедрения их в общественные отношения. Перечень данной группы систем предполагается закрытым, с четким указанием конкретных систем или их разновидностей. Например, к ним могут относиться предиктивные (прогнозные) полицейские системы, программы предсказания преступности; неизбирательное (массовое) извлечение биометрических и других персональных данных из социальных сетей или видеозаписей с камер видеонаблюдения для создания баз данных распознавания лиц; манипулятивные системы ИИ; системы ИИ для социальной оценки людей, основанной на поведении, эмоциях, личных качествах. Применение таких систем может повлечь за собой неоправданное ущемление прав граждан, дискриминацию, нарушение неприкосновенности частной жизни и другие неблагоприятные последствия, в том числе связанные с утратой доверия к государственным структурам и их представителям.

Вторая группа систем ИИ включает в себя такие системы, внедрение которых в общественные отношения несет высокий (значительный) риск неблагоприятных последствий, при этом такие риски и последствия уже проявились и существуют в настоящее время или могут появиться в ближайшем будущем. Такие системы подлежат применению при условии соблюдения определенных обязательных требований и предварительной оценки соответствия. Перечень таких систем предлагается сделать ограниченным.

В качестве критерия отнесения системы к данной группе выступает безопасность и применение системы в наиболее значимых сферах общественной жизнедеятельности. К данной группе будут относиться системы, обеспечивающие безопасность либо являющиеся компонентом, обеспечивающим безопасность,

а также системы, используемые в таких сферах, как государственные и иные публичные услуги, деятельность правоохранительных органов, правосудие, образование, трудоустройство, объекты критической инфраструктуры, биометрическая идентификация.

К системам ИИ с высоким уровнем риска должны применяться требования в отношении качества используемых наборов данных; для обеспечения качества обучения таких систем должна быть возможность доступа к специальным категориям персональных данных.

При создании и эксплуатации необходимо сочетание предварительной самооценки риска и последующей оценки в процессе использования систем ИИ с высоким уровнем риска, контроль и оценка рисков должны быть обеспечены в течение всего жизненного цикла системы.

Системы ИИ высокого риска должны быть спроектированы и разработаны таким образом, чтобы их работа была достаточно прозрачной, чтобы пользователи могли интерпретировать выходные данные системы и использовать их надлежащим образом, а также эффективно контролировать их в течение периода использования системы, в том числе при помощи соответствующих инструментов человеко-машинного интерфейса. При этом должен быть обеспечен надлежащий уровень точности, надежности и кибербезопасности и стабильная работа в этом отношении на протяжении всего жизненного цикла. Системы ИИ высокого риска должны сопровождаться инструкциями по использованию, включающими полную, достоверную и четкую информацию, которая актуальна, доступна и понятна пользователям.

Для систем данной группы в целях удостоверения их соответствия предъявляемым требованиям целесообразно рассмотреть применение в отношении них обязательной сертификации и/или лицензирования.

Эти требования необходимы для эффективного снижения рисков в сфере безопасности и обеспечения конституционных прав граждан.

Третья группа систем ИИ включает в себя системы, не попавшие в две другие категории, т. е. представляющие собой системы, несущие наименьшую потенциальную угрозу. Субъекты, разрабатывающие или использующие системы ИИ, не относящиеся к первым двум группам, будут нести минимальные обязательства, на-

пример, по предоставлению информации. Регулирование в отношении данной группы систем будет строиться на основе профессиональных кодексов, кодексов поведения и других актов профессиональных сообществ. Кодексы могут разрабатываться как отдельными субъектами, так и различными объединениями совместно с представителями профессионального сообщества, с участием пользователей и любых заинтересованных сторон и их представительных организаций. Кодексы поведения могут охватывать одну или несколько систем ИИ с учетом схожести предполагаемого назначения соответствующих систем.

Также предполагается поощрение (например, налоговые послабления) добровольной сертификации качества и соответствия техническим стандартам для систем ИИ допустимого уровня риска, что повысит доверие людей к ИИ.

Одним из стимулирующих механизмов, которые облегчают разработку, тестирование и проверку инновационных систем ИИ в течение ограниченного времени до ввода их в эксплуатацию или выпуска на рынок, представляются экспериментальные правовые режимы («регуляторные песочницы») [8]. Этот инструмент, с одной стороны, стимулирует развитие и распространение систем ИИ, а с другой – может выступать и как один из защитных механизмов. Это обусловлено тем, что в условиях специального регулирования при апробировании инноваций могут выявиться скрытые недостатки дизайна или обучения моделей, которые могут повлечь риски для здоровья и безопасности граждан, их законных прав и интересов. В таких обстоятельствах недостатки, выявленные в ходе разработки и тестирования таких систем, должны быть немедленно устранены, а в случае невозможности должен быть приостановлен процесс разработки и тестирования до тех пор, пока эти недостатки не будут устранены.

Необходимо разработать и внедрить эффективные механизмы мониторинга для выявления возможных высоких рисков нарушения прав субъектов персональных данных во время эксперимента, а также механизм реагирования для оперативного снижения этих рисков и, при необходимости, прекращения обработки.

Данную модель предлагается закрепить посредством принятия нормативно-правового

акта комплексного характера, федерального закона «Об искусственном интеллекте», определяющего правовое положение систем ИИ в соответствии с приведенной выше классификацией систем.

Основной целью принятия данного федерального закона является выстраивание правового регулирования в сфере развития и использования систем ИИ, при котором возможно соблюдение баланса между стимулированием развития сферы инноваций и обеспечением национальной безопасности, экзистенциальных стратегических интересов личности, общества и государства.

Задачи, решение которых призвано осуществить принятие заявленного нормативно-правового акта:

- стимулирование развития сферы цифровых технологий и внедрения инноваций в повседневную жизнь общества;
- формирование специальных правовых режимов для отдельных видов систем ИИ;
- содействие и стимулирование развития саморегулирования в сфере ИИ, деятельности гражданского общества по созданию и реализации кодексов поведения, профессиональных кодексов для безопасной разработки, внедрения и эксплуатации систем ИИ;
- создание механизмов защиты прав, свобод и законных интересов человека при взаимодействии с системой ИИ;
- формирование эффективной системы мониторинга и обратной связи.

Таким образом, описанный дифференцированно-пропорциональный подход позволит избежать избыточного регулирования, поскольку нормативные обременения применяются только тогда, когда система ИИ может представлять высокий риск для безопасности человека и общества, конституционных прав и свобод, охраняемых законом ценностей и т. п. Для других систем ИИ, не связанных с высоким уровнем риска, предполагается лишь очень ограниченный перечень предписаний, например в отношении предоставления информации для обозначения использования системы ИИ при взаимодействии с людьми. Принцип соразмерности, при котором нормативные требования предусмотрены только для систем ИИ с высоким уровнем риска, а для остальных систем ИИ предусмотрена возможность руковод-

ствоваться кодексом поведения, обеспечивает минимизацию регуляторного вмешательства.

Такой вариант ограничивает риски нарушения прав и безопасности людей и способствует эффективному надзору и обеспечению соблюдения правил, ориентируя требования только на системы, где существует высокий риск нарушений. В результате уменьшается регуляторная нагрузка, затраты на соблюдение требований сводятся к минимуму, что позволит избежать ненужного замедления разработки и применения систем ИИ из-за повышения цен в результате затрат на соблюдение требований, повысить доверие людей к ИИ; для компаний создается правовая определенность, для пользователей – уверенность в безопасности системы ИИ с высоким уровнем риска и соответствии ее требованиям, для конечного потребителя снижается риск нарушения конституционных прав. В конечном счете обозначенный вектор правовой политики в сфере использования систем искусственного интеллекта в перспективе будет способствовать реализации основных задач Российского государства по укреплению технологического суверенитета страны.

Список использованных источников

1. Андреев В. К. Организационно-правовые формы включения высоких технологий в промышленное производство // Юрист. 2023. № 9. С. 35–40.
2. Иванов В. А., Баранова Е. А. Понятие «особый правовой режим» // Марийский юридический вестник. 2016. № 3. С. 37–39.
3. Концепция технологического развития на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-п). URL: <http://government.ru/docs/all/147621> (дата обращения: 05.01.2024).
4. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. 2023. № 1. С. 96–113.
5. Малков С. Ю. Россия в условиях мирового кризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 4. С. 11–25.
6. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 05.01.2024).
7. Тимошенко А. С. Запрет на монополистическую деятельность и злоупотребление правом // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 106–116.

8. *Токолов А. В., Иванова А. Д.* Экспериментальный правовой режим информационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 175–177.

References

1. *Andreev V. K.* Organizational and legal forms of incorporating high technologies into industrial production // Lawyer. 2023. No. 9. P. 35–40 [in Russian].

2. *Ivanov V. A., Baranova E. A.* The concept of “special legal regime” // Mari Legal Bulletin. 2016. No. 3. P. 37–39 [in Russian].

3. The concept of technological development for the period until 2030 (approved by Order of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 No. 1315-r). Available at: <http://government.ru/docs/all/147621> (date of application: 05.01.2024) [in Russian].

4. *Kochetkov A. P., Mamuychev A. Yu.* State policy of Russia in the digital era: main trends, scenarios and regulatory practices // Polis. 2023. No. 1. P. 96–113 [in Russian].

5. *Malkov S. Yu.* Russia in the context of the global crisis // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. No. 4. P. 11–25 [in Russian].

6. National strategy for the development of artificial intelligence for the period until 2030 (approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (date of application: 05.01.2024) [in Russian].

7. *Timoshenko A. S.* Ban on monopolistic activities and abuse of rights // Arbitration disputes. 2023. No. 3. P. 106–116 [in Russian].

8. *Tokolov A. V., Ivanova A. D.* Experimental legal regime of information technologies // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 1. P. 175–177 [in Russian].

Поступила в редакцию 18.01.2024

Received January 18, 2024

Сафронова Елена Викторовна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории
и истории государства и права, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85;
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Юго-Западный государственный
университет,
305003, г. Курск, ул. 50 Лет Октября, д. 94,
email: elena_safronova_2010@mail.ru

Safronova, Elena V.,
Doctor of Law, Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Belgorod National Research University,
85 Pobedy Str., Belgorod,
308015, Russian Federation;
Professor of the Department
of Theory and History
of State and Law,
South-Western State University,
50 Let Oktyabrya Str., Kursk, 305003,
Russian Federation,
email: elena_safronova_2010@mail.ru

МЕДИЦИНСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ И ПОПРАВОК К МЕЖДУНАРОДНЫМ МЕДИКО-САНИТАРНЫМ ПРАВИЛАМ

MEDICAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC AGREEMENT AND AMENDMENTS TO THE INTERNATIONAL HEALTH REGULATIONS

АННОТАЦИЯ. Данная статья продолжает серию статей, посвященных Всемирной организации здравоохранения и ее последним инициативам, вызывающим большой общественный резонанс. В работе проводится сравнительный эволюционный анализ проектов так называемого Пандемического соглашения (официального названия еще нет) и поправок к Международным медико-санитарным правилам 2005 г. Автор приходит к выводу, что содержание обсуждаемых документов призвано создать глобальную систему эпидемиологического контроля, который будут осуществлять наднациональные структуры, зачастую формируемые исключительно Генеральным директором ВОЗ, а также единую сеть по разработке, производству и логистике вакцин. Основной целью выступает формирование глобального механизма управления сферой здравоохранения без учета суверенных прав государств-членов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Всемирная организация здравоохранения; Всемирная ассамблея здравоохранения; Соглашение ВОЗ по борьбе (предотвращению) с пандемией; Международные медико-санитарные правила; пандемия; вакцинация; цифровой паспорт вакцинации; эпиднадзор; суверенитет; ратификация; QR-код; нотификация.

ANNOTATION. This article continues a series of articles devoted to the World Health Organization and its recent initiatives that are causing great public outcry. The paper provides a comparative evolutionary analysis of the projects of the so-called Pandemic Agreement (there is no official name yet) and amendments to the International Health Regulations 2005. The author concludes that the content of the documents under discussion is intended to create a global system of epidemiological control, which will be carried out by supranational structures, often formed exclusively by the WHO Director General, as well as a unified network for the development, production and logistics of vaccines. The main goal is the formation of a global mechanism for managing the health sector without taking into account the sovereign rights of member States.

KEYWORDS: World Health Organization; World Health Assembly; WHO Agreement on Combating (Preventing) Pandemics; International Health Regulations; pandemic; vaccination; digital passport of vaccination; surveillance; sovereignty; ratification; QR code; notification.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сафронова, Е. В. Медицинский суверенитет в контексте пандемического соглашения и поправок к международным медико-санитарным правилам / Е. В. Сафронова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 45–50. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-6.

FOR CITATION:

Safronova, E. V. (2024) Medical Sovereignty in the Context of the Pandemic Agreement and Amendments to the International Health Regulations. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 45–50 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-6.

Проблема членства Российской Федерации во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в последние годы стоит особенно остро. Эта тема обсуждается и в научной литературе, и в дискуссиях общественных организаций, и на площадках, организуемых государственными органами власти. Так, тема влияния ВОЗ на внутреннюю политику и демографические процессы стала предметом обсуждения на круглом столе, проходившем в Московской городской думе 7 декабря 2023 г. Повышенное внимание вызывают новые инициативы ВОЗ.

В мае 2024 г. на 77-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ) планируется принятие двух важных документов: Соглашения ВОЗ по борьбе (предотвращению) с пандемией и новая редакция Международных медико-санитарных правил. Содержание этих документов вызывает в России обеспокоенность. В ряде статей [9–12] мы рассматривали проекты так называемого «пандемического соглашения» и пришли к заключению, что «основополагающие принципы и условия соглашения ограничивают суверенное право государств-участников на защиту национальной безопасности и прав граждан. В условиях политизированности решений ВОЗ, принимаемых в интересах глобальных корпораций, стран-доноров, аффилированных правительственных и неправительственных организаций, обеспечить паритет в международных отношениях невозможно. Создание системы глобального здравоохранения и делегирование части суверенных прав государств – участников соглашения транснациональным элитам позволит достичь истинной цели настоящего соглашения, заключающейся в установлении тотального контроля и управлении человеческим ресурсом» [9, с. 328].

В декабре 2023 г. на сайте ВОЗ появилась новая редакция проекта договора – «Предложе-

ние по тексту соглашения ВОЗ по борьбе с пандемией». Документ подготовлен и обсужден на седьмом заседании межправительственного Переговорного органа по разработке проекта и ведению переговоров. По сравнению с предыдущими редакциями, учитывая критику, указывающую на угрозу государственному суверенитету, в новом варианте ряд положений претерпел некоторые изменения. В частности, авторы проекта трансформировали институциональный механизм реализации соглашения. Если в первых редакциях планировалось создание целой сети наднациональных органов (Конференции сторон, Административного совета, Канцелярии), то в последней говорится лишь о Конференции сторон, состоящей из делегатов, представляющих стороны соглашения. При этом указывается, что «только делегаты, представляющие Стороны, будут участвовать в принятии любых решений Конференции сторон». Однако Конференция сторон наделяется правом создания вспомогательных органов, которые «могут включать, без ограничения, Комитет по осуществлению и соблюдению, группу экспертов для предоставления научных консультаций и Консультативную группу экспертов» [7].

В новом проекте подтверждена идея юридической обязательности соглашения, оговорки не допускаются. Стороны определились, что при принятии будут руководствоваться ст. 19 Устава (Конституции) ВОЗ [13], которая предусматривает принятие документа через процедуру голосования на сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения, подписание и последующее выражение согласия на обязательность со стороны каждого участника согласно порядку, предусмотренному его конституционной процедурой. В прежних редакциях [5; 6] допускалась возможность процедуры нотификации, предусмотренной ст. 21–22 Устава ВОЗ.

В соответствии со ст. 31 проекта документ будет открыт для подписания сразу после его принятия на 77-й сессии ВА3. В ст. 32 указывается на обязательность утверждения каждой из сторон согласно внутренним конституционным процедурам: «Соглашение ВОЗ по пандемии подлежит ратификации, принятию, утверждению или присоединению со стороны государств и официальному подтверждению или присоединению со стороны организаций региональной экономической интеграции».

В седьмой редакции спектр участников договора расширен. Пандемическое соглашение будет открыто для подписания всеми членами ВОЗ, государствами, которые не являются членами ВОЗ, но являются государствами-членами или государствами-наблюдателями при Организации Объединенных Наций, а также организациями региональной экономической интеграции. Ряд вопросов по-прежнему вызывает участие в соглашении любых организаций региональной экономической интеграции. Государство может оказаться участником пандемического договора, не ратифицируя его, а являясь лишь членом организации экономической интеграции.

Идейная основа соглашения осталась прежней – концепция «единого здоровья» (см. подробнее: [10; 11]), как и цель создания глобального эпидемиологического контроля и единой сети по разработке, производству и логистике вакцин. Согласно проекту [7] создается глобальный механизм экспертной оценки для оценки потенциала и пробелов в области профилактики пандемий (ст. 8); многопрофильный глобальный персонал по оказанию чрезвычайной помощи в области общественного здравоохранения (ст. 7); глобальная обсерватория ВОЗ по исследованиям и разработкам в области здравоохранения (ст. 9); глобальные центры передачи технологий (ст. 9); глобальная сеть цепей поставок и логистики ВОЗ (ст. 9).

Реализация этих инициатив угрожает передачей национальной системы здравоохранения под внешнее управление.

Еще большую настороженность вызывают поправки к Международным медико-санитарным правилам (далее – ММСП или Правила) 2005 г. [4], прежде всего потому, что пандемическое соглашение будет проходить процедуру ратификации, что сохраняет возможность его

детального обсуждения на внутригосударственном уровне, тогда как ММСП принимаются в соответствии со ст. 22 Устава ВОЗ, гласящей, что Правила «становятся обязательными для всех членов после того, как будет сделано должным образом оповещение об их принятии Ассамблеей здравоохранения, за исключением тех членов Организации, которые известят Генерального директора в указанный в оповещении срок об отклонении их или оговорках в отношении них» [13]. Законодательные органы участия в обсуждении этих вопросов не принимают.

Достаточно вспомнить ситуацию с принятием ВА3 в 2019 г. Международной классификации болезней одиннадцатого пересмотра (МКБ-11), переход на которую был рекомендован ВОЗ с января 2022 г. Российская Федерация в указанный срок не заявляла об оговорках в отношении 6-го и 7-го разделов классификации. Более того, Распоряжением Правительства РФ от 15 октября 2021 г. был утвержден «План мероприятий по внедрению Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра (МКБ-11) на территории Российской Федерации на 2021–2024 годы» [8]. Только под давлением общественности и благодаря вмешательству Государственной Думы РФ процесс перехода на новый классификатор удалось скорректировать. Летом 2023 г. Государственная Дума рекомендовала «правительству Российской Федерации при внедрении Международной статистической классификации болезней... одиннадцатого пересмотра (МКБ-11)... сохранить коды МКБ-10, связанные с расстройством половой идентификации (F64.0), в том числе транссексуализмом, трансвестизмом, расстройствами сексуального предпочтения (F65), включая педофилию» [3].

В соответствии с Уставом ВОЗ (ст. 21 и 22) ММСП принимаются той же процедурой, что и МКБ. ВА3 уполномочена устанавливать общеобязательные правила, «направленные против международного распространения болезней» (ст. 21 (а)) [13].

Впервые ММСП были приняты ВА3 в 1969 г. До этого в рамках ВОЗ действовали Международные санитарные правила 1951 г. В Правила 1969 г. в 1973 и 1981 гг. вносились поправки. В 1990-х гг. в условиях нарастания процессов

глобализации было принято решение их пересмотреть. Работа по обсуждению и выработке новых Правил длилась около 10 лет. 48-я сессия ВАЗ в 1995 г. проблему обозначила, 58-я сессия ВАЗ в 2005 г. их приняла.

По сравнению с ММПС 1969 г., имевшими ограниченную сферу применения (всего шесть «карантинных болезней», а в более поздних редакциях вообще три), Правила 2005 г. включают целый ряд революционных новаций, в числе которых прежде всего «безграничная» сфера применения. Теперь это не конкретная «карантинная болезнь», а «болезнь или медицинское состояние, независимо от происхождения или источника, которое представляет или может представлять риск нанесения людям значительного вреда». В 2005 г. государства-участники взяли на себя обязательство, руководствуясь определенными критериями, информировать ВОЗ о ситуациях в здравоохранении, которые могут иметь международное распространение. На Генерального директора ВОЗ была возложена основная роль при проведении карантинных мероприятий. Он наделен правом объявления «чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение», издания временных рекомендаций, учреждения ряда наднациональных органов, таких как Комитет по чрезвычайной ситуации, Список экспертов по ММСП, Комитет по обзору.

В настоящее время ММСП представляют собой свод имеющих обязательную юридическую силу обязательств 196 государств-участников в отношении событий чрезвычайного характера в области общественного здравоохранения, сопряженных с риском их распространения в международных масштабах.

Вопрос о внесении изменений в ММПС 2005 г. возник одновременно с идеей разработки пандемического соглашения. Учреждая Межправительственный переговорный орган (МППО), ВАЗ отметила необходимость «обеспечения согласованности и взаимодополняемости процесса разработки нового инструмента и текущей работы... особенно в отношении осуществления и укрепления Международных медико-санитарных правил (2005 г.)». Ассамблея также поручила Рабочей группе Международных медико-санитарных правил (РГММСП) «координировать свою работу с... МППО, в том

числе путем регулярной координации деятельности между двумя президиумами и согласования графиков совещаний и планов работы». К декабрю 2023 г. было создано уже пять совещаний РГММСП. Шестое совещание РГММСП прошло 7–8 декабря 2023 г. [14]. Последний проект вносит изменения в 33 из 66 статей ММСП, что скорее свидетельствует уже о новых Правилах, чем о новой редакции.

Члены РГММСП отмечают, что ряд вопросов вызывает механизм финансирования, а также идея создания многоуровневой системы предупреждения. Так, сопредседатель РГММСП д-р Эшли Блумфилд (Новая Зеландия) отметил, что «особое значение имеет согласование следующих шагов в отношении механизмов финансирования на цели обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения и реагирования на них» [2]. А его коллега, сопредседатель д-р Абдулла Асири (Саудовская Аравия), заявил, что важнейший вопрос «касается предложений в отношении многоуровневой системы предупреждения, также именуемой государствами-членами классификацией пандемических чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, имеющих международное значение» [2].

На наш взгляд, помимо сказанного, следует обратить внимание на целый ряд вопросов: во-первых, на размытость и неконкретность самого понятия «чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения» и проблему классификации «чрезвычайных ситуаций»; во-вторых, на расширение числа надзорных наднациональных органов, в частности появление нового органа – Комитета по соблюдению; в-третьих, на появление статей, связанных с цифровизацией здравоохранения, в частности с цифровыми медицинскими документами. В соответствии со ст. 23 планируется разработка цифровых медицинских документов, которые должны содержать средства проверки их подлинности путем поиска на официальном веб-сайте, такие как QR-код. Статья 18 дополнена пунктом, призванным «обеспечить механизмы для разработки и применения декларации о состоянии здоровья путешественника в условиях международной чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, для

предоставления более подробной информации о маршруте путешествия, возможных симптомах, которые могут проявиться, или любой профилактике» [1]. Большое внимание уделяется вопросу использования цифровых технологий для создания сетей совместного эпиднадзора.

Работа над поправками к ММСП не закончена и будет продолжена. Следующее заседание РГММСП запланировано на 5–9 февраля, а итоговое – на апрель 2024 г. Общий пакет поправок планируется составить и согласовать к маю 2024 г.

Таким образом, содержание обсуждаемых документов призвано создать глобальную систему эпидемиологического контроля, который будут осуществлять наднациональные структуры, и единую сеть по разработке, производству и логистике вакцин. Основной целью выступает формирование глобального механизма управления сферой здравоохранения без учета суверенных прав государств-членов.

Список использованных источников

1. Внесение поправок в международные медико-санитарные правила. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/questions-and-answers/item/international-health-regulations-amendments> (дата обращения: 18.12.2023).
2. Вопросы финансирования, стадии предупреждений о потенциальных пандемиях в числе вопросов, рассмотренных на шестом совещании РГММСП. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/10-12-2023-financing--stages-of-alert-for-potential-pandemics-among-the-issues-debated-in-sixth-meeting-of-wgihr> (дата обращения: 20.12.2023).
3. Депутаты Госдумы вмешались в обновление МКБ. URL: <https://news.ru/russia/deputaty-gosdumy-vmeshaliv-obnovlenie-mkb/?ysclid=lqc4gs9nn1816279139> (дата обращения: 20.12.2023).
4. Международные медико-санитарные правила (2005 г.). URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA58-REC1/russe/A58_2005_REC1-ru.pdf (дата обращения: 15.12.2023).
5. «Нулевой» вариант проекта К/С + ВОЗ для рассмотрения Межправительственным переговорным органом на его четвертом совещании. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb4/A_INB4_3-ru.pdf (дата обращения: 27.02.2023).
6. Подготовленный Президиумом текст конвенции, соглашения или иного международного инструмента ВОЗ по предотвращению пандемий, обеспечению готовности и принятию мер реагирования (К/С + ВОЗ). А/INB/5/6. 2 июня 2023. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb5/A_INB5_6-ru.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

7. Предложение по предназначенному для согласования тексту Соглашения ВОЗ по борьбе с пандемиями от 30 октября 2023 г. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb7/A_INB7_3-ru.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

8. Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2021 г. № 2900-р «О Плане мероприятий по внедрению Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра (МКБ-11) на территории Российской Федерации на 2021–2024 годы». URL: <http://government.ru/docs/all/137077> (дата обращения: 20.12.2023).

9. Сафронова Е. В. Концептуальные основы нового проекта соглашения (или иного международного инструмента) Всемирной организации здравоохранения по предотвращению пандемий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 3. С. 325–329.

10. Сафронова Е. В. Правовые проблемы выхода России из Всемирной организации здравоохранения // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48, № 1. С. 153–166.

11. Сафронова Е. В. Россия с ВОЗу: кому легче? Политико-правовые проблемы выхода из Всемирной организации здравоохранения // Свободная мысль. 2023. № 3. С. 59–72.

12. Сафронова Е. В., Петрищева Н. С. «Пандемическое соглашение» Всемирной организации здравоохранения: анализ концептуального нулевого проекта // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 1. С. 149–158.

13. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Основные документы, сорок девятое издание (с поправками по состоянию на 31 мая 2019 года). Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. 261 с.

14. Шестое совещание Рабочей группы по поправкам к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.). URL: [https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2023/12/07/default-calendar/sixth-meeting-of-the-working-group-on-amendments-to-the-international-health-regulations-\(2005\)#cms](https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2023/12/07/default-calendar/sixth-meeting-of-the-working-group-on-amendments-to-the-international-health-regulations-(2005)#cms) (дата обращения: 20.12.2023).

References

1. Amendments to the international health regulations // Website of the World Health Organization. Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/questions-and-answers/item/international-health-regulations-amendments> (date of application: 18.12.2023).
2. Financing issues, stages of warnings about potential pandemics among the issues considered at the sixth meeting of the WGMMSP. Available at: <https://www.who.int/ru/news/item/10-12-2023-financing--stages-of-alert-for-potential-pandemics-among-the-issues-debated-in-sixth-meeting-of-wgihr> (date of application: 20.12.2023).
3. The deputies of the State Duma fit into the MKB update. Available at: <https://news.ru/russia/deputaty-gosdumy-vmeshaliv-obnovlenie-mkb/?ysclid=lqc4gs9nn1816279139> (date of application: 20.12.2023).

4. International Health Regulations (2005). Available at: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA58-REC1/russe/A58_2005_REC1-ru.pdf (date of application: 15.12.2023).
5. Zero” version of the draft C/C + WHO for consideration by the Intergovernmental Negotiating Body at its fourth meeting. Available at: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb4/A_INB4_3-ru.pdf (date of application: 27.02.2023).
6. The text of the convention, agreement or other WHO international instrument on pandemic prevention, preparedness and response (C/C + WHO) prepared by the President. A/INB/5/6. June 2, 2023. Available at: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb5/A_INB5_6-ru.pdf (date of application: 17.06.2023).
7. Proposal for the text of the agreement on combating pandemics dated October 30, 2023 intended for coordination. Available at: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb7/A_INB7_3-ru.pdf (date of application: 20.12.2023).
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 15, 2021 No. 2900-r “Action plan for the implementation of the International Statistical classification of diseases and health-related problems of the eleventh revision (ICD- 11) on the territory of the Russian Federation for 2021-2024”. Available at: <http://government.ru/docs/all/137077> (date of application: 20.12.2023)
9. Safronova E. V. Conceptual foundations of a new draft agreement (or other international instrument) of the World Health Organization for the prevention of pandemics // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 325–329.
9. Safronova E. V. Legal problems of Russia’s withdrawal from the World Health Organization // Nomotetics: Philosophy. Sociology. Right. 2023. Vol. 48, No. 1. P. 153–166.
10. Safronova E. V. Russia with a voice: who feels better? Political and legal problems of withdrawal from the World Health Organization // Free Thought. 2023. No. 3. P. 59–72.
12. Safronova E. V., Petrishcheva N. S. “Pandemic consensus” of the World Health Organization: an analysis of the conceptual zero project // Actual Problems of the State and Law. 2023. Vol. 7, No. 1. P. 149–158.
13. Charter (Constitution) of the World Health Organization // Basic Documents, forty-ninth edition (as amended as of May 31, 2019). Geneva: World Health Organization, 2020. 261 p.
14. The sixth meeting of the working group on amendments to the International Health Regulations (2005). Available at: [https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2023/12/07/default-calendar/sixth-meeting-of-the-working-group-on-amendments-to-the-international-health-regulations-\(2005\)#cms](https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2023/12/07/default-calendar/sixth-meeting-of-the-working-group-on-amendments-to-the-international-health-regulations-(2005)#cms) (date of application: 20.12.2023).

Поступила в редакцию 03.01.2024

Received January 03, 2024

Сафронова Елена Викторовна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85;
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Юго-Западный государственный
университет,
305003, г. Курск, ул. 50 Лет Октября, д. 94,
email: elena_safronova_2010@mail.ru

Пойминов Никита Михайлович,
аспирант кафедры теории и истории
государства и права,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85,
email: 1109030@bsu.edu.ru

Safronova, Elena V.,
Doctor of Law, Professor
of the Department of Theory
and History of State and Law,
Belgorod National Research University,
85 Pobedy Str., Belgorod;
308015, Russian Federation,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
South-Western State University,
50 Let Oktyabrya Str., Kursk, 305003,
Russian Federation,
email: elena_safronova_2010@mail.ru

Poyminov, Nikita M.,
Postgraduate Student of the Department
of Theory and History of State and Law,
Belgorod National Research University,
85 Pobedy Str., Belgorod, 308015,
Russian Federation,
email: 1109030@bsu.edu.ru

ГЕНЕЗИС ИДЕЙ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

THE GENESIS OF THE IDEAS OF SLAVIC UNITY IN THE RUSSIAN STATE-LEGAL THOUGHT OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка исследования генезиса отечественных концепций политического единства славянских народов, изучена проблематика славянского федерализма. Отмечено, что мыслитель и дипломат В. Ф. Малиновский видел будущую славянскую федерацию в форме объединения России, воссоединенной Польши и отдельных славянских земель, получивших политическую независимость от Австрийской и Османской империй, и данное содружество «держав» должно было входить в общеевропейский союз. Авторами подчеркнута, что средой идеологов тайной организации декабристов, Общества соединенных славян был разработан проект федеративного союза независимых славянских республик, в который предполагалось вклю-

ABSTRACT. The article attempts to study the genesis of domestic concepts of the political unity of the Slavic peoples, and examines the problems of Slavic federalism. It is noted that the thinker and diplomat V. F. Malinovsky saw the future Slavic federation in the form of unification of Russia, reunified Poland and separate Slavic lands that gained political independence from the Austrian and Ottoman Empires, and this commonwealth of “powers” was supposed to be part of the pan-European union. The authors emphasized that among the ideologists of the secret organization of the Decembrists, the Society of United Slavs, a draft federal union of independent Slavic republics was developed, which was supposed to include Slavic and some non-Slavic peoples living together in Central and

чение славянских и некоторых совместно проживающих неславянских народов Центральной и Восточной Европы. Указано, что Н. И. Костомаров и члены Кирилло-Мефодиевского общества обосновывали идею политического объединения независимых славянских народов в Славянский Союз при условии сохранения автономных языков, литературы, своеобразия общественно-политических структур, а в доктрине панславизма они усматривали потенциал переустройства славянского мира на началах свободы, справедливости и государственной независимости. Сделан вывод о сходстве всех трех рассмотренных концепций славянской интеграции как в контексте единства избранной формы федеративного государственного устройства, так и в аспекте родства ключевых тезисов в виде возрождения славянского мира, популяризации славянской культуры, обретения государственно-политического суверенитета славянскими народами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: панславизм; В. Ф. Малиновский; Н. И. Костомаров; Общество соединенных славян; Кирилло-Мефодиевское общество; Южное общество; славянская федерация.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сафронова, Е. В. Генезис идей славянского единства в российской государственно-правовой мысли первой половины XIX века / Е. В. Сафронова, Н. М. Пойминов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 51–57. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-7.

Панславизм как вариация философского осмысления места России в славянском мире представляет собой государственно-правовую доктрину политического единства славянских государств и народов на основе этнической, культурной и языковой общности. Исследование феномена панславизма в качестве одного из идеалов русской цивилизации в условиях глобальных вызовов может открыть новые горизонты. Ведь ключевым положением панславизма был и остается тезис об особой роли России в славянском мире. И в этом аспекте представляет интерес генезис идей славянского единства в российской государственно-правовой мысли первой половины позапрошлого столетия.

С начала XIX в. из российской интеллектуальной среды стали транслироваться проекты политических преобразований Европы, включающие идеи создания этнических, в первую

Eastern Europe. It is indicated that N. I. Kostomarov and members of the Cyril and Methodius Society justified the idea of a political unification of independent Slavic peoples into a Slavic Union, provided that autonomous languages, literature, and the originality of socio-political structures were preserved, and in the doctrine of pan-Slavism they saw the potential for rebuilding the Slavic world on the principles of freedom, justice and state independence. The conclusion is made about the similarity of all three considered concepts of Slavic integration both in the context of the unity of the chosen form of federal government, and in the aspect of kinship of key theses in the form of the revival of the Slavic world, the popularization of Slavic culture, and the acquisition of state and political sovereignty by the Slavic peoples.

KEYWORDS: pan-Slavism; V. F. Malinovsky; N. I. Kostomarov; Society of United Slavs; Cyril and Methodius Society; Southern Society; Slavic Federation.

FOR CITATION:

Safronova, E. V., and Poyminov, N. M. (2024) The Genesis of the Ideas of Slavic Unity in the Russian State-Legal Thought of the First Half of the XIX Century. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 11(1): 51–57 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-7.

очередь славянских федераций. Наиболее известными считаются записки В. Н. Каразина и С. М. Броневского, внешнеполитические идеи А. Чарторыйского, П. В. Чичагова [3, с. 46–48]. Но система договоров, заключенных по результатам Венского конгресса 1815 г., а также создание Священного союза европейских государств исключили из официальной политической повестки России проблематику освобождения славянских народов и создания этнической федерации. Правящие круги предпочли продемонстрировать лояльность установившейся Венской системе международных отношений. В турецко-греческом конфликте 20-х гг. XIX в. Россия все же поддержала восставших греков, тем самым отступив от заключенных при создании Священного союза договоренностей. Российское руководство находилось в ситуации противоборства национальных интересов на Балканах и принятых союзнических обяза-

тельств [6, с. 116]. Вместе с тем в российском обществе усилились настроения солидарности и поддержки освободительной борьбы славянских народов Балкан, что демонстрируют публицистика и литература соответствующего периода.

Одним из первых проблематики панславизма коснулся отечественный мыслитель, дипломат, просветитель В. Ф. Малиновский (1765–1814). Свое видение интеграционного проекта он изложил в трактате «Рассуждение о мире и войне». Опыт службы в МИДе, позволивший побывать в ряде европейских государств, а затем в Турции и на Балканах, обусловил склонность к обсуждению темы национального самоопределения народов. Малиновский был убежден в том, что по мере просвещения народы Европы осознают преимущества объединения. Так как каждый народ имеет право на независимое управление своими делами с опорой на общенародные законы, то турки, считал В. Ф. Малиновский, не должны властвовать над славянами. Он писал: «По единоплеменству и соседству составляют болгары один язык с сербами, кроатами, босняками, дальматами и всеми славянами и [должны составлять] независимые соединенные области одной державы славянорусского народа» [7, с. 254]. Благоденствию народов Молдавии, Валахии, Болгарии, Богемии и других препятствуют турецкая и австрийская империи, но «не одна Австрия и Турция должны лишиться насильственно присвоенных народов, но и Пруссия также должна дать свободу полякам и удовольствоваться вместо подданства – союзом и соседственной дружбой» [7, с. 255]. Будущая славянская федерация должна была быть представлена объединением России, воссоединенной Польши и отдельных славянских земель, получивших независимость от Австрийской и Османской империй.

Автор трактата выступил инициатором соединения Европы в естественный союз – одно общество держав, создаваемое с целью обеспечения подвластным народам истинного благоденствия, невозможного вне интеграции. В. Ф. Малиновский предложил сложную структуру объединения, включающую несколько уровней: над федерациями этнически близких народов, или «держав», предлагалось учредить еще одно объединение – общеевропейский союз.

Помимо существования национального законодательства, предполагалось установление международного законодательства в виде «общенародных правил или законов», для контроля над соблюдением которых должен был быть учрежден общий совет из представителей союзных народов. Планировалось и создание высшего органа – общего европейского собрания, в него должны были входить отделения, образованные по языковому принципу, например отделение славяно-русского языка. Малиновский считал, что вступление европейских держав в общий союз будет содействовать консолидации интересов государств, а значит, препятствовать нарушению общих постановлений. Объединенные народы взаимно должны охранять ключевые ценности в виде безопасности и свободы. Политико-правовые идеи В. Ф. Малиновского восходят к теории естественного права, но также пронизаны гуманистическими принципами раннего христианства, что позволяет отдельным исследователям относить его воззрения к христианскому социализму [2]. Достоинством учения Малиновского является актуализация проблем политически зависимых народов Европы, теряющих свою этническую идентичность. А его автор может считаться одним из основоположников идей славянского единения и европейской интеграции в русской политико-правовой мысли.

Возникновение на российской почве идеи создания федеративного объединения славян связано с движением декабристов и выросшим из их среды Обществом соединенных славян. Учреждению последнего предшествовали попытки образования организаций с определенными политическими целями. В мае 1818 г. юнкеры Андрей и Петр Борисовы основали Общество первого согласия, целями которого провозглашались дружба и определенные натуралистические исследования (изучение явлений природы). Скоро круг целей создания организации был расширен политическим ориентиром – учреждением республики, а сама она переименована в Общество друзей природы. На его платформе в 1823 г. в качестве одной из декабристских организаций России появилось Общество соединенных славян, сформулировавшее в качестве основной цели образование федеративного союза независимых славянских республик. Организация, к основанию кото-

рой были причастны Андрей и Петр Борисовы, а также поляк Юлиан Казимирович Люблинский и в которую входили И. И. Горбачевский, В. А. Бечасный, А. Пестов, П. Ф. Выгодский и др., действовала на территории Волынской и Киевской губерний. Имевшему опыт политической борьбы Ю. К. Люблинскому, высланному за революционную агитацию из Варшавы, принадлежала инициатива преобразовать общество и вывести на первое место цель объединения славянских народов в единую федеративную республику [8]. На первом этапе существования общества в его состав входило около 50 членов, представлявших собой преимущественно мелкопоместных дворян и мелких чиновников.

Программными документами организации были «Правила Соединенных Славян» и «Присяга Соединенных Славян» [11]. Общество ставило задачи ликвидации самодержавия, уничтожения крепостного строя, освобождения славян от экспансии и последующего объединения в федерацию с республиканской формой правления славянских и некоторых совместно проживающих со славянами неславянских народов Центральной и Восточной Европы. В состав будущей федерации должны были входить независимые Россия, Сербия, Польша, Молдавия, Богемия, Венгрия, Валахия, Трансильвания, Далмация, Кроация, Моравия.

Воспоминания декабриста И. И. Горбачевского об Обществе соединенных славян позволяют констатировать, что данная организация планировала «освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом» [1, с. 177]. Предполагалось закрепление границ каждого славянского государства, введение основанной на представительной демократии формы правления, созыв конгресса для управления делами союза и для изменения основных союзных законов, но на фоне независимости и верховенства национального законодательства государств при решении внутригосударственных вопросов. Подразумевалось, что представители славянских республик будут периодически собираться на заседания для принятия решений по делам федерации, расположенной в пределах четырех морей: Черного, Белого, Балтийского

и Адриатического. В «Записках» И. И. Горбачевского подчеркивалось, что члены общества принимали на себя обязательства по устранению межсословных и межконфессиональных различий, должны были собственным примером побуждать к трудолюбию, а также стремиться к нравственному и интеллектуальному развитию.

В 1825 г. Общество соединенных славян вошло в состав более многочисленного и имевшего больший срок деятельности Южного общества. Несмотря на различия в оценке некоторых программных положений, предчувствие грядущего революционного выступления побудило членов Общества соединенных славян дать согласие на вступление в Южное общество. Организационно это выглядело как трансформация Общества соединенных славян в «славянскую» управу Южного общества. Подобный шаг не был отказом от идеи славянского союза, он выдвигал на первое место свержение самодержавия и избавление от крепостного строя в России в целях последующего вхождения в объединение свободных славян. Отдельные члены объединенного общества приняли участие в декабристском восстании на Сенатской площади. Возможно, данный факт оказал определенное влияние на формирование негативной риторики официальной власти по славянскому вопросу. Вместе с тем следует признать заслугой Общества соединенных славян, в дальнейшем части Южного общества, постановку проблемы народной революции, а также провозглашение идеи объединения славянских народов в единую федеративную республику.

В контексте изучения генезиса идей славянского единства нельзя обойти вниманием деятельность Кирилло-Мефодиевского общества и личность его идеолога Н. И. Костомарова (1817–1885). Этот историк, этнограф, публицист, писатель, автор оригинальной концепции русской истории и проекта славянской федерации в свое время преподавал в Харьковском и в Киевском университетах. Н. И. Костомаров был одним из учредителей Кирилло-Мефодиевского общества как тайной организации, направленной на образование славянской демократической федерации и определяемой многими исследователями в качестве первой украинской политической организации [14, с. 72–75].

В дискуссиях Н. И. Костомарова с В. М. Белозерским, Н. И. Гулаком, П. А. Кулишом, А. В. Марковичем, М. А. Максимовичем, датированных 1844 г., родилась идея политического объединения славянских народов на принципах автономии и свободы в федерацию по аналогии с древнегреческими полисами или Соединенными Штатами Америки. Костомаров разработал устав Кирилло-Мефодиевского общества, в котором содержались следующие идеи: духовно-политического единения славян; самостоятельности славянских племен южно-руссос, северно-руссос, белоруссов, поляков, чехов, словенцев, лужицких сербов, иллиро-сербов, хорватов и болгар; наличия народного правления у каждого племени при обеспечении равенства граждан; христианских основ власти, законодательства, образования, собственности; нравственно-образовательных критериев допуска к участию в правлении; существования общего Славянского собора, объединяющего представителей всех племен [4, с. 150–152].

В уставе также были закреплены главные правила общества, к числу которых относились распространение идеологии общества через воспитание молодого поколения сторонников, продвижение соответствующей литературы, привлечение новых членов, которыми могли быть «славяне всех племен и всех званий». Содержались положения, регламентирующие равенство участников, возможность сохранения в тайне имен участников, а также обязывающие членов общества к взаимной поддержке, помощи, в том числе семьям членов общества. Декларировались идеи преодоления разделения славян Восточной и Западной Церквей, устранения сословно-классовых делений, распространения образования, при этом каждый член должен был соизмерять свои действия «с евангельскими правилами любви, кротости и терпения» [4, с. 152]. Подчеркивался статус тайного общества, в соответствии с которым запрещалось сообщать посторонним лицам о существовании и составе общества.

В учении Н. И. Костомарова обосновывалась естественность федеративных начал для государственно-правовых статусов практически всех народов. При этом мыслитель отмечал, что для истории русского народа характерен синтез идеи единства земли на фоне разделе-

ния ее частей со своеобразием быта в каждой из этих составляющих. Указывал он и на то, что формирование государственности шло двумя способами: с одной стороны, через объединение русской земли в «единодержавное тело», а с другой – путем образования самобытных политических обществ, объединенных связями и единством. В труде «Мысли о федеративном начале в Древней Руси» Костомаров писал: «Это начало федерации не представляет в истории нашей чего-то исключительно собственного славянскому племени; его встречаем мы как у древних, так и у новых народов... Русская земля была слишком велика для скорого образования из себя единодержавного тела; племена, населявшие ее, были слишком разнообразны, чтоб скоро слиться в один народ; самое то племя, которое имело более залогов сделаться господствующим, первенствующим между другими, было само разделено на второстепенные племена, заключающие в себе залогов долгого существования в отдельности» [5]. Историк пояснял, что в период народно-вечевого уклада общерусская народность состояла из южно-русской, северской, великорусской, белорусской, польской и новгородской, а критериями их единства и связи были общность происхождения, языка, нравов, быта, единый княжеский род, общие вечевые начала, христианская вера и единая церковь. В то же время исторические обстоятельства, особенно влияние иноплеменных народов, содействовали разъединению славян. Костомаров резюмировал: история Древней Руси отражает постоянное развитие федеративного начала, которое сталкивается с противоборством начала единодержавия.

В работе «Братья украинцы!» Н. И. Костомаров предложил создание Славянского Союза из независимых славянских народов, в том числе россиян, украинцев, поляков, чехов, словаков, хорватов, иллиро-сербов и болгар, при условии сохранения их автономных языков, литературы, своеобразия общественно-политических структур [13]. Высшим федеративным органом должен был стать сейм или совет славянский, в котором предполагалось присутствие депутатов от разных частей союзного государства. Концепция славянского федеративного союза предусматривала наличие выборных правителей как во всех его частях, так и на уровне всей федерации. Отмечалось существование не

только общего для федерации парламента, но и единого законодательства на фоне существования в субъектах (штатах) своих органов власти и управления, судебных органов, внутреннего законодательства.

Подъем национально-освободительных идей в сочетании с популяризацией идей демократии в 30–40-х гг. XIX в. содействовал созданию в юго-западном крае Российской империи украинской организации славянского единства. Члены Кирилло-Мефодиевского общества попытались воплотить идею общеславянского единения в концепте славянского федеративного союза. Н. И. Костомаров писал, что панславизм – «это идея, в числе других, порожденная нашим мыслящим возрастом, чуть ли не самая моральная, справедливая, богатая жизнью и полная надежд. Это стремление целого племени славянского выйти из возрастного запаздывания, попытки каждому из славянских народов подарить развитие при помощи других родственных наций, всем вместе с братской семьей взять живое участие в подвижной сфере образованности человечества и чтобы предстать перед судьей с незарытым в землю талантом» [10, с. 219–220]. То есть в доктрине панславизма идеолог Кирилло-Мефодиевского общества видел огромный потенциал переустройства славянского мира на началах свободы, справедливости и государственной независимости.

А. Н. Пыпин по поводу Кирилло-Мефодиевского общества отмечал: «Их политическим идеалом было не централизованное государство, а федерация под протекторатом русского императора; но чтобы это стало возможно, надо стремиться прежде всего – распространять убеждение о необходимости уничтожения крепостного права и расширения просвещения» [12, с. 96–97]. С данным тезисом трудно согласиться, так как Кирилло-Мефодиевское общество декларировало освобождение и национальное возрождение Украины как часть процесса освобождения и единения всех славянских народов. Анализ ряда источников, характеризующих взгляды идеологов Кирилло-Мефодиевского общества, не позволяет предположить, что речь шла о «протекторате» российского самодержца, напротив, в программных документах подчеркивалась необходимость автономии и равенства народов вне какой-либо зависимости, и речь шла об актив-

ной роли Малороссии в будущей федеративной государственности.

Следует отметить значительное сходство государственно-правовых взглядов В. Ф. Малиновского, представителей Общества соединенных славян и Кирилло-Мефодиевского общества в контексте их подходов к решению проблем политической независимости и единения славянских народов. Проекты образования славянской федерации, входящей в общеевропейский союз, В. Ф. Малиновского и федеративного союза независимых славянских республик, указанный в программе Общества соединенных славян, имели много общего. Наконец, они актуализировали тему возрождения славянского мира, популяризации славянской культуры, обретения государственно-политического суверенитета славянскими народами. Н. И. Костомаров внес значительный вклад в изучение содержания таких понятий, как славянский вопрос, панславизм, славянофильство и многих других [9, с. 164]. А проект Кирилло-Мефодиевского общества стал национальной версией в общеславянском национально-освободительном движении, в рамках которой была предложена программа радикальных преобразований в целях создания славянской демократической федерации.

Список использованных источников

1. Горбачевский И. И. Записки // Мемуары декабристов. М.: Правда, 1988. С. 165–312.
2. Достян И. С. «Европейская утопия» В. Ф. Малиновского. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/-ЕВРОПЕЙСКАЯ-УТОПИЯ-В-Ф-МАЛИНОВСКОГО> (дата обращения: 10.01.2024).
3. Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980. 328 с.
4. Кирило-Мефодіївське товариство: у 3 т. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 1. 544 с.
5. Костомаров Н. Мысли о федеративном начале в Древней Руси. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/752/Musli%20o%20federalnom%20nachale%20Rusi.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).
6. Кудрявцева Е. П. Восточный вопрос в годы Венской системы международных отношений // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 112–126.
7. Малиновский В. Ф. Рассуждение о мире и войне (извлечение) // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 248–271.

8. Нечкина М. Общество соединенных славян. URL: <http://saint-juste.narod.ru/OCC.html> (дата обращения: 12.12.2023).

9. Олифиренко А. А. Николай Иванович Костомаров – идеолог Кирилло-Мефодиевского общества // Казанский вестник молодых ученых. 2021. Т. 5, № 3. С. 160–165.

10. Признания Н. И. Костомарова в III отделении // Былое. 1907. № 8. С. 200–228.

11. Присяга Соединенных Славян // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 3. С. 73–74.

12. Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Колос, 1913. 189 с.

13. Сергиенко Г. Я. Кирило-Мефодіївське товариство: утвердження ідеї національного визволення України в слов'янському світі // Український історичний журнал. 1996. № 1. С. 14–27.

14. Тучинский В. А., Мельничук О. А. Концепция славянского единства в программных документах Кирилло-Мефодиевского общества – первой украинской политической организации // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 72–75.

References

1. Gorbachevsky I. I. Notes // Memoirs of the Decembrists. Moscow: Pravda, 1988. P. 165–312 [in Russian].

2. Dostyan I. S. “European Utopia” by V. F. Malinovsky. Available at: <https://libmonster.ru/m/articles/view/-EUROPEAN-UTOPIA-V-F-MALINOWSKY> (date of application: 10.01.2024) [in Russian].

3. Dostyan I. S. Russian social thought and the Balkan peoples. From Radishchev to the Decembrists. Moscow: Nauka, 1980. 328 p. [in Russian].

4. Cyril and Methodius Society: in 3 vols. Kiev: Naukova Dumka, 1990. Vol. 1. 544 p. [in Russian].

5. Kostomarov N. Thoughts on the federal beginning in Ancient Rus'. Available at: <https://runivers.ru/upload/iblock/752/Musli%20o%20federalnom%20nachale%20Rusi.pdf> (date of application: 21.12.2023) [in Russian].

6. Kudryavtseva E. P. The Eastern Question during the years of the Vienna System of International Relations // 200 years of the Vienna System: project and practice of European diplomacy: materials of the IX RAMI Convention. Moscow: MGIMO-University, 2016. P. 112–126 [in Russian].

7. Malinovsky V. F. Discourse on peace and war (extract) // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University. 2019. No. 4. P. 248–271 [in Russian].

8. Nechkina M. Society of United Slavs. Available at: <http://saint-juste.narod.ru/OCC.html> (date of application: 12.12.2023) [in Russian].

9. Olifirenko A. A. Nikolai Ivanovich Kostomarov – ideologist of the Cyril and Methodius Society // Kazan Bulletin of Young Scientists. 2021. Vol. 5, No. 3. P. 160–165 [in Russian].

10. Confessions of N. I. Kostomarov in the III department // The Past. 1907. No. 8. P. 200–228 [in Russian].

11. Oath of the United Slavs // Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists: in 3 vols. Moscow: Gospolitizdat, 1951. Vol. 3. P. 73–74 [in Russian].

12. Pypin A. N. Panславизм in the past and present. St. Petersburg: Kolos, 1913. 189 p. [in Russian].

13. Sergienko G. Ya. Cyril and Methodius Society: approval of the idea of national liberation of Ukraine in the Slovenian world // Ukrainian historical Journal. 1996. No. 1. P. 14–27 [in Ukrainian].

14. Tuchinsky V. A., Melnichuk O. A. The concept of Slavic unity in the program documents of the Cyril and Methodius Society – the first Ukrainian political organization // Bulletin of Tomsk State University. Story. 2020. No. 63. P. 72–75 [in Russian].

Поступила в редакцию 20.02.2024

Received February 20, 2024

Фальшина Нелли Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель кафедры теории и истории
государства и права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: nelli.falshina@yandex.ru

Falshina, Nelli A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Lecturer of the Department
of Theory and History
of State and Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002,
Russian Federation,
email: nelli.falshina@yandex.ru

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ АККУЛЬТУРАЦИИ
В ИССЛЕДОВАНИИ КАТЕГОРИИ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ**

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
ASPECT OF ACCULTURATION
IN THE STUDY OF THE CATEGORY
OF MODERN LEGAL CONSCIOUSNESS**

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматривается теоретико-методологический аспект социологической категории «аккультурация», через которую представляется целесообразным исследование современной категории правосознания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аккультурация; правовая культура; стратегии; правосознание; цифровые технологии; цифровизация; цифровая культура.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Фальшина, Н. А. Теоретико-методологический аспект аккультурации в исследовании категории современного правосознания / Н. А. Фальшина. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 58–63. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-8.

ABSTRACT. This article examines the theoretical and methodological aspect of the sociological category of acculturation, through which it seems expedient to study the modern category of legal consciousness.

KEYWORDS: acculturation; legal culture; strategies; legal awareness; digital technologies; digitalization; digital culture.

FOR CITATION:

Falshina, N. A. (2024) Theoretical and Methodological Aspect of Acculturation in the Study of the Category of Modern Legal Consciousness. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 58–63 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-8.

Термин «аккультурация» получил свое развитие в рамках социологических и антропологических исследований. Универсальная природа рассматриваемого понятия, по нашему мнению, позволяет полноценно применить его и в правовой науке.

Термин возник в связи с изысканиями, имеющими отношение к изучению взаимовлияния различных культур. Он описывал процесс, в ходе которого личность или общество адаптируют либо отторгают элементы принципиально иной культуры, в результате чего может появиться новая культурологическая форма.

Первые упоминания термина появились в американской культурной этнографии под влиянием процессов научного исследования культурных изменений в североамериканских племенах. Сформулировал это понятие немецкий этнолог В. Крикенберг, исследовавший процессы культурного взаимодействия и взаимовлияния¹. Затем этнографы Д. Пауэл и У. Хомз использовали термин для обозначения процесса полной утраты культуры одним народом при контакте с доминирующей культурой другого народа.

Роберт Редфилд, в основе научных изысканий которого лежали вопросы эволюции культурных и социальных форм человеческого общества, определил аккультурацию как совокупность явлений, которые возникают в результате вхождения общества или групп индивидов, обладающих различными культурами, в системное взаимодействие, вызывающее последующие изменения в культурных паттернах одной или обеих групп [18].

Социолог Сара Симонс провела большую аналитическую работу по обобщению и систематизации результатов исследований, связанных с формированием термина «аккультурация». Симонс отмечала, что для аккультурации характерным является приспособление личности в определенных психических условиях. Это длительный контакт между культурами, который влечет за собой сложные реверсивные изменения [19].

В немецкой науке подобные процессы получили наименование «амальгамизация». Английские ученые представляли себе рассма-

триваемые процессы в форме ассимиляции. Ранние взгляды на природу аккультурации принадлежат таким ученым, как Франц Боас, Уильям Мак-Джи, Роберт Лоуи, Ральф Линтон, и Мелвил Херсковиц, Маргарет Мид и Майкл Хантер, Лесли Спайер и Бронислав Малиновский, Джон Бери, Гиллис Херлитц, Рихард Турнвальд, Томас Грейвс [19].

Франц Боас был сторонником концепции о том, что культура свойственна абсолютно всем разумным существам, и выдвинул тезис о том, что нет человека, чье культурное развитие обошлось без влияния других моделей культуры [2]. Уильям Мак-Джи и Роберт Лоуи применяли понятие аккультурации в узком смысле, как описывающее процесс ассимиляции в результате контакта культур [13].

В 1935 г. Мелвил Херсковиц и Ральф Линтон создали модель, с помощью которой стало возможным полноценно исследовать аккультурацию как коммуникативный процесс, и сформулировать классическую трактовку термина [18].

Системное изучение процесса аккультурации наметилось к 30-м гг. XX столетия. Европейские ученые Маргарет Мид, Майкл Хантер, Лесли Спайер и Бронислав Малиновский, активно исследуя процесс аккультурации, акцентировали внимание на психологическом аспекте, что позволило сделать серию выводов об изменениях не только культурных форм, но и личностных качеств.

Канадский социолог Джон Берри, изучая особенности и последствия межкультурных коммуникаций, предложил исследовать процессы аккультурации через стратегии, поскольку они, по его мнению, отражают способы возможной адаптации личности к совместному проживанию. Дифференцированный подход к вопросу стратегий был представлен в таких формах, как ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация [1].

Альтернативная трактовка стратегий аккультурации была предложена шведским антропологом Гиллисом Херлитцем [17]. Ученый полагает, что целесообразно выделить изоляцию, мимикрию (подражание) и выделение (отличие от культуры большинства).

Немецкий этнолог Рихард Турнвальд отстаивал позицию тесной взаимосвязи процессов аккультурации с психологией индивида [20].

¹ В. Крикенберг впервые использовал понятие аккультурации в книге 1910 г. *Illustrierte Völkerkunde* в контексте культурного взаимодействия между некоторыми племенами Южной Америки [5].

Исследования социолога Томаса Грейвса в середине XX столетия привели к появлению термина «уровни аккультурации». Проводится различие между индивидуальным уровнем аккультурации и коллективным, при этом индивидуальный уровень характеризуется психологическими изменениями личности [16].

Интерес к изучению процесса аккультурации в современной науке не ослабевает. В настоящее время проблемами аккультурации занимаются такие ученые, как З. А. Будаева [3], А. С. Валентонис, Л. В. Сокольская [4], Т. А. Кинунен, С. Д. Гуриева [7], Ю. А. Косик [8], С. Д. Маркова [11], А. П. Огурцов, В. А. Эдельман [12], Т. Г. Стефаненко [14], Д. Янгибоева [15].

Очевидно, что теоретические изыскания в области рассматриваемой категории первоначально развивались в контексте проблем миграционных процессов. Однако по мере развития научной мысли категория стала наполняться принципиально новым смыслом и содержанием, поскольку возникла объективная необходимость более глубокого понимания социальной реальности. Эти и другие аспекты послужили стимулом к изучению культуры во всем ее многообразии. Расширяя границы применения, в настоящее время категорию аккультурации используют не только этнографы, антропологи, культурологи, социологи, психологи, но и юристы [8].

Термин «аккультурация» трактуется современными учеными как форма межкультурной коммуникации различных сообществ индивидов, при которой культуры, вступающие в реверсивное взаимодействие, воспринимают свойства и навыки друг друга, в результате чего возникает своего рода диалектическое единство, обладающее уникальными свойствами [4]. Это процесс не только социальной, но и психофизической адаптации, приспособления личности к меняющимся условиям при столкновении с новым культурным пространством. При взаимодействии каждая из культур обнаруживает свойственные только ей особенности. Контактируя, культуры адаптируются путем заимствования норм, правил, ценностей и традиций. Характер аккультурации зависит от нескольких факторов: продолжительности коммуникативного контакта, уровня развития доминирующей культуры,

способности реципиента воспринимать новации без подавления собственных культурных основ, а также имеют влияние культурно-исторические особенности.

Формирование современной личности как полноценного субъекта современных социальных связей, а также становление системы его морально-нравственных ценностей, мировоззренческих ориентиров рассматриваются, как правило, через социально-культурные инструментари. В условиях нынешней культурно-исторической формы, для которой характерны динамизм, ритмичность, мультизадачность, а также непрерывные межкультурные коммуникации, аккультурация есть объективная реальность, которая несет в себе ранее неизвестные культурные характеристики, детерминированные особенностями глобализации.

В настоящее время интенсивное развитие цифровых технологий вторгается во все области социальных связей, неизбежно их трансформируя. Все сферы современного общества связаны с применением ресурсов интернета: фискальные правоотношения, образование, медицина, сфера государственных и бытовых услуг, сфера досуга, самореализации и трансграничной коммуникации. Очевидно, что цифровые технологии прочно вошли в нашу жизнь и укоренились в повседневной культуре большинства. В связи с этим сложившийся культурный код человека приобретает принципиально иной смысл. Так, например, оперативная аналитика, присущая правовому, историческому, философскому научному познанию, сегодня была бы невозможна без применения цифровых технологий, несмотря на то, что культурная составляющая в данном случае состоит только в том, что цифровые технологии позволяют полноценно исследовать настоящее и прогнозировать будущее, сформировать понимание особенностей развития современности, осознавая собственную идентичность.

Все это свидетельствует о том, что эпоха высоких технологий несет в себе новую культуру. В частности, это новая культура коммуникации, знаний, навыков, форм мышления, а в широком понимании – это система ценностей, норм и правил поведения, характерных для общества с технологическим укладом. В связи с этим в современной науке появился термин «цифровая культура».

Проникая во все сферы социальных связей, цифровые технологии не могут не повлиять на общую культурную картину мира.

Р. И. Мальцева и М. А. Шахбазян отмечают, что цифровые технологии и искусственный интеллект модифицируют многие культурные смыслы, а социальная и культурная реальность приобретает качественно иные формы, поскольку виртуальные и реальные границы времени смешиваются, устойчивые повседневные связи приобретают новые свойства. По мнению ученых, субъект цифрового общества является типичным представителем и носителем культуры, которая соответствует цивилизационной стадии развития информационного общества [10].

Профессор М. Кудрявцева считает, что цифровая культура – это культура поведения человека в цифровом пространстве. Основным критерием здесь является умение ориентироваться в таком пространстве, что, в свою очередь, требует наличия у современной личности критического мышления и внутренних показателей оценивания феноменов цифровой среды [9].

Акультурация приводит не только к изменениям в модели поведения, но и к трансформации культуры общества, к изменениям психологического и физического характера, включая систему нравственных ценностных ориентиров [8].

Цифровые технологии как доминирующее явление социальной реальности фундаментально трансформировали не только все общественные связи, но и сознание личности.

Социальные сети создали не просто альтернативную модель общения и коммуникации, они сформировали целостный мир, где каждый сможет найти себе единомышленника и почувствовать, что большинство думает так же, как он. В цифровом пространстве мы всегда слышим и читаем то, что хотим услышать и увидеть. Там редко пересекаются чужие универсумы. Пересекаться могут только взгляды, позиции, гипотезы, что часто порождает споры, прения, дискуссии.

Феномен цифрового общества заключается в том, что технологии, трансформируя социальные связи, тем самым активно влияют на основные сферы культуры. Это не может не оказывать воздействия на формирование

принципиально нового культурного опыта, меняющего не только модели поведения, но и культурные приоритеты. Появление новых форм социальной коммуникации, новое восприятие границ времени и пространства, отказ от традиционных когнитивных навыков, изменение форм занятости, выработка новых поведенческих стилей, смена мировоззренческих установок – все это может выступать критериями нового типа культуры – цифровой. Таким образом, формирование цифровой культуры объективно детерминировано описанным выше процессом аккультурации.

Важно отметить, что указанные изменения социальных связей в рамках формирования цифровой культуры повлекли трансформацию социальных норм, где правовые нормы выступают как неотъемлемый элемент. Это выразилось в том, что цифровые технологии развиваются быстрее, нежели правовые нормы, которые призваны регулировать возникающие правоотношения. Такой разрыв, в свою очередь, порождает различные деформации правосознания, характеризующиеся правовым нигилизмом, равнодушным отношением к праву и тем фундаментальным ценностям, которые лежат в его основе.

В основе любой юридико-философской категории лежит определенный идейный контекст, являющийся неотъемлемой ее частью. Указанные идеи существовали в разные исторические периоды, будучи релевантными развитию философско-правовой мысли, интеллекту человека, его потребностям, общественному прогрессу, а также историческим событиям, неизбежно сопровождающим формирование государственно-правового порядка. В основе категории правосознания также лежат фундаментальные идеи. Идеи, которые дают возможность составить представление о самой глубинной сущности правосознания и в определенной степени выразить его природу. Учитывая характер исторического периода и социальных процессов, которые происходят в современном обществе, теоретически представляется возможным дополнить совокупность уже существующих идей, располагающихся в основе категории правосознания. Соответственно, исследование выявленных идей, обладающих концептуальным и парадигмальным значением, позволит сформулиро-

вать качественно иную сущность современного правосознания. Позволим себе предположить, что такой подход откроет перспективу составить представление об идее современного правосознания во всех объективациях, характерных для нынешней социально-правовой действительности, поскольку смена исторических форм, культурных и правовых парадигм, а также прогресс могут существенным образом повлиять не столько на само правосознание, сколько на его качественные характеристики.

С учетом качественных изменений социально-правовой реальности нам представляется чрезвычайно важным выявление новой концептуальной сущности категории правосознания. По нашему мнению, выявить сущность и природу современной категории правосознания целесообразно через такой предикат, как аккультурация. В данном случае аккультурация выступает как прием, используя который возможно исследовать влияние культуры цифрового общества на трансформацию правосознания, где правовая культура выступает основным структурным элементом.

Итак, исследование современной категории правосознания, которая формируется в условиях развития цифровых технологий в ходе процесса аккультурации, позволяет сделать определенные выводы.

Развитие цифровых технологий, детерминированное процессами глобализации, в ходе процессов аккультурации оказывает существенное влияние на культуру современного социума, где право, как известно, – важный сегмент. Право, как утверждает наука антропология, является продуктом определенной культуры конкретной цивилизации. В связи с этим важно выделить тенденции, которые в настоящее время имеют место при формировании социально-правовой действительности, обусловленной процессами глобализации. Сегодня вырабатывается много новых знаний, навыков, убеждений, концепций, в том числе правовых. В результате этого трансформируются основные идейно-теоретические правовые представления личности и, как следствие, меняются модели правового поведения. Формируется новая психология индивида, особенностью которой является субъективное отношение к современному действующему праву. Это объяснимо тем, что цифровые технологии, которые вторгаются

во все сферы социальных связей, развиваются несколько быстрее, нежели система правовых норм, призванная регулировать вновь возникающие общественные отношения. Разрывы подобного рода деформируют правосознание, что выражается в равнодушном отношении к праву как к артефакту цивилизации, а также к ценностям, лежащим в его основе.

Все перечисленные трансформационные тенденции, обусловленные взаимодействием личности с новой социокультурной средой, существенно повлияли на объективации современного правосознания. Основными объективациями следует считать знания, навыки, реакции, эмоции, убеждения, которые являются характерными для современной личности, социализированной в условиях глобальных изменений.

Так, правосознание как недифференцированная научная категория представляет собой совокупность убеждений, эмоций, знаний, концепций, напрямую зависящих не только от уровня нравственно-духовного воспитания, обуславливающего поведение индивида в сложных правовых ситуациях, но и от степени правовой защищенности личности в современном обществе.

Список использованных источников

1. Берри Д. Стратегии аккультурации. URL: <https://infopedia.su/15x71ba.html> (дата обращения: 27.01.2024).
2. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 509–518.
3. Будаева З. А. Аккультурация как доминирующий теоретический маркер проявления процессов глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6–2. С. 91–95.
4. Валентонис А. С., Сокольская Л. В. Понятие «аккультурация» в истории научного дискурса XIX–XXI вв. // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 212–228.
5. Иммиграция из России и в Россию. URL: <http://www.migracio.ru/akkulturaciya.html> (дата обращения: 05.02.2024).
6. Исмаилов М. А., Мусаева Д. Ю. Аккультурация как основной фактор трансформации правовой системы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 3. С. 24–28.
7. Кинунен Т. А., Гуриева С. Д. Аккультурация как кризис идентичности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 1. С. 268–279.
8. Косик Ю. А. Уровни аккультурации личности // Искусство и культура. 2016. № 1. С. 88–93.

9. *Кудрявцева М.* Культура в цифре. URL: <https://dzen.ru/a/YK98UKaoOXu6PfuL> (дата обращения: 02.02.2024).
10. *Мальцева Р. И., Шахбазян М. А.* Новая культуральность цифровизованного времени // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9, № 4. С. 77–84.
11. *Маркова С. Д.* Аккультурация: к теории вопроса // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/12/60006> (дата обращения: 28.01.2024).
12. *Огурцов А. П., Эдельман В. А.* Аккультурация. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7180> (дата обращения: 27.01.2024).
13. *Степин В. С.* Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 1. С. 8–17.
14. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.
15. *Янгибоева Д.* Психологические особенности процесса аккультурации в современном мире // Молодой ученый. 2022. № 17. С. 339–342.
16. *Graves T.* Psychological acculturation in a tri-ethnic community // South-Western Journal of Anthropology. 1967. № 23. P. 337–350.
17. *Herlitz G.* Kulturgrammatik: hur du okar din formaga att umgas over granserna. Uppsala: Uppsala Publishing House AB, 2007. 220 s.
18. *Redfield R., Linton R., Herskovits M. J.* Memorandum for the study of acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38, № 1. P. 149–152.
19. *Simons S. E.* Social assimilation // American Journal of Sociology. 1901. Vol. 6, № 6. P. 790–822.
20. *Thurnwald R.* The psychology of acculturation // American Anthropologist. 1932. № 34. P. 557–569.
- centuries // Dialogue with Time. 2019. No. 67. P. 212–228 [in Russian].
5. Immigration from Russia and to Russia. Available at: <http://www.migracio.ru/akkulturaciya.html> (date of application: 05.02.2024) in Russian].
6. *Ismailov M. A., Musaeva D. Yu.* Acculturation as the main factor in the transformation of the legal system // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2014. No. 3. P. 24–28 [in Russian].
7. *Kinunen T. A., Gurieva S. D.* Acculturation as an identity crisis // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. 2010. Iss. 1. P. 268–279 [in Russian].
8. *Kosik Yu. A.* Levels of personal acculturation // Art and Culture. 2016. No. 1. P. 88–93 [in Russian].
9. *Kudryavtseva M.* Culture in digital. Available at: <https://dzen.ru/a/YK98UKaoOXu6PfuL> (date of application: 02.02.2024) [in Russian].
10. *Maltseva R. I., Shakhbazyan M. A.* New culturality of digitalized time // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. 2023. Vol. 9, No. 4. P. 77–84 [in Russian].
11. *Markova S. D.* Acculturation: to the theory of the issue // Modern scientific research and innovation. 2015. No. 12. Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2015/12/60006> (date of application: 28.01.2024) [in Russian].
12. *Ogurtsov A. P., Edelman V. A.* Acculturation. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7180> (date of application: 27.01.2024).
13. *Stepin V. S.* Philosophical analysis of ideological universals of culture // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2011. No. 1. P. 8–17 [in Russian].
14. *Stefanenko T. G.* Ethnopsychology: a textbook for universities. Moscow: Aspect Press, 2009. 368 p. [in Russian].
15. *Yangiboeva D.* Psychological features of the process of acculturation in the modern world // Young Scientist. 2022. No. 17. P. 339–342 [in Russian].
16. *Graves T.* Psychological acculturation in a tri-ethnic community // South-Western Journal of Anthropology. 1967. No. 23. P. 337–350 [in English].
17. *Herlitz G.* Cultural grammar: how you increase your ability to socialize across borders. Uppsala: Uppsala Publishing House AB, 2007. 220 p. [in Swedish].
18. *Redfield R., Linton R., Herskovits M. J.* Memorandum for the study of acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38, No. 1. P. 149–152 [in English].
19. *Simons S. E.* Social assimilation // American Journal of Sociology. 1901. Vol. 6, No. 6. P. 790–822 [in English].
20. *Thurnwald R.* The psychology of acculturation // American Anthropologist. 1932. No. 34. P. 557–569 [in English].

References

1. *Berry J.* Acculturation strategies. Available at: <https://infopedia.su/15x71ba.html> (date of application: 27.01.2024) [in Russian].
2. *Boas F.* The limitations of the comparative method of anthropology // Anthology of cultural studies. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997. Vol. 1. P. 509–518 [in Russian].
3. *Budaeva Z. A.* Acculturation as the dominant theoretical marker of the manifestation of globalization processes // Bulletin of the Buryat State University. 2014. No. 6–2. P. 91–95 [in Russian].
4. *Valentonis A. S., Sokolskaya L. V.* The concept of “acculturation” in the history of scientific discourse of the 19th–21st

Поступила в редакцию 03.03.2024
Received March 03, 2024

Шигабутдинова Алина Леонидовна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
юридический факультет,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
email: alshigabutdinova@yandex.ru

Shigabutdinova, Alina L.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Law Faculty, Kazan (Volga Region)
Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008,
Russian Federation,
email: alshigabutdinova@yandex.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРАВА: УТИЛИТАРНЫЙ АСПЕКТ

THE SOCIAL PURPOSE OF LAW: THE UTILITARIAN ASPECT

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена утилитарному аспекту социального назначения права. Социальное назначение права связывается с потребностями как ключевым психологическим стимулом поведения человека. Автор, подробно рассматривая внутренний психологический механизм социальных взаимодействий, указывает, что именно потребность является главной побудительной силой, управляющей их динамикой, а значит, именно она выступает основным предметом всякого регулирования. Хотя потребность выступает важнейшим побудительным фактором поведения человека, конкретная программа действий определяется свободно и осознанно избираемыми средствами ее удовлетворения. Исходя из этого, утверждается, что единственным путем упорядочивающего воздействия на социальные взаимодействия является регламентация доступного субъекту набора средств, с помощью которых воплощается в жизнь его потребительская активность, удовлетворяются движущие им потребности. Право определяется как «утилитарная» система, назначение которой состоит не просто в установлении моделей должного и дозволенного поведения, а в создании единого социально приемлемого порядка удовлетворения индивидуальных потребностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное назначение права; социальные взаимодействия; психологические стимулы; потребность; утилитарность; средства удовлетворения потребностей.

ABSTRACT. The article is devoted to the utilitarian aspect of the social purpose of law. The social purpose of law is associated with needs as the key psychological stimulus of human behavior. The author, examining in detail the internal psychological mechanism of social interactions, points out that the need is the main driving force that controls their dynamics. That's why the need is the main subject of any regulation. Although need is the most important motivating factor in human behavior, a specific program of action is determined by freely and consciously chosen means of satisfying it. Based on this, it is argued that the only way of ordering influence on social interactions is the regulation of the set of means available to the subject, with the help of which his consumer activity is realized and the needs that drive him are satisfied. Law is defined as a "utilitarian" system, the purpose of which is not just to establish models of proper and permitted behavior, but to create a common socially acceptable order for satisfying individual needs.

KEYWORDS: social purpose of law; social interactions; psychological incentives; need; utility; means of satisfying needs.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шигабутдинова, А. Л. Социальное назначение права: утилитарный аспект / А. Л. Шигабутдинова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 64–70. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-9.

FOR CITATION:

Shigabudinova, A. L. (2024) The Social Purpose of Law: the Utilitarian Aspect. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 64–70 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-9.

Обычно, говоря о социальном назначении права, в отечественной литературе указывают на регулятивную, упорядочивающую или стабилизирующую роль права в обществе. Такова, в частности, позиция Г. В. Мальцева, полагающего, что право как нормативный регулятор обнаруживает свое социальное назначение в регламентации жизненных процессов, т. е. в сознательном создании порядка в обществе, его поддержании, сохранении, защите ради определенных, признанных культурным сообществом целей [7, с. 5].

Более дифференцированно подходит к определению социального назначения права Т. Н. Радько: речь идет о закреплении и стабилизации наиболее важных, необходимых в обществе отношений, искоренении определенных негативных явлений из жизни общества, создании условий для благоприятного развития новых, более прогрессивных видов общественных отношений [12, с. 48].

В общем плане такое понимание социального назначения права едва ли вызовет нарекания. Объективное право возникает и самоопределяется в истории человечества как специфический общественный механизм целостности, призванный обеспечивать определенный порядок социальных взаимодействий.

Вместе с тем сводить проблему социального назначения права к установлению конкретного порядка общественных отношений – значит касаться только внешней стороны дела, а не той глубинной основы, на которой покоится этот порядок. Если последовательно руководствоваться этими рассуждениями, неизбежно пришлось бы признать, что то или иное состояние общественных отношений непосредственно достигается закреплением персонифицированных моделей поведения. При такой интерпретации за пределами исследовательского внимания остаются внутренние факторы поведения человека, фактически управляющие динамикой социальных взаимодействий.

Между тем качественное своеобразие и социальное назначение права как нормативного институционального регулятора в конечном счете определяется психологическим механизмом социальных взаимодействий, природой движущих ими внутренних побудительных сил.

В отличие от коллективной жизни животных, организация которой генетически закодирована и потому стереотипна, социальные взаимодействия, являясь особым, внебиологическим способом связи людей, не запрограммированы врожденными инстинктами, а подчинены прижизненно обретаемым рациональным установкам.

Социальные взаимодействия, не имея однозначной биологической детерминации, нуждаются в благоприобретенных, выработанных человеком психологических стимулах. При этом действие указанных стимулов намного сложнее инстинктивной ориентации поведения: не задавая жестко соответствующих форм активности, они опосредуют, мотивируют свободную целеполагающую деятельность, служат субъективным критерием отбора ее целей и средств.

Отвечая на принципиальный вопрос о характере психологических стимулов, составляющих внутренний механизм социального взаимодействия, социология и социальная философия предлагают целый ряд подходов, авторы которых берут за основу отдельные грани, стороны, аспекты реального процесса коммуникации. Речь, в частности, идет о построенных в зарубежных социологических исследованиях теориях разной степени общности: теории социального действия, символическом интеракционизме, теории обмена, этнометодологии, структурном функционализме, теории конфликта и др. [16, с. 6].

Выдвигая на первый план одни факторы как главные и оставляя в стороне другие, авторы получают разные теоретические картины со-

циального взаимодействия. Между тем последние оказываются не столько опровергающими, сколько дополняющими друг друга, поскольку поведение человека является сложным результатом действия целой системы сил. Не случайны поэтому предпринимаемые в литературе попытки сформулировать определение социального взаимодействия, синтезирующее и обобщающее теоретические взгляды различных социологических школ [4, с. 28; 13, с. 128].

Иными словами, внутренний механизм социального взаимодействия не однороден, а гетерогенен. Его состав объединяет неодинаковые по своему значению и «глубине залегания», как называет это профессор К. Х. Момджян [9, с. 5], интеллектуально-волевые факторы (потребности, интересы, ценности, эмоции, мотивы, цели, воля и т. п.).

Однако в системе указанных факторов должна быть сила, способная служить объективной основой взаимосвязи всех ее компонентов, – сила, становящаяся базовой, доминирующей, системообразующей как для социального взаимодействия, так и для воздействующего на него нормативного регулятора. Вычленив ее из всего многообразия психологических характеристик социального взаимодействия – значит определить своеобразный внутренний рычаг, который запускает процесс взаимодействия, направляет его движение, а следовательно, является ключевым предметом упорядочивающего воздействия, специфицирующим качественное своеобразие регулятора.

Таким фактором отечественная социальная философия и социология справедливо признают потребности. В соответствии с утвердившимся в науке представлением, потребность выступает первичным, исходным и в конечном счете сильнейшим стимулятором и катализатором социальной жизни. Эту мысль ярко выразил К. Х. Момджян: «Именно потребности выступают как наиболее глубокие причины, вызывающие действия людей» [9, с. 5]. За потребностями субъекта не стоит ничего, поясняет указанный автор, кроме предзаданных, не зависящих от воли человека целей самоподдержания, сохранения факта и качества жизни, инициирующих любую активность живых систем [9, с. 12].

Главенствующее значение потребности в системе факторов социального взаимодействия,

неодолимая власть, которую она имеет над поведением субъекта, объясняются ее неразрывной связью с процессом жизнеобеспечения [7, с. 281]. Актуализация и удовлетворение потребностей рассматриваются в науке как всеобщий способ сохранения внутренней среды любых самоуправляющихся систем (биологических организмов, человека, общества), составляющий фундаментальный закон их функционирования [11, с. 10].

Именно в этом своем качестве – как исходный побудитель поведения – потребность становится главным фактором социогенеза. Требуя для своего удовлетворения «взаимных уступок людей, зависящих друг от друга и приспособляющихся друг к другу» [17, с. 27], соотносительности их действий, она вызывает к жизни различные формы социальной кооперации.

Иначе говоря, многообразные связи между людьми, из которых соткана вся ткань социальной реальности, вырастают в конечном счете из стремления человека удовлетворить свои потребности [10, с. 170]. В этом смысле потребность, как верно отмечал О. А. Красавчиков, оказывается внутренней пружиной, побуждающей человека к действиям. «Потребность порождает желание, первый шаг к реализации которого требует прежде всего постановки цели, выбора средств, организации действий по достижению цели» [5, с. 8].

Таким образом, социальное взаимодействие по своей глубинной сути и смыслу есть специфически человеческий способ удовлетворения потребностей, основу которого составляют взаимонаправленные и скоординированные действия субъектов, совершаемые в соответствии с особой, внебиологически вырабатываемой программой. Эта программа не задана человеку однозначно, как задана она животному биологической оснащенностью его вида. Не являясь врожденной, такая программа, отличается неизвестным животному миру динамизмом, постоянной исторической изменчивостью, зависимостью от меняющегося характера практического отношения людей к природе, форм и организации производства, а затем и от сознания людей, идеологических установок.

Как именно она будет выстроена, в итоге определяется теми средствами, которые свободно и осознанно избирает субъект для удовлетворения соответствующей потребности.

Средство, будучи «связующим звеном между целью субъективной и “выполненной целью”» [15, с. 94], занимает решающее место в структуре любой деятельности [18, с. 294].

Как указывает в связи с этим Л. Т. Бакулина, специфика используемых субъектом средств детерминирует качественную определенность его активности [2, с. 244].

На этот этап – отбор средств удовлетворения потребности – приходится, пожалуй, наибольшая субъективная, а значит, и регулятивная нагрузка.

Сама потребность как побудительная сила человеческой активности носит безальтернативный характер, исключающий всякую возможность сознательного управления ею. Здесь следует оговориться, что в социальной философии и социологии по данному вопросу нет полной ясности. Ряд авторов (в частности, В. Г. Афанасьев, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн), утверждая изменчивость и вариативность потребностей, допускают подверженность их внешнему воздействию. Противоположной позиции придерживается К. Х. Момджян, полагая, что «в ходе истории меняются не сами потребности, а только способы их удовлетворения» [9, с. 10]. Не имея возможности специально рассматривать в данной статье эту сложную междисциплинарную проблему, подчеркнем лишь, что направленность поведения формируется не содержанием потребности как таковой, а свободно избираемыми средствами ее удовлетворения. Именно поэтому они и составляют основную предмет всякого регулирования.

Как отмечал Г. В. Мальцев, «человек не может... освободиться от потребностей, ему не дано усилиями сознания и воли отменить собственные уже возникшие в данном виде потребности» [7, с. 281]. Однако человек способен контролировать процесс удовлетворения потребностей [9].

Процесс этот протекает в бесконечно многообразном и однозначно не детерминированном объективном мире, где «реализации каждого события предшествует возникновение целого спектра возможностей» [1, с. 520].

Иными словами, за каждой потребностью стоит потенциально широкий диапазон средств ее удовлетворения, определяемый условиями той общественной и природной среды, в которой она формируется и конкретизируется. Как

отмечается, «актер», преследуя некую цель, обладает альтернативными средствами для ее достижения [14, с. 62].

Соответственно, активность, вызываемая потребностью, не сводится к одной-единственной готовой формуле поведения, необходимо следующей из ее содержания, а оказывается многолинейной, допускающей одновременно несколько путей осуществления. Человек, пишет К. Х. Момджян, способен варьировать свои реакции на безальтернативные влечения, «подсказываемые» потребностью [8].

Вот почему субъект социальных взаимодействий, побуждаемый к действию собственными потребностями, располагает относительно большим числом «степеней свободы» и ставится в условия выбора из некоторого набора возможных средств, относящихся к достижению поставленных им целей.

Здесь объективно существующая нелинейность, поливариантность путей удовлетворения потребности, исключающая всякую фатальность или предопределенность в поведении человека, создает возможность и необходимость регулирующего воздействия на него.

Иначе говоря, фокусом социального регулирования становится решение вопроса о том, какими должны быть действия человека по удовлетворению его потребностей, а значит – какие должны быть выбраны для этого средства. По существу, нет иного пути воздействия на формирование и развитие социальных взаимодействий, как через закрепление допустимых в данном обществе средств удовлетворения потребностей [10, с. 114–116].

Это означает, что направлять ход социальных взаимодействий, задавать вектор их движения можно, регламентируя доступный субъекту набор средств, с помощью которых воплощается в жизнь его потребительская активность, удовлетворяются движущие им потребности.

Таким образом, объективное право как институциональный нормативный регулятор – это отнюдь не формальная, а содержательная «утилитарная» система, суть которой – не в установлении неперсонифицированных моделей дозволенного и должного поведения, а «полезностная» содержательность этих последних, их направленность на удовлетворение потребностей субъекта.

Только в связи с потребностями субъекта, обеспечивая баланс индивидуального и социального в процессе их удовлетворения как условие стабильного состояния и целостности общества, право становится необходимой частью социальной системы. Это обстоятельство в известном плане уже отмечалось в юридической литературе. Так, Н. В. Витрук справедливо указывал, что «субъективное право (наряду с обязанностью) выступает не только как способ регулирования взаимоотношений между людьми, как определение меры их поведения, но и как юридический способ удовлетворения разнообразных потребностей и интересов личности как средств, позволяющих пользоваться определенными социальными благами» [3, с. 231].

Порядок социальных взаимодействий, обеспечивающий целостность общества и его жизнеспособность, складывается в результате использования субъектами определенного арсенала средств удовлетворения потребностей. Поэтому естественно, что стоящая перед обществом ключевая задача самосохранения требует установления такого комплекса средств потребительской активности, который был бы оптимальным в данных конкретно-исторических условиях.

Для общества как целостной системы это означает необходимость достижения известного равновесия между личностной целесообразностью и социальной приемлемостью в процессе удовлетворения потребностей. Требуемое равновесие достигается при устранении лишних степеней свободы в выборе средств удовлетворения потребностей, подчинении «естественной» стихии индивидуальных действий единому порядку, отвечающему интересам общества как целого.

В социально дифференцированном обществе спонтанное возникновение единого порядка удовлетворения потребностей чрезвычайно маловероятно. В этом вопросе «естественный отбор близорук» [6, с. 180].

Поэтому в обществе, ставшем неоднородным на определенном этапе своего развития, необходимое единство такого порядка может быть обеспечено лишь при условии его централизованного формирования специальным координирующим субъектом, которому поручена забота об интересах общества как такового, – государством.

Целенаправленная государственная активность дает «возможность создавать такие социальные формы, которые стихийно или вовсе не могли бы возникнуть, или же требовали бы колоссальных периодов времени, если бы шли, как в биологических системах, путем проб и ошибок либо окольными путями» [6, с. 181].

Вот почему исторический процесс образования государств, связанный со значительной социальной дифференциацией, потребовал особого механизма обеспечения целостности общества, какого не знала социально однородная родоплеменная община. Этим механизмом стало объективное право – институциональный нормативный регулятор, фиксирующий не стихийно складывающуюся, а целенаправленно организуемую государством систему средств удовлетворения потребностей. Иначе говоря, право не служит для того, чтобы поддерживать социально приемлемый алгоритм потребительской активности человека, а само создает такой алгоритм.

Следует заметить, что утилитарный аспект социального назначения права выделяется и в зарубежной правовой доктрине. Представление о природе объективного права, формируемое в русле современного позитивизма, связывает его социальную роль с целенаправленным упорядочением потребительской активности человека как условием стабильности общества.

Так, если отвлечься от незначительных различий в оттенках мнений и формулировках, можно выделить по крайней мере три основных момента, характерных для трактовки социальной ценности права зарубежными юристами.

Во-первых, право рассматривается как специфическое средство, необходимое обществу для самосохранения [21; 22; 27]. Филип Аллот, в частности, говорит о том, что право «является частью самосозидания общества» [19, р. 32].

Во-вторых, последовательно проводится мысль об инструментальной природе права. Право предстает «артефактом» – целенаправленно и сознательно созданным искусственным механизмом [20; 23; 25; 26].

Как указывает Кеннет Эренберг, право – это творение людей, инструмент, который они используют для изменения или поддержания со-

циальных механизмов, для стимулирования поведения, считающегося ценным для сообщества (или для влиятельной части сообщества), и для решения определенных социальных проблем [21].

В-третьих, социально стабилизирующая сила права связывается с его способностью оказывать воздействие на потребности и притязания человека. Право, пишет в связи с этим Питер Герхарт, есть «институциональный механизм для согласования противоречивых притязаний людей на важные для них вещи: свободу действий, физическую безопасность, собственность и эмоциональное благополучие» [24, р. 3].

При этом задача права видится не только в установлении социально приемлемых границ удовлетворения индивидуальных потребностей, но и в определении таких моделей поведения, которые отвечали бы критерию индивидуальной целесообразности.

Подобную точку зрения высказывает, в частности, Ф. Аллот. Как полагает указанный автор, право, с одной стороны, есть «универсализирующая система», приводящая бесконечное множество человеческих желаний и действий в соответствие с общими интересами общества. С другой стороны, право является «конкретизирующей системой», с помощью которой общие интересы общества детализируются так, что они учитывают бесконечную специфику человеческих желаний и действий [19, с. 32].

Все вышеизложенное ясно указывает на целевой момент, приводящий к созиданию права как нормативного институционального регулятора и, соответственно, определяющий его социальное назначение. С этой точки зрения право предстает особым механизмом, выработанным государством как представителем общественного целого, для того чтобы закрепить единый, общий для данного социума порядок удовлетворения индивидуальных потребностей. Именно в этом качестве – являясь механизмом централизованной координации потребительской активности человека, образуя сформированную государством систему ее средств – право выполняет свое социальное назначение.

Список использованных источников

1. Алексеев П. В., Панин А. В. *Философия: учебник*. М.: Проспект, 2005. 608 с.
2. Бакулина Л. Т. *Общая теория договорного правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2019. 440 с.
3. Витрук Н. В. *Общая теория правового положения личности*. М.: Норма, 2008. 448 с.
4. Карпова С. Г. *Социальное взаимодействие: исторический и современный аспект социологического знания: автореф. дис. ... канд. социол. наук*. М., 2011. 32 с.
5. Красавчиков О. А. *Юридические факты в советском гражданском праве*. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
6. Малиновский А. А. *Общие вопросы строения систем и их значение для биологии // Проблемы методологии системного исследования*. М.: Мысль, 1970. С. 146–183.
7. Мальцев Г. В. *Социальные основания права*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 800 с.
8. Момджян К. Х. *Процесс принятия решений и его место в деятельности людей // Пространство и Время*. 2015. Т. 9, вып. 2. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/t9v2_PDF/2227-9490e-aprov_r_e-ast9-2.2015.32.pdf (дата обращения: 12.01.2024).
9. Момджян К. Х. *Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии*. 2015. № 2. С. 3–13.
10. *Общая социология: учеб. пособие / под общ. ред. А. Г. Эфендиева*. М.: ИНФРА-М, 2004. 654 с.
11. Петровская М. А. *Динамика потребностей самоактуализирующейся личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Иркутск, 2007. 23 с.
12. Радько Т. Н. *Теория функций права*. М.: Проспект, 2014. 272 с.
13. *Социология. Основы общей теории: учебник / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев*. М.: Норма, 2005. 912 с.
14. Тернер Дж. *Структура социологической теории*. М.: Прогресс, 1985. 471 с.
15. Трубников Н. Н. *О категориях «цель», «средство», «результат»*. М.: Высшая школа, 1968. 148 с.
16. Ушаков Д. В. *Концепции социального взаимодействия в теоретической социологии: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. философ. наук*. Новосибирск, 1999. 144 с.
17. Шибутани Т. *Социальная психология*. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 544 с.
18. Юдин Э. Г. *Системный подход и принцип деятельности*. М.: Наука, 1978. 391 с.
19. Allott P. *The concept of international law // European Journal of International Law*. 1999. Vol. 10. P. 31–50.
20. Burazin L. *Can there be an artifact theory of law? // Ratio Juris*. 2016. Vol. 29, iss. 3. P. 385–401.
21. Ehrenberg K. *The functions of law*. N. Y.: Oxford University Press, 2016. 210 p.
22. Galligan D. *Law in modern society*. N. Y.: Oxford University Press, 2007. 380 p.
23. Gardner J. *The legality of law // Ratio Juris*. 2004. Vol. 17, iss. 2. P. 168–181.

24. *Gerhart P.* Tort law and social morality. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. 298 p.

25. *Himma K.* Do philosophy and sociology mix? A non-essentialist socio-legal positivist analysis of the concept of law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2004. Vol. 24, No. 4. P. 717–738.

26. *Leiter B.* The demarcation problem in jurisprudence: a new case for scepticism // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2011. Vol. 31, No. 4. P. 663–677.

27. *Ross H.* Law as a social institution. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2001. 176 p.

References

1. *Alekseev P. V., Panin A. V.* Philosophy: textbook. Moscow: Prospekt, 2005. 608 p. [in Russian].

2. *Bakulina L. T.* General theory of contractual legal regulation: a thesis for the degree of Doctor of Law. Moscow, 2019. 440 p. [in Russian].

3. *Vitruk N. V.* General theory of the legal status of the individual. Moscow: Norma, 2008. 448 p. [in Russian].

4. *Karepova S. G.* Social interaction: historical and modern aspect of sociological knowledge: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Sociology. Moscow, 2011. 32 p. [in Russian].

5. *Krasavchikov O. A.* Legal facts in Soviet civil law. Moscow: Gosyurizdat, 1958. 183 p. [in Russian].

6. *Malinovsky A. A.* General questions of the structure of systems and their significance for biology // *Problems of systems research methodology*. Moscow: Mysl, 1970. P. 146–183 [in Russian].

7. *Maltsev G. V.* Social foundations of law. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. 800 p.

8. *Momdzhyan K. Kh.* The decision-making process and its place in people's activities // *Space and Time*. 2015. Vol. 9, iss. 2. Available at: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/t9v2_PDF/2227-9490e-apovr_e-ast9-2.2015.32.pdf (date of application: 12.01.2024) [in Russian].

9. *Momdzhyan K. Kh.* Universal needs and the generic essence of man // *Questions of Philosophy*. 2015. No. 2. P. 3–13. [in Russian].

10. *General sociology: textbook / Ed. by A. G. Efendiev.* Moscow: INFRA-M, 2004. 654 p. [in Russian].

11. *Petrovskaya M. A.* Dynamics of the needs of a self-actualizing personality: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Philosophy. Irkutsk, 2007. 23 p. [in Russian].

12. *Radko T. N.* Theory of functions of law. Moscow: Prospekt, 2014. 272 p. [in Russian].

13. *Sociology. Fundamentals of general theory: textbook / Ed. by G. V. Osipov, L. N. Moskvichev.* Moscow: Norma, 2005. 912 p. [in Russian].

14. *Turner J.* The structure of sociological theory. Moscow: Progress, 1985. 471 p. [in Russian].

15. *Trubnikov N. N.* About the categories “goal”, “means”, “result”. Moscow: Vysshaya shkola, 1968. 148 p. [in Russian].

16. *Ushakov D. V.* Concepts of social interaction in theoretical sociology: theoretical and methodological analysis: a thesis for the degree of PhD in Philosophy. Novosibirsk, 1999. 144 p. [in Russian].

17. *Shibutani T.* Social psychology. Rostov-on-Don: Phoenix, 1999. 544 p. [in Russian].

18. *Yudin E. G.* Systematic approach and operating principle. Moscow: Nauka, 1978. 391 p. [in Russian].

19. *Allott P.* The concept of international law // *European Journal of International Law*. 1999. Vol. 10. P. 31–50 [in English].

20. *Burazin L.* Can there be an artifact theory of law? // *Ratio Juris*. 2016. Vol. 29, iss. 3. P. 385–401 [in English].

21. *Ehrenberg K.* The functions of law. N. Y.: Oxford University Press, 2016. 210 p. [in English].

22. *Galligan D.* Law in modern society. N. Y.: Oxford University Press, 2007. 380 p. [in English].

23. *Gardner J.* The legality of law // *Ratio Juris*. 2004. Vol. 17, iss. 2. P. 168–181 [in English].

24. *Gerhart P.* Tort law and social morality. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. 298 p. [in English].

25. *Himma K.* Do philosophy and sociology mix? A non-essentialist socio-legal positivist analysis of the concept of law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2004. Vol. 24, No. 4. P. 717–738 [in English].

26. *Leiter B.* The demarcation problem in jurisprudence: a new case for scepticism // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2011. Vol. 31, No. 4. P. 663–677 [in English].

27. *Ross H.* Law as a social institution. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2001. 176 p. [in English].

Поступила в редакцию 13.02.2024

Received February 13, 2024

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 340.1

DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-10

Амвросова Ольга Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного
и финансового права,
юридический институт,
Северо-Кавказский
федеральный университет,
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1,
email: kilinkarov.77@mail.ru

Машкова Александра Дмитриевна,
ассистент кафедры гражданского
права и процесса, юридический институт,
Северо-Кавказский
федеральный университет,
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1,
email: polshina-a@bk.ru

Amvrosova, Olga N.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Administrative and Financial Law,
Law Institute,
North-Caucasus Federal University,
1 Pushkin Str., Stavropol, 355017,
Russian Federation,
email: kilinkarov.77@mail.ru

Mashkova, Alexandra D.,
Assistant at the Department of Civil Law
and Process, Law Institute,
North-Caucasus Federal University,
1 Pushkin Str., Stavropol, 355017,
Russian Federation,
email: polshina-a@bk.ru

СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ КОНТЕНТА

THE RATIO OF PUBLIC-LEGAL AND PRIVATE-LEGAL CONTENT LICENSING

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы публично-правовые и частно-правовые аспекты лицензирования контента. Особый интерес представляет то, что в науке неоднозначно разрешается вопрос о сущности принудительного лицензирования. С одной стороны, оно регламентировано нормами гражданского законодательства. Публично-правовой аспект лицензирования проявляется в том, что именно отрасли публичного права определяют правовые требования и ограничения, которые должны быть соблюдены при получении лицензии, а также устанавливают правовую ответственность за нарушение требований лицензирования. В статье от-

ABSTRACT. The article analyzes the public-legal and private-legal aspects of content licensing, since the main purpose of licensing is to establish the limits of restricting entrepreneurial activity to ensure economic order. At the same time, the doctrine ambiguously resolves the issue of the essence of compulsory licensing. The article notes that in the Russian Federation, in order to counter illegal copying and use of content, in August 2022, it was proposed to amend Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation and apply the rules on compulsory licensing to duplicated and derived content, however, due to the resonance of the proposed amendments, the bill has not been adopted, so

мечается, что в Российской Федерации с целью противодействия незаконному копированию и использованию контента в августе 2022 г. предлагалось внести изменения в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и применять в отношении дублируемого и производного контента нормы о принудительном лицензировании, однако ввиду резонансности предлагаемых поправок законопроект так и не был принят, поэтому в настоящее время проблема остается неразрешенной. Авторы пришли к выводу, что принудительную лицензию следует рассматривать не в качестве разновидности гражданско-правового договора, а как особое разрешение (вид лицензии), дающее право пользователю использовать объект интеллектуальной собственности независимо или против воли правообладателя, поэтому в процессе принудительного лицензирования происходит одновременная реализация как частных, так и публичных интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лицензирование; принудительное лицензирование; лицензионно-разрешительное производство; лицензионный договор; контент; дублированный контент; пиратство.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Амвросова, О. Н. Соотношение публичного и частного права в сфере лицензирования контента / О. Н. Амвросова, А. Д. Машкова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 71–77. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-10.

Лицензирование представляет собой особый административно-правовой режим, направленный на официальное удостоверение права субъекта осуществлять конкретные виды деятельности, требующие соблюдения определенных правил и стандартов. Основной целью лицензирования является установление пределов ограничения предпринимательской деятельности для обеспечения экономического порядка. Соответственно, лицензирование по своей правовой природе выступает не ограничением правоспособности субъекта, а формой правонаделения со стороны государства в лице уполномоченных органов.

Предмет исследования составили нормы законодательства и научно-правовая доктрина, затрагивающие частно-правовые и публично-правовые аспекты в области лицензирования контента.

currently the problem is remains unresolved. The authors came to the conclusion that a compulsory license should not be considered as a kind of civil contract, but as a special permission (type of license) that gives the user the right to use an intellectual property object independently or against the will of the rightholder, therefore, in the process of compulsory licensing, both private and public interests are simultaneously realized.

KEYWORDS: licensing; compulsory licensing; licensing and licensing production; license agreement; content; duplicated content; piracy.

FOR CITATION:

*Amvrosova, O. N., and Mashkova, A. D. (2024) The Ratio of Public-Legal and Private-Legal Content Licensing. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 71–77 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-10.*

Методология исследования основана на анализе доктринальных подходов и следующих нормативно-правовых актов: Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» и др. Настоящее исследование носит междисциплинарный характер, что обуславливает применение различных общенаучных методов, таких как анализ, синтез, и специальных юридических методов (толкование права, сравнительно-правовой метод и др.).

Легальное определение лицензирования закреплено в ст. 3 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности». Согласно ему лицензирование является деятельностью лицензирующих органов по предоставлению специальных разрешений на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем определенного вида деятельности [11].

В последнее время в Российской Федерации особую актуальность приобретают вопросы принудительного лицензирования контента.

В переводе с английского content означает «содержимое», т. е. контент – это фильмы, произведения литературы, музыка и все, что содержит какую-либо информацию.

Т. С. Павленко, рассматривая понятие «контент» и анализируя его типологию, указывает на многогранность и обобщенность данного понятия. Автор также указывает на то, что контент может пониматься в двух значениях. Во-первых, это наполнение (содержание) чего-либо, например сайта. Во-вторых, это любой вид информации [6]. Интересно, что в первом случае автор под контентом подразумевает исключительно текстовые материалы, а во втором – фото-, видео- и аудиоинформацию.

А. В. Петрунина в своем исследовании выделяет следующие основополагающие признаки информации, которую содержит контент: «...размещена в Интернете и доступна каждому, была создана любым пользователем ПК с наличием выхода в сеть, является результатом творческой деятельности создателя» [7].

Интерес представляет определение контента, сформулированное в Постановлении Президиума ВАС № 255/08. Так, суд отнес контент интернет-сайта к составным произведениям и определил его в качестве совокупности подобранных и расположенных определенным образом материалов. Суд также уточнил, что авторским правом охраняются как весь контент, так и отдельные его элементы [9].

Таким образом, контент представляет собой результат творческой деятельности, включающий в себя текстовые, графические, аудио- и видеоматериалы, размещенный в интернете.

С правовой точки зрения контент можно классифицировать на авторский, дублированный и производный.

Авторский контент, который является объектом охраны авторского права, должен соответствовать критериям оригинальности, уникальности, уровню творчества автора.

Дублированный контент предполагает использование точных копий произведений, охраняемых авторским правом, в то время как производный контент – это использование отдельных частей произведения, находящегося

под охраной авторского права, с целью создания нового продукта.

Использование и распространение дублированного и производного контента без согласия правообладателя является нарушением норм авторского права (пиратством). К примеру, за 2022 г. количество нарушений авторских прав в интернете увеличилось на 18 % по сравнению с предыдущим годом [5]. Это связано в первую очередь с массовым использованием различных интернет-платформ для публикации фото, видео, статей и др. При этом в случае возникновения спорной ситуации довольно сложно определить автора контента. Более того, в теории права остаются неразрешенными вопросы о том, кто имеет право пользоваться данным контентом, в каких целях, как закрепить авторские права на контент.

В Российской Федерации с целью противодействия незаконному копированию и использованию контента в августе 2022 г. предлагалось внести изменения в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и применять в отношении дублируемого и производного контента нормы о принудительном лицензировании [8], однако ввиду резонансности предлагаемых поправок законопроект так и не был принят, поэтому в настоящее время проблема остается неразрешенной.

Отметим, что принудительное лицензирование регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и представляет собой такую меру государственной поддержки конкуренции, которая при определенных условиях дает право использования некоторых объектов интеллектуальной собственности физического или юридического лица в своей деятельности без его согласия. На данный момент принудительная лицензия допускается лишь в отношении следующих объектов интеллектуальной собственности [2]:

- изобретение;
- полезная модель;
- промышленный образец;
- селекционное достижение.

Стоит сказать, что в науке неоднозначно разрешается вопрос о сущности принудительного лицензирования: с одной стороны, как уже отмечалось выше, оно регламентировано нормами гражданского законодательства. Лицензионно-разрешительное производство яв-

ляется элементом правового регулирования гражданско-правовых отношений, так как направлено на установление и обеспечение прав и обязанностей участников гражданского оборота, осуществляющих определенные виды деятельности, при этом основанием выдачи принудительной лицензии является наличие публичного интереса. Более того, гражданско-правовая регламентация выдачи принудительных лицензий построена на общих принципах лицензирования, посредством которых реализуются функции государства и его органов, направленные на достижение баланса в области публичных и частных интересов.

Публично-правовой аспект лицензирования проявляется в том, что именно отрасли публичного права определяют правовые требования и ограничения, которые должны быть соблюдены при получении лицензии, а также устанавливают правовую ответственность за нарушение требований лицензирования. Именно публичное право в области лицензирования определяет компетенцию и полномочия государственных органов, ответственных за выдачу и осуществление лицензионного контроля.

Говоря о присутствии публичного интереса в принудительном лицензировании, отметим мнение А. С. Ворожевич, которая видит его в том, что этот механизм направлен на стимулирование в стране изобретательской активности [1]. Полагаем, что лицензирование является важным инструментом для защиты прав собственности, а также поддержания и развития инновационной деятельности.

Согласимся с мнением Н. Д. Щедриной относительно того, что публичные интересы в области принудительного лицензирования одновременно проявляются в двух аспектах [12]:

1) предоставление весьма широких прав правообладателям и возможностей для их реализации;

2) существенное ограничение прав правообладателей в случаях, если изобретение или промышленный образец не были использованы им или же недостаточно использованы в течение определенного времени.

Если в технической, промышленной и селекционной сферах публичный интерес является более явным, то в сфере принудительного лицензирования потребительского контента он усматривается не так четко; тем не менее

говорить о его отсутствии представляется недопустимым. К примеру, после введения в отношении России очередного пакета санкций со стороны «недружественных» стран серьезно пострадала киноиндустрия страны: были расторгнуты лицензионные договоры с такими компаниями, как Disney, Sony, более того, российский рынок покинул крупнейший онлайн-кинотеатр Netflix. Все это создало благоприятные условия для использования контента данных фирм с нарушением авторских прав, ввиду чего кинотеатры неоднократно привлекались к гражданской и административной ответственности (за незаконное использование экземпляров произведений в целях извлечения дохода), поскольку государство заинтересовано в обеспечении охраны авторских прав. Аналогичным образом государство заинтересовано и в развитии киноиндустрии страны.

Как уже отмечалось, для легального использования произведений и любого другого контента в целях извлечения дохода необходимо получить соответствующие разрешения от правообладателей или же воспользоваться лицензиями. Однако из-за ухода многих зарубежных компаний с российского рынка получение таких разрешений представляется невозможным, а количество нарушений авторских прав продолжает увеличиваться, поэтому необходимость принятия поправок о принудительном лицензировании контента представляется обоснованной.

В обозначенной проблеме многим ученым, в том числе В. В. Субочеву, видится конфликт частных и публичных интересов в области принудительного лицензирования [10]. В. И. Еременко также указывает на то, что принудительная лицензия носит штрафной характер [3]. Думается, что механизм принудительного лицензирования предполагает не противоречие, а совпадение частных и публичных интересов. Принудительное лицензирование направлено на достижение баланса между законными интересами правообладателя и государства.

Таким образом, принудительное лицензирование в публичном праве означает, что государство вмешивается в сферу интеллектуальной собственности и предоставляет лицензию на использование объекта интел-

лектуальной собственности без согласия правообладателя в целях реализации общественных интересов.

Публичный интерес применительно к механизму принудительного лицензирования выражается в потребности гарантирования защиты и охраны интересов правообладателей, соблюдения прав потребителей, сохранения института интеллектуальной собственности в стране. В данном случае расширение механизма принудительной лицензии (использование ее с целью лицензирования контента) необходимо для привлечения инвестиций в отдельные сферы экономики, установления контроля за представлением качественного контента.

В рассматриваемом контексте принудительную лицензию следует рассматривать не в качестве разновидности гражданско-правового договора, а как особое разрешение (вид лицензии), дающее право пользователю использовать объект интеллектуальной собственности независимо или против воли правообладателя.

Законопроект № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”» предполагал расширение механизма принудительного лицензирования исключительно в отношении зарубежного контента, соответственно, он затрагивал интересы трех групп участников: иностранного правообладателя; физических и юридических лиц из Российской Федерации, которые заинтересованы в использовании объектов интеллектуальной собственности иностранного правообладателя, и Российской Федерации – государства, являющегося гарантом соблюдения прав и свобод граждан, а также международного законодательства [4].

Россия наравне со многими «недружественными» странами остается участником Бернской конвенции (с 1995 г.) и Протокола к Мадридскому соглашению 1989 г., направленных на охрану литературных произведений, товарных знаков и иных объектов интеллектуальной собственности.

При этом, несмотря на отзыв лицензий зарубежными авторами, фактически на территории страны наблюдается использование их контента. Например, это проявляется в театральные по-

становках, сюжет которых основан на зарубежном произведении, использовании зарубежных цифровых платформ для трансляции контента и т. д. Поэтому перед государством в настоящее время стоит две важнейших задачи:

- во-первых, обеспечения доступа граждан РФ к научному, образовательному, культурному и иному контенту зарубежных авторов;

- во-вторых, обеспечения охраны авторских и смежных прав, сохранения в стране института интеллектуальной собственности.

Решение данных задач авторы законопроекта видели во введении двух возможных процедур принудительного лицензирования.

Первый механизм предполагает, что в случае одностороннего расторжения иностранным правообладателем ранее заключенного лицензионного договора получение принудительной лицензии будет осуществляться в соответствии с условиями, определенными сторонами в этом договоре.

В другом случае (если между сторонами отсутствовал лицензионный договор, но лицо предполагает использование иностранного контента) получение принудительной лицензии возможно в судебном порядке.

Недостаток анализируемой законодательской инициативы видится именно во втором механизме принудительного лицензирования, поскольку он предполагает наделение уполномоченных органов исполнительной власти, таких как Министерство культуры РФ и Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, дополнительными полномочиями, что приведет лишь к большей бюрократизации процесса принудительного лицензирования. Более того, увеличится нагрузка на судебные органы.

На основании вышеизложенного предлагается расширить существующий механизм принудительного лицензирования, дополнив возможностью его применения в отношении авторских и смежных прав без возможности выдачи такой лицензии в судебном порядке. В перспективе данный механизм следует изменять в отношении не только иностранного контента, но и российского, что позволит существенно снизить количество нарушений авторских и смежных прав, особенно в интернете, так как современный уровень развития цифровых технологий позволяет беспрепят-

ственно осуществлять копирование и распространение контента, нарушая при этом права авторов.

Таким образом, на сегодняшний день правовое регулирование в сфере защиты авторских и смежных прав нуждается в масштабном переустройстве. Сегодня, когда в стране наблюдается ограничение творческой свободы авторов и нанесены огромные убытки российской экономике, сфера охраны и защиты авторских прав в контексте распространения контента нуждается в государственной поддержке. Одним из направлений ее реформирования является расширение механизма принудительного лицензирования, что позволит снизить количество распространяемого в стране нелегального контента, а также уровень интернет-пиратства и заполнить образовавшийся в законодательстве пробел, допускающий использование контента с нарушением авторских и смежных прав. Принудительное лицензирование не является принципиально новым явлением в российском гражданском праве и в настоящее время успешно применяется в отношении определенных объектов интеллектуальной собственности (изобретения, селекционные достижения и т. д.), однако это не лишает процесс лицензирования публично-правовой составляющей. Лицензионно-разрешительное производство в целом является совмещением гражданско-правового и административного регулирования, направленным на установление и обеспечение прав и обязанностей участников гражданского оборота при осуществлении определенных видов деятельности. Учитывая вышеизложенное, в процессе принудительного лицензирования происходит одновременная реализация как частных, так и публичных интересов.

Список использованных источников

1. Ворожевич А. С. Принудительное лицензирование в пользу правообладателей зависимых фармацевтических изобретений // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2021. № 1. С. 73–98.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 21.07.2023).

3. Ерохина Е. В. Институт принудительного лицензирования по законодательству РФ // Вестник ОГУ. 2012. № 3. С. 45–48.

4. Законопроект № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8> (дата обращения: 21.07.2023).

5. Официальный сайт Национальной ассоциации телерадиовещателей. URL: <https://nat.ru/novosti/v-2022-godu-kolichestvo-narusheniy-avtorskikh-prav-vyroslo-na-18> (дата обращения: 21.07.2023).

6. Павленко Т. С. Понятие «контент»: типология, виды и технология получения дидактического контента в образовательном процессе // Известия ВГПУ. 2017. № 10. С. 31–35.

7. Петрунина А. В. Контент интернет-сайта как объект авторского права // Меридиан. 2020. № 13. С. 159–161.

8. Петрухин Г. В. Проблемы принудительного лицензирования иностранного контента в РФ и его отграничение от пиратства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5–3. С. 84–87.

9. Постановление Президиума ВАС № 255/08. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=65925#G4vXekTmJgtpBq9x> (дата обращения: 21.07.2023).

10. Субочев В. В. Законные интересы. М.: Норма, 2011. 496 с.

11. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658 (дата обращения: 21.07.2023).

12. Щедрина Н. Д. Учет публичных интересов в принудительном лицензировании объектов патентных прав // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 71–75.

References

1. Vorozhevich A. S. Compulsory licensing in favor of the copyright holders of dependent pharmaceutical inventions // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2021. No. 1. P. 73–98 [in Russian].
2. The Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (date of application: 21.07.2023) [in Russian].
3. Erokhina E. V. Institute of compulsory licensing under the legislation of the Russian Federation // Bulletin of the OSU. 2012. No. 3 (139). P. 45–48 [in Russian].
4. Bill No. 184016-8 “On Amendments to the Federal Law “On the entry into force of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation”. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8> (date of application: 21.07.2023) [in Russian].
5. Official website of the National Association of Broadcasters. Available at: <https://nat.ru/novosti/v-2022-godu-kolichestvo-narusheniy-avtorskikh-prav-vyroslo-na-18> (date of application: 21.07.2023) [in Russian].

6. *Pavlenko T. S.* The concept of “content”: typology, types and technology of obtaining didactic content in the educational process // *Bulletin of VSPU*. 2017. No. 10. P. 31–35 [in Russian].
7. *Petrunina A. V.* The content of the Internet site as an object of copyright // *Meridian*. 2020. No. 13. P. 159–161 [in Russian].
8. *Petrukhin G. V.* Problems of compulsory licensing of foreign content in the Russian Federation and its separation from piracy // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. No. 5–3. P. 84–87 [in Russian].
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court No. 255/08. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=65925#G4vXekTmJgtpBq9x> (date of application: 21.07.2023) [in Russian].
10. *Subochev V. V.* Legitimate interests. Moscow: Norma, 2011. 496 p. [in Russian].
11. Federal Law “On licensing of certain types of activities” dated 04.05.2011 No. 99-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658 (date of application: 21.07.2023) [in Russian].
12. *Shchedrina N. D.* Accounting of public interests in compulsory licensing of patent rights objects // *North Caucasus Legal Bulletin*. 2018. No. 2. P. 71–75 [in Russian].

Поступила в редакцию 07.12.2023

Received December 07, 2023

Дмитриева Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: ovdmitrieva@sfedu.ru

Dmitrieva, Olga V.,
PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Civil Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: ovdmitrieva@sfedu.ru

Крицкий Артем Дмитриевич,
магистрант I курса очной магистратуры,
юридический факультет,
Южный федеральный
университет, 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: akrits@icloud.com

Kritsky, Artem D.,
1st year full-time Master's student,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: akrits@icloud.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПОКУПКИ ПРИ ПРОДАЖЕ ДОЛЕЙ (АКЦИЙ) НА ТОРГАХ

REALIZATION OF THE PRE-EMPTIVE RIGHT OF PURCHASE AT SALE OF SHARES (STOCKS) AT AUCTIONS

АННОТАЦИЯ. В данной работе исследуется вопрос действия преимущественного права покупки при продаже долей (акций) на публичных торгах. Авторы рассматривают четыре основных подхода, сложившихся в судебной практике и доктрине: 1) преимущественное право не действует; 2) преимущественное право действует, обладатель преимущественного права может его реализовать до торгов; 3) преимущественное право действует, но обладатель преимущественного права должен участвовать в торгах и предложить цену такую же, как и победитель; 4) преимущественное право действует, обладатель преимущественного права не должен участвовать в торгах. Также рассматриваются варианты решения обозначенной проблемы в зарубежных правовых порядках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преимущественное право; публичные торги; доли; акции; банкротство.

ANNOTATION. This paper studies the issue of the preemptive right of purchase at the sale of shares (stocks) at public auction. The authors consider four main approaches developed in judicial practice and doctrine: 1) the preemptive right is not valid; 2) the preemptive right is valid, the owner of the preemptive right can realize it before the auction; 3) the preemptive right is valid, but the owner of the preemptive right must participate in the auction and offer the same price as the winner; 4) the preemptive right is valid, the owner of the preemptive right must not participate in the auction. The variants of solution of the problem in foreign legal orders are also considered.

KEYWORDS: pre-emptive right; public auction; shares; stocks; bankruptcy.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дмитриева, О. В. Реализация преимущественного права покупки при продаже долей (акций) на торгах / О. В. Дмитриева, А. Д. Крицкий. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 78–86. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-11.

FOR CITATION:

Dmitrieva, O. V., and Kritsky, A. D. (2024) Realization of the Pre-Emptive Right of Purchase at Sale of Shares (Stocks) at Auctions. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 78–86 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-11.

Несмотря на то, что право преимущественной покупки известно еще со времен существования римского права, многие вопросы в рамках данного института остаются без ответа. Одним из таких вопросов является сфера действия преимущественного права. На какие виды договоров оно должно распространяться? Поскольку данный вопрос представляется довольно широким, данное исследование будет посвящено лишь одному ему аспекту – действию преимущественного права на торгах. Именно продажа имущества на торгах вызывает больше всего вопросов на практике и имеет множество возможных решений.

Перед переходом к вопросу действия преимущественного права стоит рассмотреть процедуру обращения взыскания на долю в ООО¹. Она состоит из нескольких этапов: 1) взыскатель обращается к судебному приставу для подтверждения отсутствия иного имущества у должника; 2) взыскатель обращается в суд с требованием об обращении взыскания на долю; 3) судебный пристав предлагает обществу выкупить долю до торгов.

Достаточно интересным является третий этап. Статья 25 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО») закрепляет, что общество и участники могут выплатить действительную стоимость доли взыскателю [25]. При этом для того, чтобы участники смогли реализовать такое правомочие, необходимо единогласное решение общего собрания.

Законодательство не называет данный механизм преимущественным правом, но мы не видим принципиальных отличий от него. Обе конструкции направлены на недопущение вступления новых участников в общество. Так-

¹ При обращении взыскания на акции законодательство не предусматривает подобных механизмов, что видится весьма странным, так как и ООО, и НΠΑО являются непубличными обществами, которые подразумевают закрытый состав участников. Также при банкротстве этот механизм имеет усеченный характер.

же совпадает и санкция за нарушения, о чем прямо указывает совместное постановление Пленума ВС и ВАС № 90/14 [18]. В п. 19 данного постановления указывается, что при продаже доли с нарушением срока, установленного на выкуп доли, участники и общество вправе на основании ст. 6 и п. 3 ст. 250 ГК РФ (аналогия закона) требовать в судебном порядке перевода на них прав и обязанностей покупателя по договору купли-продажи, заключенному на торгах.

На наш взгляд, механизм, закрепленный в ст. 25 ФЗ «Об ООО», является крайне неудачным по следующим причинам.

Во-первых, ст. 25 ФЗ «Об ООО» предоставляет преимущественное право обществу, а не участнику. Очевидно, что нахождение у общества своих долей является не очень желательной ситуацией.

Во-вторых, общество вряд ли будет реализовывать свое полномочие на выкуп доли, если реализуется мажоритарная доля, – оно может в принципе не иметь столько средств для ее выкупа или это может очень негативно отразиться на хозяйственной деятельности общества. А для выкупа доли участниками необходимо их единогласное решение, которого тоже может быть достаточно сложно достичь (к примеру, миноритарии могут отказаться вкладывать дополнительные средства для этого). Более того, сам обладатель доли, которая подлежит реализации, может своим голосом заблокировать выкуп доли другими участниками².

В-третьих, ст. 25 ФЗ «Об ООО» указывает на выплату действительной стоимости доли, а не рыночной. Действительная стоимость

² В Конституционный Суд РФ даже подавалась жалоба на абзац 2 п. 2 ст. 25 ФЗ «Об ООО», в которой указывалось, что данное законоположение противоречит Конституции РФ, поскольку позволяет участнику, на долю которого обращено взыскание, препятствовать приобретению его доли другими участниками общества. Но определением Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 366-О было отказано в принятии к рассмотрению указанной жалобы.

доли может быть значительно ниже рыночной: к примеру, если это мажоритарная доля, то действительная стоимость не будет учитывать так называемую «премию за контроль», которая может достаточно сильно влиять на стоимость доли. Такая выплата может не отвечать интересам как должника, так и его кредиторов. Поэтому данная конструкция активно критикуется в литературе [4]. Тем не менее она действует, и при разрешении вопроса о действии преимущественного права участников общества ее необходимо учитывать. Переходя непосредственно к вопросу действия преимущественного права покупки участников, можно выделить четыре встречающихся в судебной практике и литературе подхода относительно действия преимущественного права на торгах: 1) преимущественное право не действует; 2) преимущественное право действует, обладатель преимущественного права может его реализовать до торгов; 3) преимущественное право действует, но обладатель преимущественного права должен участвовать в торгах и предложить цену такую же, как и победитель; 4) преимущественное право действует, обладатель преимущественного права не должен участвовать в торгах.

Преимущественное право не действует. Первым потенциальным подходом к действию преимущественного права покупки на торгах является отказ от его применения. Данная позиция прямо не следует из законодательства, посвященного долям (акциям), но она нашла отражение в судебных актах [1; 23].

При этом по отношению к отдельным видам имущества то, что преимущественное право не действует на торгах, прямо закреплено, к примеру, в ст. 250 ГК РФ относительно общего имущества и в ст. 8 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [26] относительно земельных участков сельхозназначения.

Такой подход корреспондирует с регулированием преимущественного права в других странах романо-германской системы. Конечно, нельзя сказать, что понимание конструкции преимущественного права идентично в России и в Германии либо Швейцарии, но оно является достаточно схожим, поэтому сравнение с ними представляется наиболее важным. Данные страны допускают активное противопоставле-

ние преимущественного права третьим лицам (покупателям). Во многих юрисдикциях такое противопоставление ограничено (к примеру, во Франции, в которой необходимо доказать недобросовестность покупателя) либо вообще преимущественное право не противопоставляется третьим лицам (как в Англии, где можно только требовать убытки в случае нарушения преимущественного права) [28].

В Швейцарии возможность реализации преимущественного права зависит от того, являются ли торги добровольными или принудительными. Согласно ч. 1 ст. 216с Швейцарского обязательственного закона от 30.03.1911 преимущественное право может быть осуществлено при любой продаже. В доктрине уточняется, что добровольный частный аукцион в любом случае подчиняется обычным положениям о договоре купли-продажи и в этом смысле не представляет особого случая, поэтому на него также распространяется преимущественное право [32]. Но в силу прямого указания закона, ч. 2 данной статьи, преимущественное право не распространяется на случаи передачи наследнику при разделе наследственного имущества, принудительной реализации и приобретении для выполнения государственной задачи [29].

Параграф 471 Германского Гражданского уложения (*Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 18.08.1896*) предусматривает, что преимущественное право не применяется к продаже имущества на торгах [30]. Это положение является императивным и направлено на защиту кредиторов лица, предоставляющего право [34].

Можно выделить несколько аргументов в поддержку данной позиции, встречающихся в литературе и судебной практике.

К. И. Скловский в обоснование ограничения преимущественного права указывает, что само по себе преимущественное право покупки, являясь привилегией, т. е. предоставляя преимуществу одному лицу по сравнению с другими, несовместимо с механизмом торгов, который основан на равном состязании всех его участников [24]. Хотя К. И. Скловский рассуждает о преимущественном праве в общей собственности, данный аргумент в целом применим и к долям (акциям).

Высказывая похожие доводы о несовместимости права преимущественной покупки доли

и цели проведения торгов, ВАС РФ указывал, что преимущественное право не должно применяться [8].

В судебной практике отмечается: п. 2, 4 ст. 21 ФЗ «Об ООО» подразумевают, что право преимущественной покупки действует, если намерение продать долю имеется у самого участника – собственника этой доли, по воле которого она продается. При отчуждении доли, принадлежащей участнику, признанному банкротом, решение о продаже доли в составе имущества должника принимается решением собрания кредиторов должника, а не им самим, следовательно, условие, при котором возникает преимущественное право покупки (продажа доли по воле ее собственника-участника), отсутствует [17; 22; 23]. Несмотря на то, что позиция сформулирована относительно банкротства, она применима и к обращению взыскания на долю в рамках обычного исполнительного производства, так как там также отсутствует воля участника на ее отчуждение.

Такой довод против применения преимущественного права часто встречается в американской судебной практике. Большинство американских судов указывает, что принудительная продажа не приводит в действие право преимущественной покупки, поскольку оно обычно ставится в зависимость от «желания лица, предоставляющего право, продать», что подразумевает добровольное желание [33].

Также в судебной практике встречается позиция, что ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» является специальным, поэтому действуют только те преимущественные права покупки, которые предусмотрены в данном законе, а в отношении остального имущества законодатель отдал приоритет интересам кредиторов [10]. Поскольку ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не содержит указания о преимущественном праве на покупку долей (акций), то оно и не должно действовать.

Однако данный довод является наиболее слабым из приведенных, и с ним нельзя согласиться. Само утверждение, что ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» является специальным относительно ФЗ «Об ООО» и ФЗ «Об акционерных обществах», уже является очень спорным. К примеру, Президиум ВАС указывал на то, что ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не является специальным по

отношению к ФЗ «Об ООО» [20]. Также в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» прямо не указывается, что в банкротстве действуют только те преимущественные права, которые указаны в данном законе. Поэтому сам факт отсутствия в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» нормы о преимущественном праве покупки долей (акций) не может автоматически означать, что оно не действует.

Преимущественное право реализуется до проведения торгов. Второй подход предполагает возможность воспользоваться преимущественным правом до выставления доли на торги, выкупив долю по рыночной цене. Такой подход достаточно редко встречается в практике. Но его поддерживает Конституционный Суд РФ в отношении имущества, находящегося в долевой собственности. В недавнем своем постановлении он обратил на это внимание и указал, что сособственник все же может выкупить долю до торгов по рыночной цене [16]. Необходимость действия преимущественного права на торгах Конституционный Суд обосновывал необходимостью защиты интересов сособственников. В целом интересы участников общества схожи с интересами сособственников, поэтому описанные доводы суда отчасти могут распространяться и на преимущественное право покупки долей (акции). Но, к сожалению, суд не рассматривал другие способы реализации преимущественного права и не анализировал, могут ли они достичь указанной цели.

В литературе тоже можно встретить поддержку такого подхода. Так, О. А. Беляева отмечает, что преимущественное право несовместимо с торгами, поэтому идеальным вариантом видится урегулирование организатором торгов всех отношений с обладателем преимущественного права строго до начала процедуры проведения самих торгов [2].

Но данный подход плохо сочетается с конструкцией в ст. 25 ФЗ «Об ООО», о которой писалось ранее. Предлагать вначале выкупить обществу, а потом участникам будет очень затратно по времени, ожидание может составить более шести месяцев. Такая долгая процедура не будет отвечать ни интересам должника, ни интересам взыскателя.

Но даже помимо этого указанный подход имеет серьезный недостаток. Без проведения

торгов установить реальную рыночную цену практически невозможно. Согласно статистическому бюллетеню ЕФРСБ, средняя начальная цена имущества – 19,3 млн рублей, а средняя стоимость реализованного имущества – 3,1 млн рублей [3], т. е. имущество продается фактически в шесть раз дешевле относительно начальной оценки. Конечно, данная статистика имеет погрешности и приводится относительно всего имущества, а не только долей (акций), но она явно указывает, что конечная цена реализации ниже, чем начальная. Соответственно, продажа по рыночной цене до торгов будет значительно ухудшать положение обладателей преимущественного права.

Также нельзя исключать и возможные злоупотребления, несмотря на формальную независимость оценщиков: на практике нередки случаи, когда они действуют в интересах одной из сторон.

Преимущественное право реализуется путем участия в торгах. Третий подход к действию преимущественного права предполагает, что при продаже акций на торгах, проводимых в рамках исполнительного производства или в ходе конкурсного производства, преимущественное право приобретения акций может быть реализовано акционером путем участия в торгах и заявления о согласии приобрести акции по цене, сформированной в ходе торгов. То есть обладатель преимущественного права в рамках торгов должен предложить такую же цену, как и тот участник, который стал бы победителем без участия обладателя преимущественного права. Такой подход закреплен в п. 7 Информационного письма ВАС № 131 (далее – ИП ВАС № 131) [5].

Несмотря на то, что позиция сформулирована для акций ЗАО, судебная практика также распространяет ее и на доли в ООО [12; 13; 15; 21].

Такой подход достаточно сильно обременяет обладателя преимущественного права. Ему необходимо зарегистрироваться на электронной площадке для участия в торгах, получить для этих целей электронную цифровую подпись, собрать необходимые документы, уплатить задаток, депозит и совершить много других действий.

При использовании данного подхода возникает вопрос: считается ли обладатель преиму-

щественного права полноценным участником торгов? От решения этого вопроса может зависеть судьба самих торгов, так как на торгах, проводимых в рамках банкротства, достаточно одного участника, в рамках исполнительного производства необходимо минимум два, в противном случае торги не состоятся. На наш взгляд, обладатель преимущественного права, конечно, должен считаться участником торгов, так как обратный подход будет приводить к абсурдным последствиям. У доли (акции) уже есть потенциальный покупатель (обладатель преимущественного права), и проведения вторых торгов будут увеличивать издержки должника и затягивать время реализации имущества, а также из-за этого цена продажи может оказаться ниже.

Преимущественное право реализуется после проведения торгов. Четвертый подход подразумевает, что преимущественное право действует, но участвовать на торгах необязательно.

Такой подход закреплен в п. 6 ИП ВАС № 131 для добровольных торгов относительно акций, но встречаются судебные акты, которые распространяют его и на публичные торги.

Данная позиция также обосновывается ссылками на правила реализации преимущественного права в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа указал, что порядок реализации преимущественного права покупки доли не урегулирован в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», но в иных ситуациях вопрос разрешен в пользу рыночной цены, определенной на торгах (п. 3 ст. 179, п. 8 ст. 195, п. 4 ст. 201) [14]. Фактически суд применил нормы по аналогии. Такой подход прослеживается и в судебных актах Верховного Суда применительно к долям [7].

Встречаются даже судебные акты, в которых стороны указывали на противоречие такой позиции п. 7 ИП ВАС № 131, но суды толковали его положения так, что участие в торгах – это лишь один из способов реализации преимущественного права, а довод о том, что его можно реализовать исключительно в рамках торгов, подлежит отклонению [11].

Указанный подход также применяется относительно преимущественного права заключения договора аренды государственного и муниципального имущества. ВАС РФ указывал,

что арендатор может реализовать свое преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества, не участвуя в торгах, по цене, которая на них образовалась [19].

Также относительно преимущественного права на покупку доли в общем имуществе Верховный Суд в одном из обзоров практики указывал, что обладатель преимущественного права может выкупить долю после проведения торгов по цене, которая сформировалась на них [6].

Данный подход иногда применяется в американской судебной практике, хотя, как указывалось выше, не является доминирующим [31].

С одной стороны, данный подход не обременяет обладателя преимущественного права участием в торгах, которое является достаточно затратной по времени процедурой, к тому же требует сбора гораздо большего количества документов, чем обычная купля-продажа.

Но более важно, что в рамках данного подхода потенциальные покупатели не могут соревноваться в цене с обладателем преимущественного права. Так, если применять подход, закрепленный п. 7 ИП ВАС № 131, то покупатель может повышать цену до тех пор, пока обладатель преимущественного права не сможет предложить такую же цену. В данном же подходе такая ситуация невозможна, так как обладатель преимущественного права решает вопрос о его использовании уже после окончания торгов.

К тому же в рамках данной модели победитель торгов оказывается в состоянии неопределенности в течение 30 дней (в случае реализации акций – вообще в течение двух месяцев), пока ожидает принятия решения о реализации преимущественного права. Такая ситуация, во-первых, может осложнять дальнейшее планирование бизнес-процессов, а во-вторых, еще больше удлиняет и так достаточно долгую процедуру торгов. Из-за этого количество потенциальных участников на торгах будет меньше и, соответственно, цена реализации имущества будет также меньше.

Указанный подход более выгоден обладателю преимущественного права, но он значительно ухудшает положение должника и кредиторов, которые смогут получить меньше денежных средств за продажу доли.

В целом данный подход находит поддержку и в литературе, так как только такой вариант позволяет правообладателю воспользоваться своим правом в полном соответствии с его изначальным содержанием (приобрести имущество на тех условиях (в том числе по той цене), по которым это имущество готово приобрести третье лицо) [27]. Но наш взгляд, во-первых, небольшой отход от изначального содержания не является критичным и вполне может обосновываться необходимостью учета интересов кредиторов. А во-вторых, в предыдущем подходе тоже обладатель преимущественного права фактически покупает по цене, которую готово заплатить третье лицо.

Также только такой подход позволяет применять условие о заранее определенной цене. В п. 3 ст. 7 ФЗ «Об акционерных обществах» закрепляется возможность указать в уставе конкретную цену, по которой участники могут реализовать свое преимущественное право. Достаточно странно обязывать обладателя преимущественного права участвовать в торгах, а потом использовать не ту цену, которая образовалась на торгах, а заранее определенную. Очевидно, что участие обладателя преимущественного права в торгах не имеет никакого смысла. Поэтому условие о заранее определенной цене может применяться только при реализации преимущественного права после торгов.

Пример использования данного института можно встретить в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.10.2015 № Ф03-3666/2015. Суд указал, что продажа имущества по заранее определенной цене не противоречит целям процедурам банкротства, если она выше, чем цена, сложившаяся на торгах. Аналогичная позиция встречается и в других судебных актах [9].

На основании вышеописанного можно заключить, что разница в подходах проявляется в основном в формировании конечной цены продажи доли (акции). В первом и во втором подходе, скорее всего, будет максимальная цена, в третьем подходе – чуть меньше, а в четвертом – наименьшая цена. Из-за этого в зависимости от подхода смещается баланс интересов кредиторов и обладателей преимущественного права. При этом разница в цене может быть не очень значительной. Но наш взгляд, необходи-

мо определиться с подходом в первую очередь, чтобы была определенность в данных отношениях и обладатели преимущественного права понимали, в каком порядке реализовать свои преимущественные права, а потенциальные покупатели не боялись, что после приобретения доли (акции) к ним будет предъявлен иск о переводе прав по договору купли-продажи. Наиболее же оптимальным все же видится третий подход, так как цена продажи доли (акции) будет в равной мере соответствовать интересам и обладателя преимущественного права, и кредиторов.

Список использованных источников

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 11.02.2021 по делу № 33-413/2021. URL: <https://actofact.ru/case-91OS0000-33-413-2021-33-9858-2020-2020-11-05-0-1> (дата обращения: 02.02.2023).
2. *Беляева О. А.* Торги: основы теории и проблемы практики. М.: ИНФРА-М, 2015. 250 с.
3. БСР-Консалтинг: Анализ торгов по банкротству и активности ЭТП по результатам 3 кв. 2023 года. URL: <https://fedresurs.ru/news/9806d614-a67e-4f02-b427-838d0d111fcd> (дата обращения: 08.01.2024).
4. *Егоров Е. А.* Комментарий к делу «ЗАО «Агентство Мегаполис-Сервис» к ИП Николаеву В. А. о переводе прав и обязанностей покупателя доли в ООО» // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2006 год с комментариями. М.: Статут, 2012. С. 90–99.
5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.06.2009 № 131 Об обзоре практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.
6. Обзор Судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020). URL: <https://www.vsrif.ru/documents/practice/29424> (дата обращения: 02.02.2023).
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.12.2019 № 307-ЭС19-14040(3). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18122019-n-307-es19-140403-po-delu-n-a56-903792015> (дата обращения: 02.02.2023).
8. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.07.2008 № 7091/08. URL: <https://base.garant.ru/5581463> (дата обращения: 02.02.2023).
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.10.2015 № Ф03-3725/2015. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/37059897> (дата обращения: 02.02.2023).
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.05.2020 № Ф05-16705/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c80b165-90f7-407d-ac2e-8c7e5583fcf7/65cd5f31-3e7f-48e0-884b-8aa9637052dd/A40-93587-2016_20200522_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.02.2023).
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.11.2017 № Ф07-11050/2017. URL: <https://base.garant.ru/41255742> (дата обращения: 02.02.2023).
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.11.2018 № Ф07-13401/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FENQehLyPXWn> (дата обращения: 02.02.2023).
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.07.2018 № Ф07-8207/2018. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=206607#d5XOu6UOf5ioh3m> (дата обращения: 02.02.2023).
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.08.2020 № Ф08-5129/20. URL: <https://base.garant.ru/40783436> (дата обращения: 02.02.2023).
15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.05.2017 № Ф09-1111/17. URL: <https://base.garant.ru/38750556/> (дата обращения: 02.02.2023).
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2023 № 23-П. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305180002?index=1> (дата обращения: 02.02.2023).
17. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2021 № 01АП-284/17. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAP S001&n=111418#gH2Ru6UKU0Iq1uUA> (дата обращения: 02.02.2023).
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.12.1999 № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 2.
19. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.
20. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2006 № 15578/05. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1679251> (дата обращения: 02.02.2023).
21. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2022 № 17АП-17226/18 по делу № А50-31460/2018. URL: <https://base.garant.ru/65331130> (дата обращения: 02.02.2023);
22. Решение Арбитражного суда Владимирской области от 21.02.2023 по делу № А11-14427/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dcf952c-4e5d-4425-a204-ac76717c288d/12cfe524-783f-49a1-8112-db6c3cc3a491/A11-14427-2022_20230221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.02.2023).
23. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 24 января 2018 г. по делу № А47-12260/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/84e418eb-57fb-43b5-853f-21228569ec78/1582cb64-8980-4952-b269->

9648eb443f2e/A47-12260-2017_20180124_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.02.2023).

24. Скловский К. И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М.: Статут, 2004. 362 с.

25. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

26. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. ст. 3018.

27. Чупрунов И. С. Вопросы сферы действия и обхода преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник экономического правосудия. 2021. № 4. С. 24–97.

28. Чупрунов И. С. Преимущественное право покупки доли (акций): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 27 с.

29. Das schweizerische Obligationenrecht (OR) vom 30.03.1911. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/de (Datum der Bewerbung: 02.02.2023).

30. Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 18.08.1896. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html#BJNR001950896BJNG000702377> (Datum der Bewerbung: 02.02.2023).

31. *Richfield Oil Corp v Security-First National Bank* 323 P 2d 834 Cal App 1958 URL: <https://casetext.com/case/richfield-oil-v-security-first-nat-bank> (date of application: 02.02.2023).

32. *Ruegg J.* Rechtsgeschäftliche Vorkaufsrechte an Grundstücken. Zurich: Schulthess, 2014.

33. *Tew R. M.* Rights of first refusal: the 'options' that are not options, but may become options. URL: <https://www.mirealtors.com/Portals/0/Documents/OptionsRightsofFirstRefusal.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

34. *Munchener Kommentar zum BGB. Band 3: §§ 433–610 / Hrsg. von F. J. Sacker, R. Rixecker. 4. Auflage. München: Beck, 2004. 2767 S.*

Reference

1. Appeal ruling of the judicial panel for civil cases of the Supreme Court of the Republic of Crimea dated February 11, 2021 in case No. 33-413/2021. Available at: <https://actofact.ru/case-91OS0000-33-413-2021-33-9858-2020-2020-11-05-0-1> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

2. *Belyaeva O. A.* Bidding: fundamentals of theory and problems of practice. Moscow: INFRA-M, 2015. 250 p. [in Russian].

3. BSR Consulting: Analysis of bankruptcy auctions and ETP activity based on the results of Q3 2023. Available at: <https://fedresurs.ru/news/9806d614-a67e-4f02-b427-838d0d111fcd> (date of application: 08.01.2024) [in Russian].

4. *Egorov E. A.* Comment on the case “CJSC Megapolis-Service Agency to IP Nikolayev V. A. on the transfer of the rights and obligations of the buyer of the share in LLC” //

Legal positions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: selected resolutions for 2006 with comments. М.: Statut, 2012 [in Russian].

5. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 25, 2009 No. 131 on the review of the practice of arbitration courts considering disputes on the pre-emptive right to purchase shares of closed joint-stock companies // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. No. 9 [in Russian].

6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2020). Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/29424> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

7. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.12.2019 No. 307-ES19-14040(3) Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18122019-n-307-es19-140403-po-delu-n-a56-903792015> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

8. Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 21, 2008 No. 7091/08. Available at: <https://base.garant.ru/5581463> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

9. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 16.10.2015 No. F03-3725/2015/ Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/37059897> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 22.05.2020 No. F05-16705/2016. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c80b165-90f7-407d-ac2e-8c7e5583fcf7/65cd5f31-3e7f-48e0-884b-8aa9637-052dd/A40-93587-2016_20200522_Reshenija_i_post-anovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

11. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 01.11.2017 No. F07-11050/2017. Available at: <https://base.garant.ru/41255742> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

12. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 08.11.2018 No. F07-13401/2018. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FEHQehLyPXWn> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

13. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 30.07.2018 No. F07-8207/2018 Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=206607#d5XOU6UOof5ioh3m> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

14. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 15.07.2020 No. F08-5129/20. Available at: <https://base.garant.ru/40783436> (date of application: 02.02.2023).

15. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 03.05.2017 No. 09-1111/17. Available at: <https://base.garant.ru/38750556> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.05.2023 No. 23-p. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305180002?index=1> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].

17. Resolution of the First Arbitration Court of Appeal dated 21.04.2021 No. 01AP-284/17 in case No. A79-6522/2016. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS001&n=111418#gH2Ru6UKU0Iq1uUA> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09.12.1999 No. 90/14 “On some issues of application of the Federal Law “On Limited Liability Companies” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2000. № 2 [in Russian].
19. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 17, 2011 No. 73 “On certain issues of the practice of applying the rules of the Civil Code of the Russian Federation on the lease agreement” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 1 [in Russian].
20. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 16.05.2006 No. 15578/05. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1679251> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].
21. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated 28.09.2022 No. 17AP-17226/18. Available at: <https://base.garant.ru/65331130/> (date of application: 02.02.2023) [in Russian].
22. The decision of the Arbitration Court of the Vladimir region dated 21.02.2023 in case No. A11-14427/2022. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dcfa952c-4e5d-4425-a204-ac76717c288d/12cfe524-783f-49a1-8112-db6c3cc3a491/A11-14427-2022_20230221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of application: 02.02.2023) [in Russian].
23. The decision of the Arbitration Court of the Orenburg region dated 24.01.2018 in case No. A47-12260/2017. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/84e418eb-57fb-43b5-853f-21228569ec78/1582cb64-8980-4952-b269-9648eb443f2e/A47-12260-2017_20180124_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (date of application: 02.02.2023) [in Russian].
24. *Sklovsky K. I.* Application of civil legislation on property and possession. Practical issues. Moscow: Statut, 2004. 362 p. [in Russian].
25. Federal Law No. 14-FZ dated 08.02.1998 “On Limited Liability Companies” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785 [in Russian].
26. Federal Law No. 101-FZ dated 24.07.2002 “On the turnover of agricultural land” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3018 [in Russian].
27. *Chuprunov I. S.* Issues of the scope and circumvention of the pre-emptive right to purchase a share (shares) // Bulletin of Economic Justice. 2021. No. 4. P. 24–97.
28. *Chuprunov I. S.* Pre-emptive right to purchase a share (shares): synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2021. 27 p. [in Russian].
29. Swiss State Order dated 30.03.1911. Available at: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/de (date of application: 02.02.2023) [in German].
30. Civil Code in the version published on August 18, 1896. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html#BJNR001950896BJNG000702377> (date of application: 02.02.2023) [in German].
31. *Richfield Oil Corp v. Security-First National Bank* 323 P 2d 834 Cal App 1958. Available at: <https://casetext.com/case/richfield-oil-v-security-first-nat-bank> (date of application: 02.02.2023) [in English].
32. *Rugg J.* Legal pre-emption rights on real estate. Zurich: Schulthess, 2014 [in German].
33. *Tew R. M.* The right of first refusal: ‘options’ that are not options, but can become options. Available at: <https://www.mirealtors.com/Portals/0/Documents/OptionsRightsofFirstRefusal.pdf> (date of application: 02.02.2023) [in English].
34. *Munich Commentary on the BGB. Group 3: §§ 433–610 / Ed. by F. J. Saker, R. Rikseker. Ed. 4. Munich: Beck, 2004. 2767 p. [in German].*

Поступила в редакцию 09.02.2024

Received February 09, 2024

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.126

DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-12

Апостолова Наталья Николаевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры процессуального права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70/54,
email: napostolova@yandex.ru

Apostolova, Natalia N.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Procedural Law,
South-Russian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: napostolova@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ИЗБРАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

IMPROVEMENT OF THE PROCEDURE FOR THE ELECTION OF DETENTION

АННОТАЦИЯ. Нахождение разумного баланса между законными интересами обвиняемых лиц и интересами правосудия при применении заключения под стражу остается неизменным лейтмотивом изменений УПК РФ. Анализ практики применения данной меры пресечения свидетельствует о том, что альтернативные ей меры пресечения объективно пока не могут гарантированно обеспечить интересы правосудия. Для сокращения сроков содержания под стражей подсудимых следует ограничить возможность их бесконечного продления судом по ст. 255 УПК РФ и в ст. 6.1 УПК РФ закрепить понятие и критерии разумного срока содержания под стражей, четко определив ответственность за нарушение последнего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заключение под стражу; интересы правосудия; разумный срок содержания под стражей; современные технологии.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Апостолова, Н. Н. Совершенствование порядка избрания заключения под стражу / Н. Н. Апостолова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 87–91. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-12.

ABSTRACT. Finding a reasonable balance between the legitimate interests of the accused and the interests of justice in the application of detention remains the constant leitmotif of the amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. An analysis of the practice of applying this preventive measure indicates that other alternative preventive measures objectively cannot yet guarantee the interests of justice. To reduce the time spent in custody of the defendants, it is necessary to limit the possibility of their indefinite extension by the court under Article 255 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and in Article 6.1 of the CPC of the Russian Federation to consolidate the concept and criteria of a reasonable period of detention, clearly defining responsibility for its violation.

KEYWORDS: detention; interests of justice; reasonable period of detention; modern technologies.

FOR CITATION:

Apostolova, N. N. (2024) Improvement of the Procedure for the Election of Detention. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 87–91 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-12.

Оптимальная защита конституционных интересов личности и интересов правосудия в тех случаях, когда применяется заключение под стражу по уголовным делам, по-прежнему является острой проблемой как теории, так и практики уголовного судопроизводства, неизменно находясь в центре внимания не только юристов, но и общества и государства [1; 2; 6–9].

ФЗ № 217 от 13.06.2023, ФЗ № 220 от 13.06.2023 и ФЗ № 524 от 2.11.2023 соответствующим образом скорректировали нормы УПК РФ, определяющие основания и порядок избрания мер пресечения.

Так, ст. 5 УПК РФ была дополнена п. 27.1, 27.2, в которых раскрываются понятия совершенных либо индивидуальным предпринимателем, либо членом органа управления коммерческой организации преступлений. Такие уточнения призваны помочь судьям (прокурорам, следователям, дознавателям, защитникам) точно и правильно определять, в каком случае необходимо руководствоваться ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, а в каком – общими правилами.

Если указанные в ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5–159.6, 160, 165 и 201 УК РФ преступления совершены не в связи с осуществлением определенной п. 27.1, 27.2 ст. 5 УПК РФ деятельности, то следователю либо дознавателю надлежит указать на данное обстоятельство в соответствующем ходатайстве, приложив к нему подтверждающие этот факт материалы (сведения) (ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ).

В силу требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ и в соответствии с п. 27.1, 27.2 ст. 5 УПК РФ точно так же и суду необходимо устанавливать, является ли подозреваемый или обвиняемый индивидуальным предпринимателем либо лицом, входящим в орган правления коммерческой организации, или нет. Результаты такой проверки отражаются в решении судьи об избрании или об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В ст. 97 УПК РФ появилась часть третья, запрещающая применять меры пресечения к подозреваемым, обвиняемым, по делам которых истекли сроки давности уголовного преследования, кроме тех случаев, когда они обвиняются в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы. Данное уточнение закона необходи-

мо с точки зрения обеспечения достаточной обоснованности применения мер пресечения. Если в силу ст. 78 УК РФ лицо не подлежит привлечению к уголовной ответственности, то связанные с мерами пресечения ограничения конституционных прав и свобод обвиняемых (подсудимых), в отношении которых еще не решен вопрос о прекращении уголовного дела, будут неоправданно избыточными. В таких случаях будет достаточным ограничиться обязательством о явке по ст. 112 УПК РФ.

Применение сроков давности к обвиняемым в совершении преступлений, за которые им грозит смертная казнь или пожизненное лишение свободы, закон относит на усмотрение суда (ч. 4 ст. 78 УК РФ). Соответственно, и решение вопроса о применении либо неприменении мер пресечения осуществляется судом в каждом конкретном случае индивидуально согласно закрепленным в УПК РФ правилам.

Если, исходя из обстоятельств уголовного дела, срок давности привлечения к уголовной ответственности, по мнению судьи, неприменим, то он вправе избрать любую меру пресечения в соответствии с нормами главы 13 УПК РФ. Если же обвиняемый, несмотря на тяжесть преступления, за которое в УК РФ предусмотрена смертная казнь или пожизненное лишение свободы, все же может быть освобожден от уголовной ответственности по ст. 78 УК РФ, то тогда целесообразно прибегнуть к обязательству о явке до момента окончательного решения данного вопроса.

Согласно обновленной редакции ст. 99 УПК РФ избрание меры пресечения в отношении обвиняемых или подозреваемых бизнесменов в обязательном порядке должно сопровождаться рассмотрением возможности применения к ним меры пресечения, позволяющей не прекращать осуществление предпринимательской деятельности либо управление имуществом в предпринимательских целях, исключая случаи изъятия или ареста данного имущества. Следует отметить, что потребуются ограничения данных видов деятельности и в тех случаях, когда их осуществление может негативно сказаться на ходе и результатах производства по уголовному делу.

В ст. 100 УПК РФ расширен перечень преступлений, когда содержащемуся под стражей подозреваемому предъявляется обвинение не

позднее 45 суток с момента его заключения под стражу (задержания и заключения под стражу). Теперь обвинение может быть предъявлено не позднее 45 суток со дня заключения под стражу во всех случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений в условиях военного положения.

Военное положение само по себе отличается наличием серьезных угроз для правопорядка и безопасности граждан, общества и государства. Совершение же тяжких и особо тяжких преступлений в условиях военного режима максимально повышает степень их общественной опасности, потому такую норму уголовно-процессуального закона нельзя не признать оправданной и необходимой.

По-другому сформулирована теперь и ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. Законодателем был сделан акцент только на тех случаях, когда допускается применение заключения под стражу к обвиняемым (подозреваемым) бизнесменам. И делаться это может в следующих случаях: при отсутствии у этих лиц места жительства (места пребывания) в России; при нарушении ими ранее избранной меры пресечения; при попытке скрыться от органов расследования или суда.

В любых других случаях заключение под стражу занимающихся бизнесом обвиняемых или подозреваемых будет считаться необоснованным. Судам надлежит решать вопрос об избрании другой меры пресечения с учетом положений ст. 99 УПК РФ.

Хотя такие изъятия из общих правил для данной категории наших граждан и вызывают вопросы с точки зрения закрепленных в ст. 19 Конституции РФ положений, все же нельзя не признать, что в качестве временной вынужденной меры в нынешней весьма сложной экономической ситуации данный подход оправдан.

Был скорректирован и порядок продления срока содержания под стражей в ст. 109 УПК РФ. Чтобы продлить срок содержания под стражей до шести месяцев в суде, следовательно придется получить согласие руководителя следственного органа по субъекту РФ или иного приравненного к нему руководителя (ч. 2.1 ст. 109 УПК РФ).

Законодатель счел возможным повысить уровень согласования необходимости содержания под стражей обвиняемого лица свыше двух месяцев подобным образом. Насколько

это поспособствует изменению практики применения ст. 109 УПК РФ – покажет время.

Принципиально важным является и внесенное в ч. 8 ст. 109 УПК РФ дополнение о том, что потребность в производстве тех или иных следственных действий по уголовному делу уже больше не является единственным достаточным основанием, позволяющим продлить срок содержания под стражей. Одних объяснений того, почему эти следственные действия не были проведены до истечения ранее избранного срока содержания под стражей, теперь, очевидно, недостаточно. Необходимо будет дополнительно обосновывать, каким образом избрание другой меры пресечения вместо заключения под стражу может негативно повлиять на производство данных процессуальных действий и успешное завершение расследования по делу.

Требование ч. 8 ст. 109 УПК РФ нацелено на искоренение формального подхода, на проведение более взвешенного и индивидуализированного анализа и оценки всей совокупности обстоятельств дела на момент продления (или непродления) срока содержания под стражей.

Повышение уровня защищенности конституционных гарантий россиян при осуществлении уголовного судопроизводства обуславливает введение соответствующей специализации судей. Судебный контроль в до-судебном производстве и правосудие – хотя и взаимосвязанные, но разноплановые направления осуществления судебной власти.

Главным назначением правосудия является восстановление нарушенной преступлением социальной справедливости и вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по существу дела. Судебный же контроль, исходя из ст. 46 Конституции России, призван гарантировать судебную защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина от незаконных и необоснованных ограничений либо нарушений со стороны должностных лиц и органов государства.

Потребность в специализирующихся на судебном контроле судьях подтверждается и количеством поступающих на рассмотрение судов материалов об избрании мер пресечения и продлении их сроков. Так, согласно данным судебной статистики, в 2020 г. по ст. 108 УПК РФ в районные суды поступило таких мате-

риалов – 341 421, в 2021 г. – 346 710, в 2022 г. – 346 875. Из указанного количества всех поступивших на рассмотрение судов материалов по мерам пресечения ходатайства об избрании заключения под стражу или о продлении срока этой меры пресечения составляли в 2020 г. – 87 %, в 2021 г. – 87 %, в 2022 г. – 86 % [4].

И по каждому такому ходатайству судьям необходимо на основе результатов исследования представленных следователем либо дознавателем, а также стороной защиты материалов уголовного дела убедиться: в обоснованности обвинения или подозрения; в наличии указанных в ст. 97 и 108 достаточных оснований и условий для избрания заключения под стражу (или в ст. 109 УПК РФ оснований и условий продления срока заключения под стражу); в наличии либо отсутствии перечисленных в ст. 99 УПК РФ обстоятельств с учетом п. 1.1 ст. 110 УПК РФ; в невозможности избрания иной меры пресечения.

В 2020 г. российскими судами было рассмотрено ходатайств о заключении под стражу – 95 422, из них удовлетворено – 84 919 (89 %), а отказано в удовлетворении – 10 503 (11 %). В 2021 г. всего рассмотрено данных ходатайств – 98 034, из них удовлетворено – 87 905 (90 %), отказано в удовлетворении – 10 129 (10 %). В 2022 г. рассмотрено ходатайств о заключении под стражу – 97 311, из них удовлетворено – 87 687 (90 %), отказано в удовлетворении – 9624 (10 %) [5].

Данные решения принимаются в течение весьма сжатых (в силу ст. 22 Конституции РФ) сроков. При избрании заключения под стражу закон отводит судье на рассмотрение ходатайства не более восьми часов с возможностью продления задержания не более чем на 72 часа. Суду апелляционной инстанции также дается не более трех суток на рассмотрение соответствующей жалобы (ч. 11 ст. 108 УПК РФ). В таких временных рамках бывает сложно разобраться во всех, нередко достаточно сложных обстоятельствах дела, а если учесть, что судья перегружен еще и другой работой, то ожидать безошибочных решений в таких условиях проблематично.

Хотя даже и отведенные на продление срока содержания под стражей семь суток не меняют сложившейся судебной практики, что весьма наглядно подтверждается данными судебной статистики. В 2020 г., например, срок содер-

жания под стражей был продлен судами по 98 % ходатайств, в 2021 г. – по 98 % ходатайств, в 2022 г. – также по 98 % ходатайств [6].

Изучение и анализ непосредственно самих многочисленных судебных решений, вынесенных российскими судьями по ст. 108 и 109 УПК РФ, показывает, что при наличии указанных в ст. 97 и 99 УПК РФ обстоятельств и отсутствии заболевания, препятствующего нахождению в СИЗО, предпочтение отдается заключению под стражу. Объясняется это тем, что только эта мера пресечения гарантирует невозможность скрыться от правосудия, препятствовать ему и (или) каким-либо образом уклониться от ответственности [3].

Необходимость обеспечения участия обвиняемого (подсудимого) в производстве по уголовному делу и исключение возможности противодействия расследованию и разрешению уголовных дел являются доминирующими факторами при принятии решений по вопросу о заключении под стражу (в том числе и по делам предпринимателей).

Следователи и судьи в большинстве случаев не желают избирать другие закрепленные в законе меры пресечения в силу того, что они объективно просто не могут гарантированно обеспечить интересы правосудия. Значит, одной корректировкой норм главы 13 УПК РФ не обойтись. Необходимо осуществлять также поиск соответствующих технологических средств, способных на должном уровне обеспечить достижение назначения и задач уголовного судопроизводства без применения заключения под стражу.

В плане решения данной проблемы можно было бы и ограничить количество продлений срока содержания под стражей по ст. 255 УПК РФ. Все-таки наличие у судей возможности продлевать подсудимому данный срок каждые три месяца неограниченное количество раз – не бесспорно с точки зрения принципа справедливости.

Одно дело – содержать несколько лет под стражей лицо, обвиняемое в совершении преступления с тяжкими последствиями и с угрозой правопорядку и безопасности гражданам, обществу, государству, и другое дело – продолжать годами содержать под стражей подсудимого уже при отсутствии таких угроз (по тем же экономическим преступлениям).

Очевидно, пора вводить в ст. 6.1 УПК РФ понятие и критерии разумного срока содержания под стражей обвиняемых, по аналогии с ч. 3.2 этой статьи, с указанием предусмотренной уголовно-процессуальным законом ответственности. Согласно ч. 3 ст. 133 УПК РФ при нарушении разумного срока содержания под стражей у обвиняемых (подсудимых) возникает право на возмещение (компенсацию) вреда в установленном главой 18 УПК РФ порядке.

Кроме этого, помимо перечисленных в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ критериев разумного срока содержания обвиняемого (подсудимого) под стражей, должен быть и такой, как отсутствие или наличие угрозы серьезных негативных последствий для интересов правосудия, правопорядка и безопасности.

Более кардинально можно будет изменить судебную практику применения заключения под стражу тогда, когда у российского правосудия появятся технологии, позволяющие пресекать находящимся под домашним арестом, залогом или запретом определенных действий обвиняемым (подозреваемым, подсудимым) возможности скрыться и (или) нарушить установленные судом запреты.

Вероятно, лишь при наличии таких гарантий появится реальная возможность более гибко и дифференцированно избирать меры пресечения, не опасаясь осуществления незаконных действий и противоправного поведения обвиняемых (подозреваемых, подсудимых) в ходе производства по уголовному делу.

Список использованных источников

1. Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2005. 256 с.
2. Маслов И. В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения в виде задержания и заключения под стражу. М.: Экзамен, 2011. 319 с.
3. Меры пресечения – судебная практика. URL: <https://sudact.ru/practice/mery-presecheniya/?regular-area=1008®ular-court> (дата обращения: 12.12.2023).
4. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020–2022 гг. Раздел 4. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.12.2023).

5. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020–2022 гг. Раздел 9. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.12.2023).

6. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020–2022 гг. Раздел 10. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.12.2023).

7. Руднев В. И. Судебная защита прав лиц, содержащихся под стражей. М.: Формула права, 2005. 236 с.

8. Судницын А. Б., Воронов Д. А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. 64 с.

9. Хапаев И. М. Заключение под стражу как мера пресечения в российском уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.

References

1. Bulanova N. V. Detention during the preliminary investigation of crimes. Moscow: Yurлитinform, 2005. 256 p. [in Russian].
2. Maslov I. V. Application of measures of criminal procedural coercion in the form of detention and detention. Moscow: Ekzamen, 2011. 319 p. [in Russian].
3. Preventive measures – judicial practice. URL: <https://sudact.ru/practice/mery-presecheniya/?regular-area=1008®ular-court> (date of application: 12.12.2023) [in Russian].
4. Reports on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of criminal cases at first instance for 12 months 2020–2022. Section 4. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of application: 12.12.2023) [in Russian].
5. Reports on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of criminal cases at first instance for 12 months 2020–2022. Section 9. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of application: 12.12.2023) [in Russian].
6. Reports on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of criminal cases at first instance for 12 months 2020–2022. Section 10. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of application: 12.12.2023) [in Russian].
7. Rudnev V. I. Judicial protection of the rights of persons in custody. Moscow: Formula prava, 2005. 236 p. [in Russian].
8. Sudnitsyn A. B., Voronov D. A. Legality and validity of the election and application of a preventive measure in the form of detention: textbook. allowance. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 64 p. [in Russian].
9. Khapaev I. M. Detention as a preventive measure in Russian criminal proceedings. Moscow: Yurлитinform, 2013. 200 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 11.01.2024

Received January 11, 2024

Малина Максим Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: bestar@yandex.ru

Степанов Константин Владимирович,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: kstepanov@mail.ru

Станиславов Павел Денисович,
студент V курса, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: pashastanislovov@yandex.ru

Malina, Maxim A.,
PhD in Law, Associate professor
of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: bestar@yandex.ru

Stepanov, Konstantin V.,
PhD in Law, Head of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: kstepanov@mail.ru

Stanislavov, Pavel D.,
5th year student, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: pashastanislovov@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛНОТЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ИНСТИТУТ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В РОССИИ

CONCEPT OF JUDICIAL COMPLETENESS AND INSTITUTE OF BAILIFFS IN RUSSIA

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблема повышения гарантий неукоснительного исполнения решений суда, обосновывается вывод о недопустимости их рассмотрения и совершенствования в отрыве от концептуальных основ судебной власти. Обеспеченное государством реальное воплощение в жизнь судебных решений определяется в качестве неотъемлемого признака правосудия, его важной сущностной характеристики. Предлагается восстановление в современной российской правовой науке дореволюционного принципа полноты судебной власти, что может послужить более слаженному, качественному взаимодействию суда и института судебных приставов и, соответственно, усилению гарантий справедливого правосудия в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная власть; полнота судебной власти; суд; судопроизводство; правосудие; исполнение судебных решений; институт судебных приставов.

ABSTRACT. The article examines the problem of increasing guarantees of strict enforcement of court decisions, justifies the conclusion that they cannot be considered and improved in isolation from the conceptual foundations of the judiciary. The real implementation of court decisions provided by the state is determined as an integral sign of justice, its important essential characteristic. It is proposed to restore in modern Russian legal science the pre-revolutionary principle of the completeness of the judiciary, which can serve a more coherent, high-quality interaction between the court and the institution of bailiffs and, accordingly, strengthen guarantees of fair justice in general.

KEYWORDS: judicial power; completeness of judicial power; court; legal proceedings; justice; execution of court decisions; institution of bailiffs.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Малина, М. А. Концепция полноты судебной власти и институт судебных приставов в России / М. А. Малина, К. В. Степанов, П. Д. Станиславов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 92–97. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-13.

FOR CITATION:

Malina, M. A., Stepanov, K. V., and Stanislavov, P. D. (2024) Concept of Judicial Completeness and Institute of Bailiffs in Russia. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 11(1): 92–97 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-13.

В современном мире судебная власть выступает одной из важнейших опор, несущих конструкций правового государства. Естественно, наша страна здесь исключением не является. Важно отметить, что эта миссия судебной власти может быть выполнена только в том случае, если решения суда реально исполняются, исполняются неукоснительно. Ясно, что суд сам, по собственной инициативе (*ex officio*) не может и не должен воплощать в жизнь свои решения, его основная функция – отправление правосудия на началах объективности, независимости, непредвзятости. Для исполнения решений суда нужны специальные, специфические властные полномочия (розыск лиц и имущества и др.), которые, конечно же, не соответствуют «исковой» природе суда. Поэтому и был создан специальный государственный орган – институт судебных приставов. Это орган исполнительной власти, но действует он под контролем суда и для суда, т. е. для осуществления справедливого и реального (а не мнимого) правосудия. Поэтому одним из ключевых, системообразующих направлений его деятельности является принудительное исполнение судебных решений.

Значение этого института сложно переоценить. Он решает задачи, которые важны и касаются напрямую всех участников процесса. Именно в его руках находится реализация, действительное осуществление установленных судом предписаний: вернуть долг, освободить помещение и т. д. Соответственно, любые недостатки, нарушения в деятельности должностных лиц службы судебных приставов (волокита, неправильный выбор мер принуждения и др.) повлекут самые неблагоприятные последствия. Иными словами, если одним лицам будет, как говорится, воздаваться по заслугам, а другим – нет (не во всех случаях, через длительный промежуток времени и т. д.), то об устойчивости и стабильности

правового порядка речь идти не может, а значит, нельзя говорить и об устойчивости всей правовой системы в целом.

Таким образом мы переходим к вопросу о гарантиях неукоснительного, полноценного исполнения судебных решений и, соответственно, об эффективности института судебных приставов. Представляется, что на первый план здесь выходит именно теоретический аспект проблемы. Остановимся на нем более подробно.

Важнейшим, ключевым направлением судебной деятельности является разрешение по существу правовых споров, правовых конфликтов. Здесь нормы права применяются к фактическим обстоятельствам с целью восстановления нарушенного субъективного права или законного интереса [2, с. 700], восстановления справедливости [5, с. 102]. Вместе с тем, рассматривая феномен правосудия [8, с. 52], ни в коем случае нельзя забывать и о важности реального исполнения судебных решений, которое должно быть в полной мере обеспечено государством. Можно сколь угодно долго дискутировать о качестве правоприменительной деятельности, о компетентности судей, о стандартах доказывания в суде, о целесообразности установления истины по уголовному делу, но если в действительности нет полноценного воплощения в жизнь решений суда, то ни о каком справедливом правосудии не может быть и речи. Как не может быть речи в таком случае и о доверии суду со стороны населения, о его высоком авторитете. В свете сказанного представляется, что обеспеченное государством неукоснительное исполнение судебных решений является неотъемлемым признаком правосудия, его важным свойством, сущностной характеристикой. По нашему мнению, это должно учитываться при определении понятия правосудия и его рассмотрении в учебной и научной литературе.

Более того, если нет реального исполнения всех решений суда, а есть лишь выборочное, случайное или, наоборот, «неслучайное» их исполнение, то это не только недопустимо с точки зрения социальной справедливости, но и имеет крайне негативные последствия в правовой действительности: правовой нигилизм, нарушение правового порядка, невозможность формирования, как выразился в свое время известнейший правовед-философ И. А. Ильин, «здорового» общественного правосознания [3, с. 81], снижение качества правового воспитания, правовой культуры и др.

Приведем простой пример. Правовое воспитание – это одна из составляющих общегражданского воспитания, наряду с политическим, трудовым, школьным воспитанием и др. Оно включает получение и распространение знаний о праве, о правовых явлениях. Роль правового воспитания в государстве чрезвычайно велика. Благодаря ему люди становятся полноценными, юридически активными членами общества, знающими свои права, готовыми встать на их защиту.

Существуют различные формы правового воспитания [6, с. 253]:

- правовая пропаганда: чтение лекций, проведение консультаций и др.;
- правовое обучение: расширение правового кругозора в высших учебных заведениях, средних специализированных школах, училищах, техникумах, колледжах;
- юридическая практика: участие в судебных процессах, заключение разных сделок и т. д.;
- самообразование: изучение научных статей, анализ практики и т. д.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение решений суда отрицательно воздействует на все составляющие правового воспитания, снижает его эффективность. Например, правовая пропаганда, правовое обучение становятся бессмысленными, так как граждане видят разрыв между теорией и правовыми реалиями. Они понимают, что все круглые столы, лекции, курсы и т. п. оторваны от жизни, от действительности, изложенные в них правила и принципы на практике нарушаются, нежизнеспособны. Не стоит и говорить, насколько пагубно это сказывается на качестве воспитания молодого поколения – основной целевой аудитории правового воспитания.

Полагаем, что в целях предотвращения этих негативных явлений необходимо вести поиск соответствующих теоретических оснований для более полного и эффективного взаимодействия суда и государственного органа исполнительной власти, обеспечивающего исполнение судебных решений (Федеральная служба судебных приставов, ФССП). Представляется, что серьезным подспорьем здесь выступит восстановление в современной российской правовой науке теории полноты судебной власти [4, с. 39], существовавшей в дореволюционный период развития нашей страны и преданной забвению при советской власти.

Остановимся на ней более подробно. Дело в том, что суд при осуществлении правосудия не сможет выполнить поставленные перед ним задачи без предварительного расследования, обвинения, защиты, представления в процесс специальных знаний и др. То есть основная миссия суда невозможна без деятельности других органов, выполняющих в судопроизводстве указанные функции: следователь, дознаватель, государственный обвинитель, адвокат-защитник, эксперт и др. (уголовное судопроизводство). Если говорить о гражданском процессе – без истца, ответчика, прокурора, судебного пристава-исполнителя и др. Это означает, что такие органы, как прокуратура, адвокатура, следственные подразделения, служба судебных приставов и пр., «действуют под контролем суда и для суда, действуют в интересах правосудия» [10, с. 15]. То есть как суд не может функционировать без них, так и без суда их деятельность бессмысленна. Поэтому после судебной реформы Александра II 1864 г. (далее – реформа) их называли «вспомогательными органами суда» [1, с. 198].

Такой подход нашел свое выражение и в академической сфере тех лет: в учебных курсах вопросы судоустройства рассматривались в качестве первой части процессуальных дисциплин (уголовного судопроизводства, гражданского судопроизводства) и обнимали устройство не только непосредственно судов, но и вспомогательных органов суда. Это те органы, которые непосредственно участвовали в судопроизводстве: прокуратура, адвокатура (присяжные поверенные), органы следствия (тогда это были судебные органы – судебные следователи) и др. Как было отмечено, без них разрешение дела по

существованию невозможно. Поэтому логично было прежде изучения процессуальной деятельности этих органов рассматривать их организационное устройство.

В целом исторические и юридические предпосылки генезиса исследуемого принципа заключались в том, что необходимо было найти доктринальные и нормативные основы для установления независимой и самостоятельной судебной власти. На это в том числе и была направлена реформа. Если раньше для воздействия на участников судопроизводства и исполнения собственных постановлений суд был вынужден обращаться к должностным лицам различных исполнительных органов, то реформа сделала его самодостаточным. То есть в дореформенный период суд не имел никакого влияния на следователей, прокуроров, адвокатов и реализация его полномочий зависела от органов, не подконтрольных судебной власти [9, с. 177]. Ясно, что при таком подходе ни о какой его самостоятельности и независимости говорить не приходилось. А ведь это основные гарантии справедливого правосудия. После реформы при судебных местах находились не только канцелярии (как в дореформенный период), но и прокуроры, судебные следователи, присяжные поверенные, судебные приставы, нотариусы и др. Как писал великий дореволюционный правовед И. Я. Фойницкий, «суд должен быть силой, а для этого необходимо, чтобы в руках судебной власти сосредоточивались все мероприятия, обеспечивающие возможность судебного разбирательства и действительное осуществление судебных решений. Этот признак организации может быть назван полнотой судебной власти» [11, с. 189].

Соответственно, и сам законодатель того времени не разрывал между собой суд, следствие, прокуратуру и др., а, наоборот, стремился к тому, чтобы они были охвачены единым «покрывалом» судебной деятельности. Основы правового статуса вспомогательных для суда органов были заложены в Учреждении судебных установлений 1864 г. (УСУ): судебные следователи состояли при окружных судах (ст. 79 УСУ); прокуроры и судебные приставы состояли при окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах Сената (ст. 125–127, 297 УСУ); присяжные поверенные приписывались к судебным палатам (ст. 356

УСУ); под наблюдением судебных мест находились нотариусы (ст. 420 УСУ).

Более того, для судей, судебных следователей, прокуроров и судебных приставов существовала единая процедура привлечения к дисциплинарной ответственности судом. В отношении присяжных поверенных: в местностях, где не было совета присяжных поверенных, дисциплинарная власть принадлежала окружному суду, в обратном случае решения совета могли быть обжалованы в судебную палату, а затем в Сенат (ст. 376–378 УСУ).

Таким образом, теория полноты судебной власти позволяла на концептуальном и нормативном уровне объединить все органы, участвующие в процессуальной деятельности, как бы в единую пирамиду, вершиной которой был суд. Ясно, что соответствующие участники судопроизводства действуют в рамках своих полномочий и выполняют функции, зачастую имеющие прямо противоположный характер (государственный обвинитель-прокурор и адвокат-защитник в уголовном судопроизводстве). Но в рамках идеи полноты судебной власти определялась главная, ключевая сущностная характеристика их миссии: в конечном счете вся их деятельность направлена на то, чтобы свершилось правосудие.

Далее раскроем кратко причины упразднения исследуемого принципа в советский период развития нашей страны. После революции 1917 г. произошел отказ от концепции разделения властей, отрицалась самостоятельность и независимость суда, что лишило идею полноты судебной власти доктринальных и институциональных оснований. В первые годы существования СССР главным государственным органом страны был Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), состоявший из Союзного Совета и Совета Национальностей. Именно ему подчинялись суды, прокуратура и все остальные властные органы Советского Союза; в 1936 г. ЦИК был переименован в Верховный Совет СССР, который просуществовал вплоть до 1991 г. Таким образом, ни о каком разделении властей в Советском Союзе не могло быть и речи – вся государственная власть была сосредоточена в одних руках. Соответственно, не существовало и оснований для идеи полноты судебной власти, так как этот принцип жизнеспособен лишь в условиях самостоятельной

и независимой судебной власти, в условиях разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

В постсоветской России вновь обрела силу и значение идея разделения властей. Недаром сегодня она закреплена на конституционном уровне. В настоящее время вся страна понимает и помнит ужасные последствия упразднения, игнорирования этого важнейшего принципа. О неминуемом произволе, о неизбежном наступлении деспотии при концентрации всей власти в одних руках и отсутствии системы сдержек и противовесов писал еще Шарль Луи Монтескье [7, с. 10]. Всю полноту и тяжесть результатов такого урока еще предстоит осмыслить, предстоит и предпринять соответствующие меры.

Поэтому представляется возможным и нужным возрождение сегодня в России принципа полноты судебной власти. Это позволит восстановить утраченную генетическую связь суда и института судебных приставов, послужит повышению гарантий их слаженного, синхронного взаимодействия и, как было показано выше, – усилению гарантий справедливого правосудия в целом. По нашему мнению, институт судебных приставов не следует относить к органам исполнительной власти, это служит его институциональному отмежеванию от суда, разрыву их телеологической связи. По сути, этот государственный орган – не отдельное (от суда) «ведомство», он должен стать частью судебной власти в духе рассмотренного выше дореволюционного подхода.

Более того, укрепление связи суда и ФССП необходимо вести на всех уровнях – доктринальном, нормативном, в сфере юридической практики, в организационном ключе, в том числе и на уровне использования информационных технологий.

Приведем пример. При желании ознакомиться со всей информацией о деле в банке данных исполнительных производств на сайте ФССП (fssp.gov.ru) заинтересованное лицо сталкивается с проблемой невозможности перехода на сайт суда общей юрисдикции, выдавшего исполнительный документ. Отсутствует связь данного сервиса с государственной автоматизированной системой «Правосудие» (<https://sudrf.ru>). Это вызывает трудности с поиском дела, выступает барьером для оператив-

ного анализа правовой ситуации в целом, когда мы видим решение спора и сведения о результатах его исполнения в едином информационном поле. В реальности существующий разрыв необходимо восполнять в ручном режиме – путем поиска дела на сайте соответствующего суда и т. д.

При этом данная проблема отсутствует в отношении арбитражных судов. Посмотреть решение арбитражного суда из банка данных исполнительных производств на сайте «Электронное правосудие» (ras.arbitr.ru) можно, как говорится, в один клик. Это не только очень удобно в плане качества и полноты получения информации. Такая возможность отражает искомую связь суда и ФССП, на виртуальном уровне подтверждает необходимость использования сегодня принципа полноты судебной власти. Представляется целесообразным распространение такого алгоритма и на систему судов общей юрисдикции.

Считаем, что предложенные подходы к осмыслению понятия правосудия, к пониманию взаимосвязи суда и института судебных приставов послужат повышению качества правосудия и положительно повлияют на отношение россиян ко всей правоохранительной системе в целом.

Список использованных источников

1. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. 448 с.
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушников. М.: Статут, 2014. 960 с.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2021. 1278 с.
5. Ляхов Ю. А. Принцип справедливости судебного разбирательства в уголовном процессе // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 3. С. 102–105.
6. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2009. 541 с.
7. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Рипол Классик, 2020. 690 с.
8. Панкова О. В. Правосудие в Российской Федерации: проблемы современного правопонимания // Государство и право. 2019. № 4. С. 52–65.
9. Романов С. В. Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. / под ред. Л. В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. 340 с.

10. Судостроительство и правоохранительные органы: учебник / под ред. Л. В. Головки. М.: Городец, 2020. 768 с.

11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. 552 с.

References

1. *Viktorsky S. I.* Russian criminal process. Moscow: Legal Bureau “Gorodets”, 1997. 448 p. [in Russian].

2. Civil procedure: textbook / Ed. by M. K. Treushnikov. Moscow: Statut, 2014. 960 p. [in Russian].

3. *Ilyin I. A.* On the essence of legal awareness. Moscow: Rarog, 1993. 235 p. [in Russian].

4. Course of criminal process / Ed. by L. V. Golovko. Moscow: Statut, 2021. 1278 p. [in Russian].

5. *Lyakhov Yu. A.* The principle of fairness of trial in criminal proceedings // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2022. Vol. 9, No. 3. P. 102–105 [in Russian].

6. *Matuzov N. I., Malko A. V.* Theory of state and law: textbook. Moscow: Yurist, 2009. 541 p. [in Russian].

7. *Montesquieu C. L.* On the spirit of laws. Moscow: Ripol Klassik, 2020. 690 p. [in Russian].

8. *Pankova O. V.* Justice in the Russian Federation: problems of modern legal understanding // State and Law. 2019. № 4. P. 52–65 [in Russian].

9. *Romanov S. V.* Ensuring the completeness of judicial power in criminal proceedings Moscow // Great reform: to the 150th anniversary of the Judicial Statutes: in 2 vols. / Ed. by L. V. Golovko. Moscow: Yustycinform, 2014. Vol. 2. 340 p. [in Russian].

10. Judicial system and law enforcement agencies: textbook / Ed. by L. V. Golovko. Moscow: Gorodets, 2020. 768 p. [in Russian].

11. *Foinitsky, I. Ya.* Course of criminal proceedings: in 2 vols. St. Petersburg: Alfa, 1996. Vol. 1. 552 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 05.03.2024

Received March 05, 2024

Волкова Галина Евгеньевна,
соискатель кафедры теории
и истории государства и права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: volkova.gal.ev@mail.ru

Volkova, Galina E.,
PhD student of the Department
of Theory and History of State and Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002,
Russian Federation,
email: volkova.gal.ev@mail.ru

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF DIGITAL PERSONAL RIGHTS

АННОТАЦИЯ. Стремительный рост и прогрессивное развитие цифровых технологий, повсеместная цифровая трансформация привычных «аналоговых» сфер общественных отношений приводят к изменению парадигмы государственно-правового развития, преобразованию правового ландшафта. В статье выделены два основных подхода к концепту цифровых прав в современной правовой доктрине: 1) эволюционный, представленный сторонниками признания цифровых прав как нового поколения прав человека; 2) консервативный, представленный противниками такой идеи, полагающими, что цифровые права – это конкретизация существующих прав человека в виртуальном, цифровом пространстве. Автор приходит к выводу, что наиболее верным подходом к понятию цифровых прав будет концепция, представляющая собой симбиоз вышеуказанных мнений, что позволит создать эффективные программы развития системы прав личности в условиях информационного общества. Высказывая опасения по возможной подмене в субъектном составе правоотношений реального человека «цифровой личностью», автор предлагает считать смыслообразующим фактором поиска концепции цифровых прав личности сохранение императива человекообразности в праве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровые права; цифровизация; система прав человека; цифровая парадигма права.

ABSTRACT. The rapid growth and progressive development of digital technologies, the widespread digital transformation of the usual “analogue” spheres of public relations lead to a change in the paradigm of state and legal development, a transformation of the legal landscape. The article, based on an analysis of those formed in modern legal doctrine, identifies two main approaches to the concept of digital rights: 1) evolutionary, presented by supporters of the recognition of digital rights as a new generation of human rights; 2) conservative, represented by opponents of this idea, who believe that digital rights are a concretization of existing human rights in the virtual, digital space. The author comes to the conclusion that the most correct approach to the concept of “digital rights” will be a concept that is a symbiosis of the above opinions, which will make it possible to create effective programs for the development of a system of individual rights in the information society. Expressing concerns about the possible replacement of a real person with a “digital personality” in the subject composition of legal relations, the author proposes to consider the preservation of the imperative of human dimension in law as a meaningful factor in the search for the concept of digital personal rights.

KEYWORDS: digital rights; digitalization; human rights system; digital paradigm of law.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Волкова, Г. Е. К вопросу о концепции цифровых прав личности / Г. Е. Волкова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 98–104. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-14.

FOR CITATION:

Volkova, G. E. (2024) On the Question of the Concept of Digital Personal Rights. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 98–104 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-14.

В настоящее время меняется понятийный аппарат права, появляются новые объекты правоотношений, терминология из технической сферы постепенно становится незаменимым атрибутом нашей жизни, в результате чего в праве появляются новые явления и понятия, нуждающиеся в четком определении. Одним из таких понятий является термин «цифровые права».

Несмотря на то, что сама концепция цифровых прав зародилась в конце XX в., в научной литературе до сих пор нет единого подхода в отношении как определения, так и понимания сущности цифровых прав. Как справедливо указывает М. А. Рожкова, «в начале XXI века термин “цифровые права” еще не имел широкого распространения – для обозначения этих прав нередко употреблялись выражения “интернет-права”, “права человека в интернете / в киберпространстве”, “киберправа и киберсвободы” (англ. *cyber-rights & cyber-liberties*)» [19, с. 3]. В русскоязычной юридической литературе данные права обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными, в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (*digital rights*), интернет-правах (*Internet rights*), праве на коммуникацию (*right to communicate*), свободе соединения с любым лицом, в любое время, в любом месте, для любых целей (*freedom to connect – to anyone, anytime, anywhere, for anything*) [1, с. 20]. Таким образом, сегодня отсутствует консолидированная точка зрения относительно как определения цифровых прав, так и понимания их сущности, критериев разграничения, особенностей реализации и способов защиты.

Полагаем, что сложившееся сегодня многообразие подходов к определению термина «цифровые права» во многом объясняется тем, что к исходным для данного термина понятиям «цифровые» и «права личности» исследователи применяют разные смысловые формулировки, что, соответственно, предопределяет разность

выводов и отсутствие устойчивых однозначных определений. Как подчеркивают в своем исследовании И. В. Понкин и А. И. Редькина, концепция цифровых прав включает в себя рассмотрение существующих прав сквозь призму цифровизации [18].

Однако и само понятие «цифровизация» пока не имеет однозначного определения ни в отечественной, ни в западной науке. В большинстве литературных источников, опубликованных в первых десятилетиях XXI в. и посвященных цифровизации различных сфер жизнедеятельности человека, наиболее часто используются термины *digitization* и *digitalization*, что, как подчеркивают Т. Ю. Кудрявцева и К. С. Кожина, означает «кодирование информации в цифровую форму» и «использование оцифрованной информации и цифровых технологий» соответственно [12]. На неопределенность и многозначность подходов к термину «цифровой» указывает и Л. Н. Данилова с соавт., говоря о том, что в условиях глобализации с Запада в Россию было заимствовано два подхода к пониманию феномена цифровизации: в узком смысле она означает оцифровку данных, а в широком – стратегию интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь общества [17]. Однако сегодня все чаще можно встретить более широкий подход, согласно которому цифровизация – это не только «оцифровка» существующих процессов для последующей трансформации и интеграции, но и процесс формирования «информационной цивилизации» [6, с. 170], новой цифровой экономики, нового «гибридного цифрового общества» [5, с. 80], в котором складываются неизвестные ранее общественные отношения, требующие правового регулирования в «цифровой парадигме права» [16, с. 257].

Отсутствует в российской науке и устойчивый единообразный подход к пониманию термина «права личности». Ведь понятие «права личности» – категория не только юридическая и политическая, но и философская и этическая.

Несмотря на то, что термин «права личности» используется и в юридической литературе, и в нормативных правовых актах, в частности в Конституции Российской Федерации, до сих пор не выработан единый подход к соотношению содержания понятий «права человека» и «права личности».

Осложняет восприятие концепта цифровых прав тот факт, что для европейского правового пространства «цифровые права» понимаются в контексте прав человека и публичного права, и в данном смысле они постепенно обретают юридические очертания на международном уровне и закрепление на национальном. В Российской Федерации дефиниция «цифровые права» получила свое закрепление в Гражданском кодексе РФ как объект гражданских прав. Таким образом, наше государство не поддержало единый комплексный правовой подход к процессам цифровизации и тем самым, по справедливому замечанию Э. В. Талапиной, «Россия вновь утвердилась в роли диссонатора континентальной правовой системы» [21, с. 141].

Проанализированные нами источники свидетельствуют о том, что в зарубежной и российской юридической литературе существует множество различных взглядов на концепцию цифровых прав личности. Однако научные дискуссии на эту тему разделили исследователей на две основные группы: эволюционную, представленную сторонниками признания цифровых прав как нового поколения прав человека, и консервативную, представленную противниками такой идеи, полагающими, что цифровые права – это существующие права, «выдвинутые» из существующей системы прав человека. Сразу хотим оговориться, что, называя сторонников второго подхода консерваторами, мы говорим о консервативном типе мышления, который, как справедливо отмечает Е. А. Казачанская, не означает ориентацию на консервацию или застой в развитии, а, наоборот, предполагает модернизацию и развитие с опорой «на традиционный, устойчивый и эффективный культурно-исторический опыт» [10, с. 35].

Наиболее распространенным доводом сторонников консервативного подхода к концепту цифровых прав является отрицание необходимости в выделении цифровых прав и свобод

в связи с тем, что в условиях цифровизации изменяется только «реализация существующих конституционных прав человека» [8, с. 95], а «содержание ранее известных прав остается неизменным» [23, с. 536]. Таким образом, суть консервативного подхода заключается в необходимости приспособления уже имеющихся правовых институтов прав человека к цифровой реальности, что не требует особого специального регулирования и рассмотрения. Так, по мнению В. Д. Зорькина, «цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [9]. Такого же мнения придерживается и профессор П. П. Баранов, определяя цифровые права как права, конкретизирующие «права и свободы человека и гражданина в цифровом, информационном, виртуальном пространстве» [3, с. 64]. В. В. Невинский исследует понятие цифровых прав через призму провозглашенных конституционных прав личности и приходит к выводу, что цифровые права человека есть не что иное, как «и универсальное конституционное право на свободу информации, и “детализирующие” его информационные права, и “традиционные права на определенные виды и способы оборота информации”» [15, с. 30].

Сторонники второго подхода к концепту цифровых прав, названного нами эволюционным, полагают, что цифровые права в условиях информационного общества представляют собой новое поколение прав человека, относя их к четвертому, а иногда и к пятому поколению. Так, в исследовании цифровых прав А. И. Ковлер указывает, что, несмотря на условность самого деления прав человека на поколения, «в политико-правовом дискурсе и в науке принято условное деление прав человека на три поколения – естественные права, гражданские и политические, социальные права», относя при этом цифровые права к правам четвертого поколения [11, с. 7]. В основе такого подхода лежит восприятие цифровой трансформации общественных отношений как потенциально способной оказать существенное влияние на

систему прав человека, изменяющей традиционное понимание прав и свобод, создающей новые, зависимые от информационно-коммуникационных технологий права. А. И. Минаева полагает, что цифровые права «принципиально отличаются от прав, существовавших в доцифровую эпоху» [14, с. 69]. И если новая «цифровая реальность создала новый тип общественных отношений – отношения, осложненные виртуальным цифровым элементом» [22, с. 223], то появление нового типа общественных отношений не может не оказать влияния на возникновение прав личности, необходимых для удовлетворения потребностей в новой цифровой среде, которые должны регулироваться обособленно от «аналоговых» прав. Каталог цифровых прав сегодня не сформирован, но чаще всего к таким правам относят право на доступ в интернет, право на цифровую смерть и цифровое бессмертие, право на забвение, право на бесцифровую среду, право на цифровое образование и развитие цифровых навыков, право на цифровую идентичность, право на цифровую безопасность, право дистанционных работников «на отключение», право «быть в одиночестве» и т. д.

Какой из этих подходов верный? Как ни парадоксально, но оба. В поддержку сторонников консервативного подхода отметим, что проанализированный нами в рамках настоящего исследования объем нормативно-правовых актов свидетельствует о весьма незначительной скорости и единичных случаях внесения изменений в Основной закон государства в части как закрепления в них новых прав человека, так и корректировки перечня традиционных прав и свобод с учетом цифровой трансформации общественных отношений. И нельзя не согласиться с тем, что значительная часть конституционных прав человека и гражданина в условиях информационного общества будет иметь свою цифровую интерпретацию. Полагаем, что фундаментальным вопросом для теоретико-правового осмысления подхода к пониманию цифровых прав как «цифровой оболочки» существующих является необходимость осмысления глубины изменений цифровой формы реализации существующих прав. И если цифровая трансформация подразумевает полный переход от традиционного права, например на образование, к цифровому (электронному), то,

скорее, можно будет говорить о новом типе отношений, требующем своей «цифровой парадигмы права».

В поддержку сторонников эволюционного подхода к праву отметим, что повсеместное внедрение цифровых технологий, принятие законодательных мер, способствующих развитию цифровых технологий, появлению новой для правовой реальности терминологии (цифровая экосистема государства, цифровая экосистема органов прокуратуры, цифровая среда, электронные реестры и т. д.) не могут не видоизменять систему прав человека. Актуализируют проблему и вопросы формирования и развития новой модели взаимоотношений государства и личности в условиях становления и развития информационного общества. Речь идет о процессе оцифровывания традиционных функций государства, системы оказания государственных услуг, формирования концепции «электронной демократии» и «цифрового государства».

Появление новой парадигмы права обусловлено прежде всего особым значением и актуальностью обеспечения и защиты традиционной системы прав и свобод в интернете. Поэтому полагаем, что наиболее верным подходом к понятию цифровых прав будет концепция, представляющая собой симбиоз вышеуказанных мнений, что позволит создать эффективные программы развития системы прав личности в условиях информационного общества. Полагаем, что такая концепция должна включать в себя как особенности реализации прав человека в цифровой среде, основанные на принципе «те же права, которые люди имеют офлайн, должны быть защищены и онлайн», так и новые субъективные права, отличающиеся специфическим содержанием, требующие особых принципов осуществления и своеобразных гарантий защиты в процессе использования цифровых технологий. Тем самым данная концепция предполагает поступательное развитие системы цифровых прав. Первым этапом является адаптация традиционных прав человека к цифровым условиям их реализации, а вторым – непосредственно появление «новых цифровых прав».

Несомненно, большинство общих принципов права применимо к регулированию отношений, возникающих в цифровом про-

странстве. Речь идет о таких общепризнанных принципах права, как принцип справедливости, гуманизма, единства прав и обязанностей, добросовестности и т. д. С другой стороны, поскольку цифровой мир является экстерриториальным, то принципы, характеризующиеся пространственно-временной привязкой, в эпоху интернета теряют прежний смысл. Отказ от признания цифровых прав может привести к нормативному разрыву между защищенными и незащищенными потребностями человека, соответствующими как нынешнему уровню развития технологий, так и перспективному.

Развитие цифровых технологий формирует новое поколение прав, но развитие возможностей искусственного интеллекта, разговоры о его возможной правосубъектности ставят перед научным сообществом вопрос: будут ли они являться правами человека? Цифровизация общественных отношений так или иначе выдвигает на первый план «цифрового субъекта», «электронную личность», «цифровую личность», которая, собственно, и является фактическим субъектом цифровых правоотношений, полностью реализующихся в виртуальной (электронной) среде. И по сути, для данных правоотношений личность субъекта становится уже не так важна, вступить в эти правоотношения возможно и под вымышленными именами, и анонимно, и используя модели, предложенные с развитием систем искусственного интеллекта.

Деконструкции подверглось и само понятие правосубъектности, в научном сообществе исследуется и обосновывается необходимость наделяния статусом субъектов права по аналогии с юридическим лицом отдельных искусственных интеллектуальных систем, электронных лиц, т. е. закрепления статуса такого субъекта как юридической фикции. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев) совершенно справедливо отметил, что в концепцию прав человека «постепенно интегрируются идеи, противоречащие не только христианским, но вообще традиционным моральным представлениям о человеке» [4].

В цифровых правоотношениях возникают ситуации, когда действующим лицом оказывается не субъект и личность, а некий «актант», делегировавший разработанным технологиям ряд значимых функций, несамодостаточный

в их отсутствие [13]. Таким образом, гибридная форма субъектности, характеризующаяся сращением человека и технологий, подменой в субъектном составе правоотношений реального человека цифровой личностью, может позволить сторонникам трансгуманизма, провозглашающего безграничное совершенствование человека на основе технологических достижений, привести общество к печальному итогу – расчеловечиванию человека, превращению его в постчеловека, который будет совсем другим существом, человека нового типа – Homo informaticus [2] или Homo supertechnologicus [13].

Полагаем, что в условиях формирования концепта цифровых прав требуют осмысления и смысложизненные перспективы личности в цифровом пространстве. И предстоит осмысление того, что собой представляет цифровая личность, является ли она самостоятельным субъектом нового цифрового пространства или все же это лишь еще одна ипостась реальной личности.

Несомненно, теоретико-методологические подходы к понятию цифровых прав продолжают развиваться. Сформировать полный и исчерпывающий перечень цифровых прав сегодня представляется едва ли возможным. Следует осмыслить необходимость разграничения прав личности, которые могут осуществляться как в цифровой, так и в традиционной (реальной) среде, и цифровых прав, существующих только в цифровом пространстве. Полагаем, что недостаточно систематизировать новый перечень цифровых прав, необходимо, чтобы они были связаны с сущностью человека, обеспечивали защиту от необходимости гибридной формы существования, характеризующейся сращением человека и технологий, подменой в субъектном составе правоотношений реального человека цифровой личностью.

В свете вышесказанного полагаем, что сегодня перед юриспруденцией стоит важная задача сохранения базовых правовых ценностей, которые выработаны исследователями в рамках философии права. Для русской философской школы проблема личности занимает едва ли не главенствующее место в учениях ее видных представителей. Теоретическое осмысление проблематики человека и его личностных качеств русскими философами началось

в XIX в. и решалось с позиций как философского материализма (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и др.), так и философского идеализма (Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев и др.) [7, с. 45]. И как подчеркивает Д. Д. Романов, «для русской философии вопрос о личности подразумевает больше, чем рассуждения об эмпирически данном или о социальном элементе, больше, чем антропологический поиск сущности человека, и даже больше, чем философско-религиозные искания. Иными словами, сама онтология в русской мысли уже имеет персоналистический “привкус”, и начала любого знания базируются на личностном основании» [20, с. 140–141]. Это и следует взять за отправную точку поиска концепции цифровых прав личности, смыслообразующим фактором которой должно стать сохранение императива человекоразмерности в праве.

Список использованных источников

1. *Абламейко М. С., Шакель Н. В.* Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 2. С. 19–26.
2. *Абрамов М. Г.* Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127–134.
3. *Баранов П. П.* Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 63–69.
4. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на X Всемирном Русском Народном Соборе «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке». URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1700658&lang=ru> (дата обращения: 31.09.2023).
5. *Горелова Ю. С., Ленков И. Н.* Подходы к определению цифровой трансформации // Modern Science. 2023. № 1–1. С. 80–84.
6. *Гришанин И. К.* Социально-философская концепция права и принуждения: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2006. 210 с.
7. *Ёрмирзоева Ф. А.* Философские проблемы личности в информационном обществе: на примере Таджикистана: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2022. 186 с.
8. *Зиновьева Е. А.* К вопросу о реализации прав и свобод личности в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 4. С. 94–99.
9. *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavati-zashchishchat-cifrovye-pravagrazhdan.html> (дата обращения: 12.08.2022).

10. *Казачанская Е. А.* Аксиологические особенности консервативного правового мышления в эпоху цифровой трансформации общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 34–40.

11. *Ковлер А. И.* Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 12. С. 5–29.

12. *Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С.* Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 3. С. 149–151.

13. *Лешкевич Т. Г.* «Постчеловеческие» эффекты техногенного развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3. С. 106–113.

14. *Минаева А. И.* Цифровые права как элементы правового статуса личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 3А. С. 69–77.

15. *Невинский В. В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

16. *Овчинников А. И.* Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257–261.

17. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л. Н. Данилова, Т. В. Ледовская, Н. Э. Сольнин, А. М. Ходырев // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 2. С. 5–12.

18. *Понкин И. В., Редькина А. И.* К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 340–351.

19. *Рожкова М. А.* Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3–12.

20. *Романов Д. Д.* Социальные концепции личности в философии русского символизма: дис. ... канд. филос. наук. М., 2020. 247 с.

21. *Талатина Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. Н.* Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект. М.: Проспект, 2023. 144 с.

22. Трансформация права в цифровую эпоху / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.

23. *Шахновская И. В.* Эволюция конституционного права в условиях цифровизации // Цифровые технологии и право: сб. науч. трудов I Международной науч.-практ. конф.: в 6 т. Казань: Познание, 2022. Т. 1. С. 531–537.

References

1. *Ablameiko M. S., Shakel N. V.* Digital human rights and prospects for their introduction into legislation // Journal of the Belarusian State University. Right. 2022. No. 2. P. 19–26 [in Russian].
2. *Abramov M. G.* Man and computer: from Homo Faber to Homo Informaticus // Man. 2000. No. 4. P. 127–134 [in Russian].
3. *Baranov P. P.* Constitutional rights and human freedoms in the digital era / P.P. Baranov // North Caucasian Legal Bulletin. 2019. No. 2. P. 63–69 [in Russian].

4. Speech by Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad, Chairman of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate, at the X World Russian People's Council "Faith. Human. Earth. Mission of Russia in the 21st century". Available at: <https://www.mid.ru/tv/?id=1700658&lang=ru> (date of application: 31.09.2023) [in Russian].
5. *Gorelova Yu. S., Lenkov I. N.* Approaches to determining digital transformation // *Modern Science*. 2023. No. 1–1. P. 80–84 [in Russian].
6. *Grishanin I. K.* Socio-philosophical concept of law and coercion: a thesis for the degree of PhD in Philosophy. Nizhny Novgorod, 2006. 210 p. [in Russian].
7. *Yormirzoeva F. A.* Philosophical problems of personality in the information society: the example of Tajikistan: a thesis for the degree of PhD in Philosophy. Perm, 2022. 186 p. [in Russian].
8. *Zinovieva E. A.* On the issue of the implementation of individual rights and freedoms in the conditions of digitalization // *Problems of Economics and Legal Practice*. 2022. Vol. 18, No. 4. P. 94–99 [in Russian].
9. *Zorkin V. D.* Law in the digital world. Available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-pravagrazhdan.html> (date of application: 12.08.2022) [in Russian].
10. *Kazachanskaya E. A.* Axiological features of conservative legal thinking in the era of digital transformation of society // *North Caucasian Legal Bulletin*. 2021. No. 4. P. 34–40 [in Russian].
11. *Kovler A. I.* Anthropology of human rights in the digital era (experience of comparative analysis) // *Journal of Russian Law*. 2022. Vol. 26, No. 12. P. 5–29 [in Russian].
12. *Kudryavtseva T. Yu., Kozhina K. S.* Basic concepts of digitalization // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021. No. 3. P. 149–151 [in Russian].
13. *Leshkevich T. G.* "Posthuman" effects of technogenic development // *State and Municipal Management*. Scientific Notes of the North Caucasus Academy of Public Administration. 2013. No. 3. P. 106–113 [in Russian].
14. *Minaeva A. I.* Digital rights as elements of the legal status of an individual // *Issues of Russian and International Law*. 2021. Vol. 11, No. 3A. P. 69–77 [in Russian].
15. *Nevinsky V. V.* "Digital rights" of a person: essence, system, meaning // *Constitutional and Municipal Law*. 2019. No. 10. P. 26–32 [in Russian].
16. *Ovchinnikov A. I.* Risks in the processes of digitalization of law // *Legal Technology*. 2019. No. 13. P. 257–261 [in Russian].
17. Basic approaches to understanding digitalization and digital values / L. N. Danilova, T. V. Ledovskaya, N. E. Solynin, A. M. Khodyrev // *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2020. No. 2. C. 5–12 [in Russian].
18. *Ponkin I. V., Redkina A. I.* on the issue of the concept and ontology of digital rights // *Perm Legal Almanac*. 2021. No. 4. C. 34–351 [in Russian].
19. *Rozhkova M. A.* Digital rights: public legal concept and concept in Russian civil law // *Economy and Law*. 2020. No. 10. P. 3–12 [in Russian].
20. *Romanov D. D.* Social concepts of personality in the philosophy of Russian symbolism: a thesis for the degree of PhD in Philosophy. Moscow, 2020. 247 p. [in Russian].
21. *Talapina E. V., Antopolsky A. A., Monakhov V. N.* Human rights in the Internet era: public legal aspect. Moscow: Prospekt, 2023. 144 p. [in Russian].
22. Transformation of law in the digital era / Ed. by A. A. Vasilieva. Barnaul: Publishing house of Altay University, 2020. 432 p. [in Russian].
23. *Shakhnovskaya I. V.* Evolution of constitutional law in the context of digitalization // *Digital technologies and law: Collection of scientific papers of the I International Scientific and Practical Conference: in 6 vols.* Kazan: Poznanie, 2022. Vol. 1. P. 531–537 [in Russian].

Дата поступления 09.02.2024

Received February 09, 2024

Конева Дарья Константиновна,
аспирант III курса, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: dariakoneva18@yandex.ru

Koneva, Darya K.,
3rd year postgraduate student, Faculty of Law,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002,
Russian Federation,
email: dariakoneva18@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНСТИТУТА КОНКУРСНОГО ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК ПРИ БАНКРОТСТВЕ

ON THE ISSUE OF THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF CHALLENGING ON BANKRUPTCY SPECIFIC GROUNDS

АННОТАЦИЯ. Работа посвящена исследованию вопроса о правовой природе института конкурсного оспаривания сделок при банкротстве. Приведены различные взгляды на правовую природу конкурсного оспаривания сделок. Проведено сравнение абсолютной и обязательственной теорий оспаривания, рассмотрены их практические и теоретические преимущества и недостатки. Установлено, что обязательственная теория оспаривания сделок в большей степени отвечает потребностям современного гражданского оборота.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банкротство; конкурсное оспаривание; оспаривание сделки; правовая природа; сделка.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Конева, Д. К. К вопросу о правовой природе института конкурсного оспаривания сделок при банкротстве / Д. К. Конева. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 105–110. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-15.

ABSTRACT. The work is devoted to the study of the issue of the legal nature of the institution of competitive contestation of transactions in bankruptcy. Various views on the legal nature of competitive contestation of transactions are presented. Different theories of contestation are compared, their practical and theoretical advantages and disadvantages are considered.

KEYWORDS: bankruptcy; challenging on bankruptcy specific grounds; contesting the transaction; legal nature; transaction.

FOR CITATION:

Koneva, D. K. (2024) On the Issue of the Legal Nature of the Institution of Challenging on Bankruptcy Specific Grounds. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 105–110 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-15.

Институт конкурсного оспаривания играет важную роль в формировании благоприятного предпринимательского климата в нашей стране. По причине того, что всякое признание сделки недействительной является потрясением для гражданского оборота, представляется логичным и закономерным ограничить возможность оспаривания сделок лишь некоторыми исключительными случаями. В этом и заключается сложность правового регулирования института конкурсного оспаривания сделок, основная цель которого состоит в восстановлении имущества должника путем возврата отчужденных имущественных ценностей, а также освобождения конкурсной массы от обязательств, принятых на себя должником недобросовестным образом. Достигается эта цель путем предоставления кредиторам и конкурсному управляющему широких полномочий в части оспаривания сделок. Со стороны представителей предпринимательской деятельности приводятся многочисленные аргументы, свидетельствующие об экономическом вреде, который наносит возможность конкурсного оспаривания сделок должника в том виде, в котором она законодательно закреплена в РФ на сегодняшний день.

В 2009 году Федеральным законом от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13] в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [12] была введена глава III.1, в соответствии с которой кредиторам и конкурсному управляющему предоставлялось право оспаривать сделки должника. Изначальная терминология закона позволила сделать вывод, что речь идет о так называемом абсолютном оспаривании сделок, которое к тому моменту уже существовало в гражданском законодательстве. Судебная практика восприняла данную идею и стала соответствующим образом применять нормы законодательства о банкротстве.

Однако впоследствии все та же судебная практика столкнулась с определенными трудностями в процессе реализации теории абсолютного оспаривания: вопросы с определением объема оспаривания, (не)возможность оспаривания сделки против сингулярного правопреемника, порядок применения правил о реституции и прочее. По этой причине в российской

юридической науке все чаще стала высказываться мысль о том, что правовая природа института оспаривания сделок при банкротстве отличается от правовой природы института оспаривания сделок по общегражданским основаниям. Одновременно с этим значение института конкурсного оспаривания как способа аккумуляции имущества должника возрастает и это тем более обязывает юридическую науку разобраться в его истинной правовой природе.

В поиске альтернативы российские ученые стали обращаться, в том числе, и к опыту зарубежных стран. Среди основных теорий кредиторского оспаривания можно выделить следующие: теория вещного эффекта, теория гарантирующей интересы кредиторов недействительности и обязательно-правовая теория [2, с. 258–267].

Суть теории вещного эффекта состоит в признании приобретения права третьим лицом недействительным, т. е. оно не получает права собственности на имущество. Главный недостаток данной теории заключается в выходе за пределы цели конкурсного оспаривания: для защиты интересов кредиторов достаточно обеспечить им доступ к имуществу должника, не требуется при этом лишать права собственности приобретателя имущества.

Теория гарантирующей интересы кредиторов недействительности пытается объяснить право на оспаривание исходя из смысла и цели оспаривания. Имущество, как бы «неправильно» включенное в состав имущества третьего лица, гарантирует интересы кредиторов должника так же, как когда это имущество являлось собственностью должника. По этой причине третье лицо отвечает этим имуществом перед кредитором. Обосновывая данную теорию, ее сторонник Паулус указывает, что «затронутые оспариванием предметы, неправильно включенные в состав имущества противоположной стороны, гарантируют интересы кредитора в той же мере, как и ранее, когда они еще являлись составной частью имущества должника, и что в соответствии с этим другая сторона отвечает оспоримым приобретением за чужой долг» [2, с. 262].

Однако наибольший интерес у российских цивилистов вызвала теория обязательно-го оспаривания, получившая широкое распро-

странение в таких странах романо-германской правовой семьи, как Германия и Швейцария. Названная теория обязывает третье лицо обеспечить кредиторам должника такое положение, которое они имели бы без совершения оспариваемого правового акта. Далее будут рассмотрены основные отличия обязательственного оспаривания от абсолютного.

При абсолютном оспаривании практически все происходит в соответствии с общегражданскими правилами: сделка признается недействительной, применяются правила о двусторонней реституции, но с той оговоркой, что контрагент отдает вещь в конкурсную массу, не получая обратно денежные средства (как при общегражданских правилах о реституции). Вместо этого он становится в реестр требований кредиторов. При этом очередность удовлетворения требований такого кредитора зависит от основания признания сделки недействительной. Он может быть включен в состав кредиторов третьей очереди либо его требование будет подлежать удовлетворению после кредиторов третьей очереди [11]. Однако даже поверхностный взгляд на статистические данные, в соответствии с которыми удовлетворяются требования лишь 33 % из общего числа кредиторов [1], позволяет понять, что шансы кредиторов третьей очереди на возвращение денежных средств практически равны нулю. Следовательно, у такого контрагента весьма велик риск остаться и без имущества, и без денег. Некоторые ученые объясняют жесткость указанных мер их превентивной эффективностью: другие кредиторы могут отказаться от недобросовестных действий, узнав, какие тяжелые последствия будут им следовать. И все же целесообразность такого регулирования и его оправданность с точки зрения адекватности содеянному весьма спорны. В этом и заключается основное отличие обязательственного оспаривания от абсолютного: при обязательном оспаривании сделка не аннулируется, она остается в силе, но меняет свой характер и преобразовывается в обязательство возвращения полученного из имущества должника. По общему правилу (п. 1 пр. 1 § 143 Положения о Несостоятельности (Insolvenzordnung)) [15], в первую очередь возврату подлежит сам предмет. Однако в случае невозможности возврата вещи в натуре допускается уплата ее стоимо-

сти. Стоимость вещи определяется исходя из стоимости предмета в случае воздержания от оспариваемого действия. Но важно учесть при этом, что и конкурсная масса, в целях предотвращения ее неосновательного обогащения, должна вернуть ответчику полученное.

Впрочем, некоторые отголоски обязательственной теории можно найти и в российском праве. В частности, п. 29.4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» [8] (далее – Постановление Пленума № 63) предусмотрена возможность оспаривать платеж только в части предпочтения. А в п. 29.3 Постановления Пленума № 63 указано, что «...и при сохранении у кредитора предмета отступного, если он в ходе рассмотрения заявления перечислит в конкурсную массу денежные средства в размере обязательств, погашенных с предпочтением, суд отказывает в силу ст. 61.7 Закона о банкротстве в признании сделки недействительной...». Подход суда, который предусматривает возможность сохранить сделку без вреда для конкурсной массы, на наш взгляд, следует всячески приветствовать. Ведь это не только служит стабильности гражданского оборота (так как пусть и с доплатой, но третье лицо все же сохраняет за собой право собственности на приобретенное имущество), но и отвечает интересам самой конкурсной массы – продажа имущества с торгов процесс всегда рискованный и непредсказуемый – зачастую имущество реализуется по цене, заниженной на 20–40 % [1], и далеко не всегда с первой попытки. Следовательно, пополнение конкурсной массы денежными средствами отвечает интересам всех лиц, участвующих в деле о банкротстве. Аналогичным образом рассудил и Арбитражный Суд Центрального Округа в Постановлении от 17 декабря 2020 г. по делу № А08-8668/2018 [4]: доплата ответчиком стоимости имущества в ходе дела спасла сделку от оспаривания.

Другим преимуществом обязательственной теории оспаривания является предоставление возможности оспаривать сделки против сингулярного правопреемника – и таким образом становится возможным оспаривать сделку даже после ликвидации одного из контрагентов в цепочке сделок, так как при обязатель-

ственном оспаривании сделка оспаривается в отношении лица, получившего имущество в натуре или обогатившегося за счет конкурсной массы иным образом. В противном случае любое дальнейшее отчуждение имущества третьим лицом лишало бы кредиторов права на оспаривание. Например, законодательство ФРГ допускает возможность оспаривать сделки против сингулярного правопреемника (§145 Insolvenzordnung), но только при наличии одного из следующих условий:

1. Правопреемнику в момент приобретения были известны обстоятельства, которые обосновывают оспоримость приобретения его правопреемника.

2. Если правопреемник в момент приобретения относился к числу близких для должника лиц, если только ему не было известно в этот момент об обстоятельствах, которые обосновывают оспоримость приобретения его правопреемника.

3. Если правопреемник получил приобретение безвозмездно.

Основание правопреемства по праву ФРГ значения не имеет: это может быть сделка, результат исполнительного производства, правопреемство в силу закона и иные. Однако все предпосылки оспаривания должны сохраняться для всех участников цепочки – если хоть один из приобретателей является добросовестным, то сделка оспариванию не подлежит.

В данном контексте считаем необходимым отметить, что в РФ возможность оспаривания против сингулярного правопреемника – серьезная проблема именно ввиду теории абсолютного оспаривания, положения которой не предусматривают оспаривание против конечного приобретателя. Подобная ситуация логична и объяснима, когда речь идет об общегражданских основаниях признания сделки недействительной, но не отвечает целям конкурсного оспаривания. Редкое исключение допускается при условии аффилированности должника, третьего лица и его правопреемника, либо вследствие вхождения сделки в единую цепочку притворных сделок [5–7].

Наконец, обязательственная теория оспаривания дает основание шире толковать предмет оспаривания при банкротстве, ведь в случае ее применения мы можем не ограничиваться понимаем сделки в рамках ст. 153 ГК РФ. Не раз

уже указывалось в юридической литературе, что предметом оспаривания при банкротстве должны являться не только сделки в их классическом понимании, но также юридические действия и бездействия [14, с. 47–49]. Подобный подход уже достаточно давно реализуется в иностранных правовых порядках: в Германии предметом оспаривания также могут являться юридические действия, понимаемые максимально широко: любое направляемое волей поведение, которое производит юридические последствия и может изменять имущество должника в ущерб его кредиторам [14, с. 47–49]. К ним относятся волеизъявления, сделкоподобные действия и даже реальные акты (например, соединение вещей, смешение, переработка). Тенденцию на расширительное толкование понятия «сделки» в контексте законодательства о банкротстве последовательно поддерживали и ВАС РФ, и впоследствии ВС РФ. В частности, п. 50 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [10] указывает, что для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В качестве примеров ВС РФ приводит гражданско-правовой договор, выдачу доверенности, признание долга, заявление о зачете и т. д. Более того, в п. 2 Постановления Пленума № 63 назван приблизительный перечень оспариваемых при банкротстве сделок, совершенных третьими лицами за счет должника. Современное состояние Закона о банкротстве и иных актов, регулирующих процедуру банкротства, позволяет предположить, что тенденция на допущение оспаривания при банкротстве не только сделок, но и иных действий, а также бездействий должника будет развиваться. Об этом свидетельствует и актуальная практика ВС РФ: в деле № А40-19324/2018 [3] экономическая коллегия ВС РФ обратила свое особое внимание на то, что отказ от иска в конкретном случае объективно влияет на состояние конкурсной массы истца в ущерб интересам его кредиторов, а потому подобное действие может быть оспорено по основаниям, указанным в Законе о банкрот-

стве, с соблюдением процессуальной формы, предполагающей оспаривание сделки через обжалование судебного акта, которым эта сделка утверждена. И в связи с этим мы сталкиваемся с важной доктринальной и правоприменительной проблемой: теоретическая и законодательная основа абсолютного оспаривания не подходит для оспаривания бездействий. Если мы допускаем, что абсолютное оспаривание предполагает признание сделки недействительной и применение соответствующих правовых последствий, как можем мы распространить эту теорию и последствия на бездействие или, как в указанном случае, отказ от иска?

Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества обязательственной теории, и она не является панацеей. Да, опыт иностранных правопорядков и, в частности, немецкого, демонстрирует ее успешное практическое применение. Однако нельзя не учитывать того факта, что в ФРГ иначе выстроена не только классическая система оспаривания, но и система переноса права собственности. Поэтому полное заимствование обязательственной теории оспаривания и внедрение ее в систему российского права – не лучшее решение. Помимо этого, несмотря на то, что обязательственная теория хорошо зарекомендовала себя с точки зрения практической реализации, ее теоретическая разработка не дает ответ на весьма важный вопрос – она не может предложить убедительного обоснования права кредитора на оспаривание. Однако следует рассмотреть возможность интеграции в российский правопорядок некоторых решений обязательственной теории оспаривания, касающихся, в частности, возможности оспаривания против сингулярного правопреемника, а также оспаривания сделки в части предпочтения. Представляется возможным осуществить это даже без внесения изменений в законодательство – лишь задав нужный вектор развития судебной практики. Принципиально же важным на современном этапе развития института конкурсного оспаривания в РФ является подробная и последовательная теоретическая разработка, которая бы позволила определить те основания и пределы, по которым в рамках банкротства допускается оспаривание юридических актов.

Список использованных источников

1. 67 % компаний ничего не платят кредиторам // Право.Ру. Новости. URL: <https://pravo.ru/news/view/145113> (дата обращения: 05.11.2023).
2. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) / пер. с нем. К. А. Усачевой // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 3. С. 205–294.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24.06.2021 № 305-ЭС21-1766 (1, 2) по делу № А40-19324/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=693188#M2Deg3UeIbLbvcBT1> (дата обращения: 08.02.2024).
4. Постановление Арбитражного Суда Центрального Округа от 29 мая 2023 г. по делу № А08-8668/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/iAtNeVstZddQ/?arbitral-txt=&arbitral-case-doc=%D0%9008-8668&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1707386525207 (дата обращения: 08.02.2024).
5. Постановление АС ВВО от 24.05.2021 № Ф01-1726/2021 по делу № А79-12151/2012 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=100387#АН7KZ8U52JaPbCwU> (дата обращения: 08.02.2024).
6. Постановление АС ВСО от 18.10.2021 № Ф02-6282/2020 по делу № А19-7339/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2024).
7. Постановление АС ЦО от 26.03.2019 № Ф10-420/2015 по делу № А62-7344/2013 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=116567#hdALZ8UgF64alUx9> (дата обращения: 08.02.2024).
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 3.
9. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 декабря 2020 г. по делу № А56-38737/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/H7n90XbuHnrr> (дата обращения: 08.02.2024).
10. Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.
11. Улезко А. С. Что такое реестр требований кредиторов? К вопросу о составе, очередности удовлетворения и объеме прав кредиторов. // Цивилистика. 2021. № 2 (март-апрель).
12. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
13. Федеральный закон от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 18 (1 ч.). Ст. 2153.

14. *Шушмарева Т. П.* Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. 239 с.

15. Insolvenzordnung (Deutsch). URL: InsO – nichtamtliches Inhaltsverzeichnis (gesetze-im-internet.de) (дата обращения: 04.11.2023).

References

1. 67 % of companies do not pay creditors anything // *Pravo.Ru. News*. URL: <https://pravo.ru/news/view/145113> (date of application: 05.11.2023) [in Russian].

2. *Kotsiol H.* The basics and controversial issues of challenging the actions of the debtor committed to the detriment of his creditors (beginning) / translated from German by K. A. Usacheva // *Bulletin of Civil Law*. 2017. Vol. 17. No. 3. P. 205–294 [in Russian].

3. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.06.2021 No. 305-ES21-1766 (1, 2) in case No. A40-19324/2018 // Legal reference system “ConsultantPlus”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=693188#M2Deg3UeIbLbvcBT1> (date of application: 08.02.2024) [in Russian].

4. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of May 29, 2023 in case No. A08-8668/2018 // *Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAkt)*. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/iAtNeVstZddQ/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9008-8668&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1707386525207 (date of application: 08.02.2024) [in Russian].

5. Resolution of the AC VVO dated 24.05.2021 No. F01-1726/2021 in case No. A79-12151/2012 // Legal reference system “ConsultantPlus”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=100387#AH7KZ8U52JaPbCwU> (date of application: 08.02.2024) [in Russian].

6. Resolution of the AC of the VSO dated 18.10.2021 No. F02-6282/2020 in case No. A19-7339/2017 // Legal reference

system “ConsultantPlus” (date of application: 08.02.2024) [in Russian].

7. Resolution of the AC of the Central Executive Committee dated 03/26/2019 No. F10-420/2015 in case No. A62-7344/2013 // Legal reference system “ConsultantPlus”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=116567#hdALZ8UgF64aUx9> (date of application: 08.02.2024) [in Russian].

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 23, 2010 No. 63 “On some issues related to the application of Chapter III.1 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2010. No. 3. [in Russian].

9. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated December 24, 2020 in case No. A56-38737/2018 // *Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAkt)*. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/H7n90XbuHnrr> (date of application: 08.02.2024) [in Russian].

10. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2015. No. 8 [in Russian].

11. *Ulezko A. S.* What is the register of creditors’ claims? On the question of the composition, the order of satisfaction and the scope of creditors’ rights. // *Civil Law*. 2021. No. 2 (March-April) [in Russian].

12. Federal law “On insolvency (bankruptcy)” // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 43. Article 4190 [in Russian].

13. Federal Law No. 73-FZ dated 28.04.2009 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2009. No. 18 (1 part). Article 2153 [in Russian].

14. *Shishmareva T. P.* Invalidity of transactions and actions in insolvency proceedings in Russia and Germany. Moscow: Statute, 2018. 239 p. [in Russian].

15. Insolvenzordnung (Deutsch). URL: InsO – nichtamtliches Inhaltsverzeichnis (gesetze-im-internet.de) (date of application: 04.11.2023) [in German].

Поступила в редакцию 09.02.2024

Received February 09, 2024

Мазнев Евгений Сергеевич,
аспирант кафедры теории
и истории государства и права,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права,
308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116 «а»,
email: jursprof@yandex.ru

Maznev, Evgeny S.,
Postgraduate Student of the Department
of Theory and History of State and Law,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law,
116 “a” Sadovaya Str., Belgorod, 308023,
Russian Federation,
email: jursprof@yandex.ru

УСТАВ О БАНКРОТАХ 1740 ГОДА КАК ПОПЫТКА СИСТЕМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

THE BANKRUPTCY STATUTE OF 1740 AS AN ATTEMPT TO SYSTEMATIZE RUSSIAN LEGISLATION ON INSOLVENCY

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы, связанные с первой попыткой в XVIII в. обобщить и систематизировать отечественное банкротное законодательство. Законодательство о несостоятельности в России длительное время находилось за рамками внимания правотворческих органов. По состоянию на начало XVIII в. правовое регулирование банкротства осуществлялось на основании норм, заложенных в Русской Правде и нескольких других более поздних источниках. Ситуация кардинально изменяется с приходом к власти Анны Иоанновны. В статье проанализирован подготовительный этап по формированию Устава о банкротах 1740 года, приведены доктринальные позиции относительно развития законодательства о несостоятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банкротство; купечество; несостоятельность; систематизация; разорение; Анна Иоанновна; этапы развития.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мазнев, Е. С. Устав о банкротах 1740 года как попытка систематизации российского законодательства о несостоятельности / Е. С. Мазнев. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 111–114. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-16.

ABSTRACT. The article discusses issues related to the first attempt in the XVIII century to generalize and systematize the domestic bankruptcy legislation. The insolvency law in Russia has been beyond the attention of law-making bodies for a long time. As of the beginning of the XVIII century, the legal regulation of bankruptcy was carried out on the basis of the norms laid down in the Russian Truth and several other later sources. The situation changes dramatically with the coming to power of Anna Ioannovna. The article analyzes the preparatory stage for the formation of the Bankruptcy Statute of 1740, provides doctrinal positions on the development of insolvency law.

KEYWORDS: bankruptcy; merchant class; insolvency; systematization; ruin; Anna Ioannovna; stages of development.

FOR CITATION:

Maznev, E. S. (2024) The Bankruptcy Statute of 1740 as an Attempt to Systematize Russian Legislation on Insolvency. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 111–114. [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-16.

Длительное время отечественное законодательство о несостоятельности находилось в состоянии забвения. Петровские реформы оказали существенное влияние на изменение хозяйственных отношений в стране и по сути явились некоей предпосылкой для обсуждения актуализации банкротного законодательства, являющегося неотъемлемой частью экономической сферы жизнедеятельности общества.

По указанию императрицы Анны Иоанновны была проведена нормотворческая работа, результатом которой стала подготовка Устава о банкротах 15 декабря 1740 года, явившегося первым кодифицированным актом российского законодательства, посвященным регулированию вопросов несостоятельности. Устав содержал 74 статьи, распределенные в рамках трех разделов.

Интерес к более глубокому нормативному регулированию был продиктован не интересами должников и их социальной реабилитации, а созданием справедливой системы максимального удовлетворения требований кредиторов в условиях увеличения числа банкротств.

В преамбуле к Уставу о банкротах 15.12.1740 отмечается, что его принятие связано с желанием публичной власти обеспечить защиту граждан, выступающих в качестве кредиторов и испытывающих от несостоятельных должников «разорение» [10].

В отсутствие у российского законодателя необходимого опыта в подготовке системного нормативного регулирования института банкротства при подготовке Устава о банкротах 15.12.1740 активно заимствовались правовые предписания зарубежных правовых источников.

Ярким свидетельством изложенного является использование в нормах Устава не только иностранного понятийного аппарата, но даже и определенных юридических конструкций.

В этом нет ничего удивительного, поскольку комплекс правил, разрешающих вопросы между несостоятельным должником и его кредиторами, в европейских странах появился раньше, чем в России.

Вероятно, указанное обстоятельство было одной из причин того, что перед началом законотворческих работ императрица Анна Иоанновна давала следующее написание авторам в Указе от 06.02.1735: «...Собрав из разных

государств права купеческие, учинить устав коммерц-коллегии и подать на рассмотрение в сенат, а из сената подать для апробации Ее Императорскому Величеству» [11, с. 49].

В юридической литературе отмечается, что на рассматриваемом этапе российское законодательство строилось на основе трех направлений:

- использование иностранного законодательства;
- формирование национально-самобытного законодательства;
- канцелярско-кодификационное право.

По мнению Д. В. Герасименко и К. С. Авакян, применение зарубежного законодательства имело место в ситуациях, осложненных иностранным элементом. Авторы позиции отмечают, что существо такого правоприменения предполагало не просто механическое заимствование, а его адаптацию к отечественным реалиям. Однако подобный подход не распространялся на отношения, возникавшие исключительно между российскими субъектами [3, с. 198].

Т. П. Мельник отмечает, что правоприменительный орган в ходе рассмотрения дела о банкротстве мог руководствоваться нормами иностранного законодательства в двух случаях: 1) если между участниками дела достигнуто соглашение о применении иностранного права; 2) если это допускается в силу решения административного решения органа исполнительной власти, принятого по результатам соответствующего обращения кредитора [7, с. 21].

Такие решения действительно многократно принимались Сенатом с указанием на тот или иной иностранный закон, подлежащий применению по делу, в целях разрешения конкретного спорного вопроса. В случае участия в деле кредиторов из различных стран данный вопрос приобретал еще большую актуальность.

Ранее вышеуказанная классификация относительно направлений развития законодательства была приведена исследователем дореволюционной истории правоотношений в области несостоятельности А. Х. Гольмстеном [4, с. 7–8] и воспринята наряду с упомянутыми и иными представителями юридической науки [1, с. 10; 9, с. 8].

Так, в 1720 г. еще в период правления Петра I была создана комиссия о коммерции. Цель об-

разования данного органа состояла в том, чтобы, выступая в качестве законосовещательного органа, комиссия подготовила нормативные акты, определявшие порядок торговой деятельности, в т. ч. предполагалось осветить вопросы банкротного права.

Одним из результатов работы комиссии явилась разработка Купеческого устава 1727 г., в котором оставалось разделение должников на добросовестных и недобросовестных («должники по несчастю» и «должники по вине»). При наступлении банкротства в результате действий должника, которые можно было квалифицировать как осмотрительные, несостоятельному лицу предоставлялись конкретные сроки для восстановления платежеспособности.

В случае недобросовестного банкротства должнику предоставлялось шесть недель для поиска лица, готового выплатить за него необходимые суммы. В течение этого времени должник находился под караулом. При появлении лица, желавшего выкупить долги, должник передавался в услужение новому кредитору.

Если по истечении срока найти «оплатчика» не получалось, то несостоятельное лицо призывалось на военную службу, вознаграждение за которую государство с определенными ограничениями по сумме перечисляло кредиторам. При негодности должника к военной службе к нему могла быть применена только ссылка [8, с. 92].

В Указе от 19.07.1736, принятом уже после объявления законотворческих работ по созданию банкротного устава, регламентировался механизм, имевший своего рода реабилитационный характер.

Например, в случае если должник лично заявлял о собственном банкротстве, предупреждая тем самым возникновение еще большего объема неисполненных обязательств, и выражал согласие на отработку долга, то несостоятельное лицо передавалось частным лицам, которые уплачивали твердую сумму в размере 24 руб. в год за возможность эксплуатации должника. При этом половина из указанной суммы полагалась кредиторам, вторая половина шла на содержание самого должника и обеспечение его жизнедеятельности.

Если в срок, установленный в судебном порядке, погашение долга не состоялось, то

должник получал наказание в виде каторжных работ, оплачиваемых государством с правом выкупа долга частным лицом [6, с. 4].

К 1740 г. во исполнение Указа императрицы Анны Иоанновны Коммерц-коллегией был подготовлен проект банкротного Устава. Наряду с этим альтернативный вариант нормативного регулирования в области несостоятельности граждан был предложен Сенатом. Одобрение получил проект, разработанный президентом Коммерц-коллегии Менгденом [2].

В целом решение Анны Иоанновны отдать вопрос о разработке банкротного устава Коммерц-коллегии оценивалось неоднозначно, поскольку предполагалось, что более разумным решением было бы возложить указанную обязанность на комиссию о коммерции, цель создания которой состояла, в том числе, в подготовке правовых актов в области торговой деятельности и несостоятельности [5, с. 35].

Как следствие общего посыла императрицы, Устав о банкротях 1740 г. вобрал в себя множество положений из зарубежных источников, что прямо подчеркивалось в его преамбуле и было следствием правоприменительной практики, в определенной мере основанной на нормах иностранного законодательства.

В этом контексте следует отметить, что на момент издания Устава о банкротях 15.12.1740 российское законодательство о несостоятельности ограничивалось наличием двух статей в Русской Правде, по одной статье в каждом из Судебников и Соборном Уложении и нескольких норм Указов (Уставов). Возможность применения договоров, заключенных отдельными княжествами в период феодальной раздробленности, вызывала вопросы, в силу чего не являлась однозначной.

Несмотря на централизацию государственной власти и формирование единого законодательного массива в масштабах всей страны, в области банкротства регулирование сохранялось на крайне низком уровне по степени проработанности. В силу приведенного обстоятельства договоры, заключенные отдельными княжествами, как правило, не вступали в противоречие с нормами, сформированными на высшем уровне, а потому могли применяться в соответствующей части субсидиарно.

Очевидно, что до XVIII в. в России не было системы норм, устанавливавших регулирова-

ние разрешения правовых конфликтов между должником и кредиторами. Такая система получила свое оформление только в результате принятия Устава о банкротях 15.12.1740.

Список использованных источников

1. Алферова Л. М. Несостоятельность (банкротство) физических лиц: тенденции развития механизма банкротства граждан. М.: Статут, 2018. 160 с.
2. Виноградова Е. Ю., Буник Е. И. Институт банкротства в России. Этапы становления и развития // URL: <https://tbplaw.com/data/423-007%20Institut%20bankrotstva%20v%20Rossii.%20Etapy%20stanovleniya%20i%20razvitiya.pdf> (дата обращения: 14.07.2023).
3. Герасименко Д. В., Авакян К. С. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 19. С. 197–200.
4. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. 292 с.
5. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / под ред. А. Г. Смирных. 2-е изд. М.: Издание книг ком, 2019. 288 с.
6. Захаров В. В. Реформирование личных способов принудительного исполнения судебных решений по гражданским делам в России в XVIII в. // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/14> (дата обращения: 18.07.2023).
7. Мельник Т. П. Хронологические аспекты отношений несостоятельности (банкротства) в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. № 3. С. 20–25.
8. Сперанская Ю. С. Дореволюционное законодательство о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 11. С. 90–92.
9. Сперанская Ю. С. Институт несостоятельности (банкротства) в России XI – начала XXI века (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 203 с.
10. Уставъ о Банкротахъ – 1740 г. // Национальная ассоциация специалистов по банкротству и управлению проблемными активами «Банкротный Клуб». Библиотека. URL: <https://bankruptcyclub.ru/2019/12/20/1740ustav> (дата обращения: 19.07.2023).
11. Фольгерова Ю. Н. Русское конкурсное право XI–XVIII вв.: к вопросу о необходимости рецепции //

Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 49–51.

References

1. Alferova L. M. Insolvency (bankruptcy) of individuals: trends in the development of the mechanism of bankruptcy of citizens. M.: Statute, 2018. 160 p. [in Russian].
2. Vinogradova E. Yu., Bunik E. I. Institute of Bankruptcy in Russia. Stages of formation and development // URL: <https://tbplaw.com/data/423-007%20Institut%20bankrotstva%20v%20Rossii.%20Etapy%20stanovleniya%20i%20razvitiya.pdf> (date of application: 14.07.2023) [in Russian].
3. Gerasimenko D. V., Avakian K. S. Formation and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in the Russian Federation // Young Scientist. 2019. No. 19. P. 197–200 [in Russian].
4. Golmsten A. H. Historical sketch of the Russian competitive process. St. Petersburg, 1888. 292 p. [in Russian].
5. Golmsten A. H. A historical sketch of the Russian competitive process / edited by A. G. Smirnykh. 2nd ed. M.: Edition of books com, 2019. 288 p. [in Russian].
6. Zakharov V. V. Reforming personal methods of compulsory enforcement of judgments in civil cases in Russia in the XVIII century // Scientific notes. Electronic journal of Kursk State University. 2010. No. 2. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/14> (date of application: 18.07.2023) [in Russian].
7. Melnik T. P. Chronological aspects of insolvency (bankruptcy) relations in pre-revolutionary Russia // Economic Bulletin of the Rostov State University. 2006. No. 3. P. 20–25 [in Russian].
8. Speranskaya Yu. S. Pre-revolutionary legislation on insolvency (bankruptcy) // Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy. 2016. No. 11. P. 90–92 [in Russian].
9. Speranskaya Yu. S. Institute of insolvency (bankruptcy) in Russia of the XI – beginning of the XXI century (historical and legal research): dis. ... cand. Jurid. sciences. Vladimir, 2008. 203 p. [in Russian].
10. The Statute of Bankrupts – 1740 // National Association of Specialists in bankruptcy and management of distressed assets “Bankrupt Club”. Library. URL: <https://bankruptcyclub.ru/2019/12/20/1740ustav> (date of application: 19.07.2023) [in Russian].
11. Folgerova Yu. N. Russian competition law of the XI–XVIII centuries: on the issue of the need for reception // Theory and practice of social development. 2007. No. 2. P. 49–51 [in Russian].

Поступила в редакцию 20.02.2024

Received February 20, 2024

Напольских Инна Михайловна,
адъюнкт кафедры теории государства и права,
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя,
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12,
email: inna.napolskix@mail.ru

Napolskikh, Inna M.,
Junior Scientific Assistant of the Department
of Theory of State and Law,
MosU of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot,
12 Akademika Volgina Str., Moscow, 117997,
Russian Federation,
email: inna.napolskix@mail.ru

ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ

THE PHENOMENON OF TRUST IN RELIGIOUS AND LEGAL SYSTEMS

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности доверия к праву в религиозных правовых культурах. Высказывается предположение о влиянии особенностей правовой культуры на характер формирования и проявления доверия общества к праву. Обозначаются духовные детерминанты правовых культур, которые связаны с доверием. Автор отмечает, что доверие имеет инструментальную ценность в каждой из рассмотренных правовых систем. Его значение преобладает в вопросах частного характера, договорного права. Также подчеркивается, что современный этап общественного развития характеризуется взаимодействием правовых культур. Ряд категорий, которые относятся к универсальным, не сочетаются с базовыми установками конкретных правовых культур. Стирание границ между различными культурами не отменяет фактор их самобытности. Если не принимать во внимание характерные черты отдельной правовой культуры, невозможно сформировать адекватное восприятие правовой действительности в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доверие; доверие в праве; религиозные правовые культуры; религиозные доктрины; право; мораль; честь; достоинство; свобода; вера; традиционализм; преданность; смирение; повиновение.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Напольских, И. М. Феномен доверия в религиозных правовых культурах / *И. М. Напольских.* – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 115–122. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-17.

ABSTRACT. The article examines the features of trust in law in religious legal cultures. An assumption is made about the influence of the peculiarities of legal culture on the nature of the formation and manifestation of public confidence in the law. The spiritual determinants of legal cultures that are associated with trust are indicated. The author notes that trust has an instrumental value in each of the legal systems considered. Its importance prevails in matters of a private nature, contract law. It is also emphasized that the current stage of social development is characterized by the interaction of legal cultures. A number of categories that are universal are not compatible with the basic attitudes of specific legal cultures. The blurring of boundaries between different cultures does not negate the factor of their identity. If we do not take into account the characteristic features of a particular legal culture, it is impossible to form an adequate perception of legal reality as a whole.

KEYWORDS: trust; trust in law; religious legal cultures; religious doctrines; law; morality; honor; dignity; freedom; faith; traditionalism; devotion; humility; obedience.

FOR CITATION:

Napolskikh, I. M. (2024) *The Phenomenon of Trust in Religious and Legal Systems.* *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* 11(1): 115–122 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-17.

Доверие является многогранной категорией, имеющей в своем основании комплекс различных оснований. Единство права и морали, заключенное в человеческой культуре, дает возможность рассмотрения доверия в правовом пространстве. При этом, как правовой феномен, доверие представляет собой основанное на сочетании рациональных и иррациональных факторов, положительное отношение субъекта, сформированное при отсутствии давления и связанное с объективно обусловленным ожиданием реализации желаемых (предполагаемых) исходов в рамках взаимодействия с субъектом или системой.

Формирование полноценного представления о доверии в праве связано с необходимостью учета многообразия его проявлений. Целесообразность рассмотрения доверия в религиозных правовых культурах также связана с близостью рассматриваемого феномена к категории веры, которая служит «объяснением человеческого поведения» [27, с. 31]. Актуальность изучения данной проблемы, в числе прочего, обуславливается обращением внимания ученых на отдельные ее аспекты. В частности, особенности правовых культур подробно рассматриваются в трудах таких ученых, как А. И. Овчинников [9], Р. А. Ромашов [17], К. Е. Сигалов [16] и др.

Каждая правовая культура уникальна, в значительной мере связана со степенью развития конкретного общества [24]. Правовая культура – это та самая культура-наследие либо культурная ментальность, которая предполагает традиционно выработанное отношение к правовым регуляторам, правовым отношениям, правосудию [13]. Объединение в правовые культуры обусловлено наличием общих фундаментальных черт. Религиозные правовые культуры имеют следующие особенности:

- представления о религиозных и нравственных нормах и ценностях в качестве правовых норм;
- полным спектром правомочий наделяются только адепты конкретной конфессии;
- границы между публичным и частным правом часто размыты [14, с. 337].

Как известно, «все древние системы писаного права имели религиозную основу» [23, с. 452]. Это не удивительно, ибо все мысли и действия человека в Древности и Средневековье были

глубоко теоцентричны, т. е. по-другому, собственно, и быть не могло.

Одним из самых древних и в то же время реально действующих является иудейское право, особенностями которого являются его первоначальный характер, реальное действие и оказание влияния на другие правовые культуры [19]. В его основе лежат доктринальные положения о письменном законе; заповедях и предписаниях; устном законе; поучениях скрибов и обычаях.

Установления иудейского права не ограничиваются описанием религиозных аспектов, касаются различных сфер жизнедеятельности и затрагивают все отрасли права. Они содержат спектр социальных норм: правовых, религиозных, моральных, эстетических [18]. Древние евреи, в отличие от других древних народов, не обожествляли своих правителей, их власть была ограничена «наличием целого пакета юридических документов о ее пределах. В основании этого пакета лежал договор, который вновь избранный царь, согласно традиции, при вступлении на престол, заключал с народом» [16, с. 327], и по которому он обязывался исполнять все законы, определяющие пределы его власти.

Соблюдение правовых предписаний имманентно правосознанию иудеев. Отношение к праву складывается не только в результате установки о его божественном происхождении, но и согласии с правовыми установлениями, которое является результатом логических заключений. Поэтому нельзя говорить о безусловном доверии праву, для доверия есть основание – убеждение, которое подкреплено логическими умозаключениями. Нормы иудейского права согласуются с реальными жизненными установками и потребностями, в результате чего не возникает ситуации, когда отношение к праву в целом расходится с отношением к каким-либо конкретным установлениям, которые обходятся путем применения различных инструментов.

В иудейском праве особое внимание уделено договору. Так, отношения между Богом и Авраамом (и его потомками) обозначены понятием «брит», которое подразумевает соглашение. С помощью его заключения между неравными изначально субъектами возникают взаимные обязанности [10]. Элемент соглашения отра-

жен также в ветхозаветных сюжетах. Это договоры с Адамом, Ноем, Моисеем [25]. Данный договор обуславливает возникновение доверия к праву, в том числе благодаря признанию ответственности за его соблюдение (т. е. доверие к праву и соблюдение правовых установлений взаимосвязаны с категориями чести и порядочности).

Практическая целесообразность и верификация всего сущего была реальностью жизни Древнего Израиля. Марвин Уилсон отмечает: «В отличие от высших классов в Древней Греции, евреи никогда не считали физический труд заслуживающим презрения. Наоборот, самоотверженный труд рук человеческих мог восславить Создателя. В противоположность прочим религиям, искавшим, чтобы избежать страданий этого материального мира в пользу райских наслаждений духовного мира, иудаизм упорно сосредоточивался на сущем мире плоти и крови. Поэтому законами иудаизма охвачены такие стороны обыденной жизни, как питание, отношения полов и обработка земли. Заповеди эти отражают потребность в освящении целостности сущего опыта человека» [12]. Иудаизм предусматривает приоритет «горизонтальных» связей в обществе над «вертикальными», что увеличивает и доверительные отношения между людьми.

Иудейская правовая культура характеризуется высокой степенью доверия к суду. Такое восприятие правосудия детерминировано историческим сознанием древнеиудейского народа. Как отмечает А. И. Овчинников, «судебная власть изначально формировалась в качестве независимой, судьи позиционировались как люди, способные, боящиеся Бога, правдивые, ненавидящие корысть» [9, с. 155].

Так, доверие в иудейском праве связано с логическим объяснением и признанием установлений (доверие на основе согласия), отношение к праву в целом и к отдельным его предписаниям не отличается. В вопросах договорных правоотношений доверие играет чрезвычайно важную роль и коррелируется с категориями чести, репутации, выполняя функцию основания для вступления в правоотношение (инструментальная функция доверия).

Исламская правовая культура распространяется на страны Ближнего Востока, Африки, Азии (Индонезия, Сомали, Иран, Ирак, Судан,

Сирия, Пакистан, Саудовская Аравия, Афганистан и т. д.) и характеризуется наличием серьезного влияния традиций ислама. Как правило, в государствах с исламской правовой культурой ислам установлен в качестве государственной религии [21]. Это обуславливает восприятие права не просто в качестве совокупности нормативных предписаний, но и универсальной политико-правовой доктрины [23]. Коран, а также Сунна, Ижма и Фетвы являются основными источниками права. Религиозные тексты не содержат конкретных нормативных предписаний, но обозначают общий вектор моделей должного поведения.

Доктринально Сунна представляет собой сборник толкований Священного Писания от лица авторитетных богословов, она наравне с Библией является значимым правовым источником, но также не имеет конкретных установлений нормативного характера [11]. Отсутствие в Коране и Сунне положений о должном поведении в ситуациях, представляющих особую важность для общественных отношений, обусловило необходимость их регламентации. Данные нормы исходили от правителя и помещались в тексты Ра'я1 и Иджмы. Обычаи также являются источником права, это распространяется как на общепризнанные, так и местные традиционные установления.

Тесная взаимосвязь исламского права с религией и моралью определяет сближение категорий веры и доверия. Разграничение данных понятий проблематично. В правосознании исламского общества право имеет сакральное значение. При этом некоторые положения священных текстов обходятся благодаря различным приемам толкования права. К примеру, в Коране установлен запрет на ростовщичество, однако кредитные правоотношения в странах исламского права применяются довольно активно. Это связано с ограничительным толкованием круга лиц, на которых запрет распространяется: в данную категорию не входят банки и соответствующие юридические лица [24]. В исламской правовой культуре отношение к праву в целом и к отдельным его нормам неодинаково, что связано не с отсутствием доверия к конкретным установлениям, а скорее сложностью их соотнесения и исполнения в условиях социальной действительности.

¹ Свободное индивидуальное суждение.

Кредит является экономической демонстрацией доверия [26]. В данном случае доверительные отношения напрямую связаны с правовыми гарантиями, которыми обеспечен договор, доверие образуется в силу оснований, а не в связи с наличием руководящих начал о доверии в структуре правосознания. Исследуемый феномен в данном случае выступает в роли инструмента, способствующего заключению договора.

Гарантирование в исламском праве включает категорию «аман», напрямую связанную с феноменом доверия, это некая «гарантия безопасности, которую мусульманин дает врагу, обычно немусульманину» [19]. Данное понятие нашло свое отражение в исламском договорном праве в виде доверительных договоров ('uqūd Аль-amānāt) и гарантий на основе договоров ('uqūd Аль-ḍamānāt) [23].

В русском языке категория «аманат» чаще употребляется, когда речь идет о заложнике [22]. История свидетельствует о широком распространении данного явления в сфере международных отношений России со странами исламского права. «Дипломатическое заложенность продолжало иметь в османско-кабардинских и кабардино-кумыкских отношениях на протяжении XVI–XVII вв.» [28]. Заложник представлял собой гарантию соблюдения договора или выполнения обещания, что является примером действия инструментальной функции доверия, состоящей в обеспечении эффективного взаимодействия сторон.

Таким образом, доверие в исламском праве имеет сакральную природу, поэтому оно безусловно (по аналогии с верой в Бога). Но когда мы обращаемся к вопросу доверия, рассматривая реализацию права, обнаруживаем черты, свойственные странам нерелигиозных правовых семей: наличие оснований для доверия и гарантий. Такая двойственность характеристики исследуемого феномена связана с двойственностью исламских устоев в целом. В исламском мире «вера давала учение, а священный закон предписывал, по какому пути они должны идти, как они должны действовать и поступать» [17].

В Индии до сих пор существуют две параллельные правовые системы – общее право (национальное право Индии) и индуское право (право, используемое индуистской частью на-

селения) [20]. Индуизм характеризуется совокупностью систем верований, характеризующихся спектром инакомыслия и несогласия, а сконструированные единообразия индуистского права и культуры, будь то древние или нынешние, не соответствуют особенностям современной реальности. Незападные правовые порядки не только актуальны, но и приобретают все большее значение во множественном глобальном мире [8]. Для индуистского права характерны следующие особенности:

1. Оно представляет собой скорее свод законов, чем единое целое. Некая размытость присуща в том числе руководящим базовым началам.

2. Наличие составляющих элементов из различных слоев прошлого и настоящего, которые находятся во взаимосвязи и развиваются непрерывно.

3. Существование многомерных внутренних противоречий внутри индуистского права.

4. Ситуационная относительность любого отдельного правила или утверждения [8].

Индуистское право – явление сложное, содержащее в себе множество различных противоречий. Понимание его сущности едва ли может быть сопряжено с попытками приведения к структурному виду, что во многом обусловлено отсутствием четкой системы права. Многие формулировки размыты, имеют общий, руководящий характер и нередко вступают в противоречие друг с другом. Попытки государства привести законодательство в соответствие с системой встретили волну сопротивления со стороны общества [25]. Установления индуистского права действуют в отношении ограниченного круга лиц – индуистов. Отнесение субъекта права к данной категории связано с наличием ряда условий, которые были сформулированы в позиции Верховного суда Индии. В частности:

1. Признание и почитание Вед в качестве высшего источника, касающегося религиозных и философских аспектов, уважительное отношение к трактовке Вед, сформулированной индуистскими мыслителями и философами, в качестве единственной базовой составляющей индуистской философии.

2. Толерантность и ориентированность на понимание и положительную оценку позиции оппонентов, содержащей в своей основе признание многостороннего характера истины.

3. Признание цикличности мирового процесса развития.

4. Вера в теорию реинкарнации и предшествующих рождений.

5. Признание многообразия путей к спасению.

6. Понимание, что вера и поклонение Богам может иметь различные проявления.

На протяжении многих веков индуское право, в том числе светское, получало развитие на базе четырех источников религиозного права. К их числу относятся Веды, Священные писания, добродетельные обычаи и добрые нравы [26]. Индуизм и предписания, возникшие на его основе, несмотря на исторические условия, демонстрировали свою жизнеспособность [20]. Проявление доверия в индуском праве имеет столь же многогранный характер, как и рассматриваемая правовая культура в целом. Диапазон его значимости для эффективности действия правовых предписаний имеет неодинаковый уровень и зависит от разновидности правоотношений.

Роль доверия незначительна, если вопрос касается традиционных устоев, сформулированных императивно. Традиционализм чрезвычайно силен в индуском обществе. Ярким примером тому является варно-кастовая система, которая, возникнув в древности, не теряет своей жизнеспособности сегодня. Обозначенный общественный уклад закреплен на конституционном уровне, определены права и обязанности представителей различных сословий. Безальтернативность данных установлений позволяет говорить о незначительной роли доверия в вопросе эффективности их действия. Правовые предписания реализуются должным образом в связи с наличием ограничений и невозможностью отклонений от установлений, затрагивающих аспекты кастовой принадлежности. «Императивный характер права самоочевиден, но некоторые правовые понятия несут особый смысл, ибо их организационно-функциональный строй в огромной мере определяет не только архитектуру правосознания, но и ментальность субъектов права, выстраивает их отношения между собой» [15].

Существенное значение доверие имеет в вопросах, касающихся доверительной собственности, брачно-семейных отношений, насле-

дования имущества. Это связано с тем, что на протяжении длительного времени данные правоотношения совершенно не регулировались законодательно, поскольку попадали под действие положений ритуального и религиозного поведения [27]. Впоследствии определенные положения, касающиеся обозначенных вопросов, отразились в законодательстве в виде диспозитивных норм. Они определяют общее направление действий в той или иной ситуации, но оставляют долю свободного пространства для самостоятельного урегулирования вопросов участниками правоотношений. То есть доверие возникает в свободных пространствах системы [7].

В индуском праве особое значение имеет судебный прецедент. В силу их широкого распространения степень прогнозируемости результата судебного процесса является высокой. Доверие к суду и праву в целом повышается, а как следствие – возрастает эффективность его действия, что является примером инструментального проявления доверия в индуском праве.

Отношение к праву в целом имеет сакральный характер и в большей степени коррелируется с категориями «уклад», «традиционализм». «Особенно сильна роль традиций и обычаев в жизни сельского населения, каст и племен. При разрешении споров на уровне общин часто применяются панчатные суды, которые в своей деятельности ориентируются на традиционные идеалы справедливости, дхармы, этические и религиозные представления, в значительной мере подверженные влиянию общественного мнения» [20, с. 232].

Большая часть китайских правителей на протяжении многовековой истории Китая придерживались норм этого философско-правового учения, а те немногочисленные правители, которые боролись с конфуцианством, неминуемо терпели крах. Современные китайские лидеры относятся к Конфуцию с глубоким почтением. Применительно к конфуцианству доверие рассматривается как основа взаимоотношений между людьми. «Так, Закон Китая от 15 марта 1999 г. “О договорах” указывает, что при заключении и исполнении договоров стороны должны соблюдать не только требования законодательства и административных актов, но и нормы общественной морали (ст. 7). По своей

сути это конфуцианский подход к регламентации договорных отношений» [20, с. 74]. Доверие коррелируется с понятиями самоконтроля, ответственности, самоограничения.

В Китае категории «фа» (право) и «ли» (мораль, честь и достоинство) тесно связаны между собой. «В наиболее общем виде “ли” можно понимать как обозначение принципа взаимовыгодного сотрудничества, а “фа” – как обозначение принципа принуждения. В зависимости от искусства лавирования между этими полюсами политической практики зазор между ними может существенно варьироваться» [6]. Доверие влияет на эффективность действия права тогда, когда регулирование общественных отношений преимущественно происходит путем сотрудничества. На протяжении истории Китая соотношение «ли» и «фа» изменялось, соответственно, трансформировалась роль доверия.

В Японии синтоизм является частью культуры и традиций страны. Для прав данного государства характерно сочетание традиционных ценностей западного конституционализма и синтоистских по своему содержанию и духу норм. Особенно ярко влияние синтоизма прослеживается в правовых обычаях и традициях, а также договорных правоотношениях, которые, в отличие от западного права, лишены чрезмерной нормированности. «Японцы ограничивают содержание договора лишь основополагающими моментами, а в случае возникновения каких-либо проблем конкретные права и обязанности сторон определяются путем переговоров. Для поддержания гибких договорных отношений необходимо существование хороших связей между сторонами, их повседневное общение и действие норм “гири”» [20, с. 613]. Данное обстоятельство указывает на высокую роль доверия в вопросе эффективной реализации правовых предписаний в части, касающейся договорных правоотношений. Моральная составляющая первична, она формирует установки на подчинение закону. Доверие коррелируется с категориями «преданность», «смирение», «повиновение».

Таким образом, действительно, современный этап общественного развития характеризуется взаимодействием правовых культур. Ряд категорий, которые относятся к универсальным, не сочетаются с базовыми установ-

ками конкретных правовых культур. Стирание границ между различными культурами не отменяет фактор их самобытности. Отношение к праву в религиозных правовых культурах обусловлено убеждением о его божественном происхождении. Духовные детерминанты, с которыми доверие коррелируется, различны. В иудейском – «свобода, честь и достоинство», в исламском праве – это «вера», в индуистском – «традиционализм», в китайском – «самоконтроль», «ответственность», «самоограничение», в японском – «преданность», «смирение», «повиновение».

Список использованных источников

1. Беспалько В. Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. 493 с.
2. Григорян М. Г. Ссудный процент в исламе // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 32-2. С. 74–76.
3. Калинина Е. В. Ветхозаветная версия теории договора // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 97–105.
4. Крашенинникова Н. А. Индуистское право. История и современность. М., 1982. С. 21–22.
5. Крашенинникова Н. А. Индуистское право: историческая преемственность и границы применения // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1978. № 5. С. 31.
6. Мартыненко Н. П. «Ли» и «Фа» – полярные категории китайской социальной философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. № 1. С. 51–63.
7. Проблема доверия / Адам Селигмен; пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 254 с.
8. Менски Вернер Ф. Индуистское право, юриспруденция в области прав человека и правосудие в современной Индии // Индийский журнал юридических наук. 2003. № 1. С. 1–28.
9. Овчинников А. И. Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852–1904): монография. М.: Проспект, 2020. 272 с.
10. Прудникова Ю. Г. Иудейское право как разновидность религиозно-правовой семьи и его положение в современном праве Израиля // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 256–266.
11. Рассказов Л. П. Возникновение и развитие мусульманского права и его основных источников. Влияние вестернизации на правовые системы мусульманских стран и исламизации на страны романо-германской и англосаксонской правовых семей // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 111. С. 173–191.
12. Религии мира: справочное издание. М.: Белфакс, 1994. 465 с.

13. Ромашов Р. А. Правовые культуры России и Запада: параллели и пересечения // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 250–252.
 14. Ромашов Р. А. Правогенез: традиция, воля, закон: коллективная монография / под ред. Р. А. Ромашова. СПб.: Алетейя, 2021. 480 с.
 15. Сигалов К. Е. Императивные основания правового сознания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. № 1 (9). С. 43–50.
 16. Сигалов К. Е. Среда права: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. М., 2010. 500 с.
 17. Сигалов М. К. Общее и особенное в западноевропейской и мусульманской правовой культуре: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. 184 с.
 18. Сигалов М. К. Целеустановки логики правосознания иудейского права // История государства и права. М.: Юрист, 2006. № 9. С. 39–41.
 19. Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
 20. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред. В. И. Лафитского. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2013. 704 с.
 21. Старостина С. А. Современные проблемы и перспективы развития мусульманского права и государства // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 2 (28). С. 25–26.
 22. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] В. И. Даля. Ч. 1–4. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866. 4 т. 812 с.
 23. Asmadi Mohamed Naim, Muhammad Nasri Md. Hussein Mohamad Noor Habibi Long, Mahyuddin Abu Bakar Shari'ah Appraisal of the Concepts of *Ḍamān*, *Taqṣīr*, and *Ta'addī* in Trust-Based Contracts (*'Uqūd al-amānāt*) // JKAU: Islamic Econ. Vol. 29 № 1. P. 3–20 (January 2016). DOI: 10.
 24. *Black D.* The Behavior of Law. N.Y, 1976. 175 p.
 25. Constituent Assembly of India. Legislative Debates. 17th November, 1947. Vol. 1. P. 41 (Speech of Mr. Naziruddin Ahmad).
 26. Homo Deus. Краткая история будущего / Юваль Ной Харари; [пер. с англ. А. Андреева]. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
 27. *Kolosov I., Sigalov K.* Epistemological Foundations of Early Legal Utilitarianism // WISDOM. 2020. 1(14). P. 31–45.
 28. *Ozova F. A.* To the etymology of historism «*Amanat*» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 4 (182). С. 45–54.
- ### References
1. *Bespalko V. G.* The doctrine of crime and punishment in the Pentateuch of Moses: dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2017. 493 p. [in Russian].
 2. *Grigoryan M. G.* Loan interest in Islam // Eurasian Union of Scientists. 2016. No. 32-2. P. 74–76 [in Russian].
 3. *Kalinina E. V.* The Old Testament version of the theory of contract // Leningrad Law Journal. 2012. No. 1. P. 97–105 [in Russian].
 4. *Krashenninnikova N. A.* Hindu law. History and modernity. Moscow, 1982. P. 21–22 [in Russian].
 5. *Krashenninnikova N. A.* Hindu law: historical continuity and boundaries of application // Bulletin of the Moscow University. The series "Law". 1978. No. 5. P. 31 [in Russian].
 6. *Martynenko N. P.* "Li" and "Fa" – polar categories of Chinese social philosophy // Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy. 2015. No. 1. P. 51–63 [in Russian].
 7. The problem of trust / Adam Seligman; translated from English by I. I. Murberg, L. V. Soboleva. Moscow: Idea Press, 2002. 254 p. [in Russian].
 8. *Menski Werner F.* Hindu Law, Human Rights jurisprudence and justice in Modern India // Indian Journal of Legal Sciences. 2003. No. 1. P. 1–28 [in Russian].
 9. *Ovchinnikov A. I.* God. Man. The Constitution. The Biblical Philosophy of Law in the Scientific Heritage of A. P. Lopukhin (1852–1904): monograph. Moscow: Prospect, 2020. 272 p. [in Russian].
 10. *Prudnikova Yu. G.* Jewish law as a kind of religious and legal family and its position in modern Israeli law // Actual problems of law: materials of the IV International Scientific Conference (Moscow, November 2015). Moscow: Buki-Vedi, 2015. P. 256–266 [in Russian].
 11. *Rasskazov L. P.* The emergence and development of Muslim law and its main sources. The influence of Westernization on the legal systems of Muslim countries and Islamization on the countries of the Romano-German and Anglo-Saxon legal families // Scientific Journal KubGAU. 2015. No. 111. P. 173–191 [in Russian].
 12. Religions of the world: reference edition. Moscow: Belfax, 1994. 465 p. [in Russian].
 13. *Romashov R. A.* Legal cultures of Russia and the West: parallels and intersections // Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: VIII International Likhachev Scientific Readings, May 22–23, 2008, St. Petersburg, 2008. P. 250–252 [in Russian].
 14. *Romashov R. A.* Pravogenesis: tradition, will, law: a collective monograph / edited by R. A. Romashov. St. Petersburg: Aleteya, 2021. 480 p. [in Russian].
 15. *Sigalov K. E.* Imperative foundations of legal consciousness // Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences. 2017. No. 1 (9). P. 43–50 [in Russian].
 16. *Sigalov K. E.* Environment of law: dis. ... Doctor of Law: 12.00.01. Moscow, 2010. 500 p. [in Russian].
 17. *Sigalov M. K.* The common and special in Western European and Muslim legal culture: dissertation ... PhD in Law: 12.00.01. Moscow, 2006. 184 p. [in Russian].
 18. *Sigalov M. K.* Goal-setting logic of the legal consciousness of Jewish law // History of state and Law. Moscow: Lawyer, 2006. No. 9. P. 39–41 [in Russian].
 19. Dictionary of foreign words: [more than 4,500 words and expressions] / N. G. Komlev. Moscow: Eksmo, 2006. 669 p. [in Russian].
 20. Comparative law: national legal systems. Vol. 3. Legal systems of Asia / edited by V. I. Lafitskiy. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government

of the Russian Federation; Law Firm “Contract”, 2013. 704 p. [in Russian].

21. *Starostina S. A.* Modern problems and prospects of development of Muslim law and the state // The rule of law: theory and practice. 2012. No. 2 (28). P. 25–26 [in Russian].

22. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / [Op.] V. I. Dal. Part 1–4. Moscow: About lovers of Russian literature, ed. at Imp. Moscow. Univ., 1863–1866. 4 vol. 812 p. [in Russian].

23. Asmadi Mohamed Naim, Muhammad Nasri Md. Hussein Mohamad Noor Habibi Long, Mahyuddin Abu Bakar Shari‘ah Appraisal of the Concepts of Ḍamān, Taqṣīr, and Ta‘addī in Trust-Based Contracts (‘Uqūd al-amānāt) // JKAU: Islamic Econ. Vol. 29. No. 1. P. 3–20 (January 2016). DOI: 10 [in English].

24. *Black D.* The Behavior of Law. N.Y, 1976. 175 p. [in English].

25. Constituent Assembly of India. Legislative Debates. 17th November, 1947. Vol. 1. P. 41 (Speech of Mr. Naziruddin Ahmad) [in English].

26. *Homo Deus. A brief history of the Future / Yuval Noah Harari*; [trans. from the English by A. Andreeva]. Moscow: Sinbad, 2018. 496 p. [in English].

27. *Kolosov I., Sigalov K.* Epistemological Foundations of Early Legal Utilitarianism // WISDOM. 2020. Vol. 1(14). P. 31–45 [in English].

28. *Ozova F. A.* To the etymology of historism “Amanat” // Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2014. No. 4 (182). P. 45–54 [in English].

Поступила в редакцию 26.02.2024

Received February 26, 2024

Стыценко Роман Андреевич,
аспирант, Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 69,
email: roma98-7@bk.ru

Stytsenko, Roman A.,
graduate student, Rostov State University
of Economics (RINH),
69 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: roma98-7@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕФЕКТОВ В ЗАКОНО- ДАТЕЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЛАТФОРМЫ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РФ

ON THE ISSUE OF OVERCOMING DEFECTS IN THE LEGISLATIVE SUPPORT FOR THE FUNCTIONING OF THE DIGITAL RUBLE PLATFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся законодательного регулирования обращения цифрового рубля. Автор анализирует действующее законодательство, выявляется ряд проблем, сложностей в процессе внедрения цифрового рубля, которые требуют внимания и разрешения со стороны законодателя. Отмечается, что интересы государства и общества при введении в обращение цифрового рубля должны быть соблюдены, а принцип равновесия (баланса) интересов различных субъектов конкретно закреплен в федеральных законах. Автор обращает внимание на содержание договора счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля, в котором присутствует неясность формулировки в части возможности заключения договора, что может влиять на оценочный результат интерпретации фрагмента текста договора. Имеющиеся на сегодняшний день нормативно-правовые недостатки, пробелы препятствуют эффективной реализации и применению норм права, а также достижению целей правового регулирования обращения цифрового рубля. Автором по итогам проведенного исследования сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в области цифрового рубля, внесены предложения по доработке нормативно-правовых актов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: договор счета цифрового рубля; оператор платформы цифрового рубля; платформа цифрового рубля; правовое регулирование цифрового рубля; цифровой рубль.

ABSTRACT. The article discusses issues related to the legislative regulation of the circulation of the digital ruble. The author analyzes the current legislation, identifies a number of problems and difficulties in the process of introducing the digital ruble, which require attention and permission from the legislator. It is noted that the interests of the state and society when introducing the digital ruble into circulation must be respected, and the principle of balance (balance) of interests of various subjects is specifically enshrined in federal laws. The author draws attention to the content of the digital ruble account agreement between the operator of the digital ruble platform and the user of the digital ruble platform, in which there is an ambiguity in the wording regarding the possibility of concluding a contract, which may affect the estimated result of interpreting a fragment of the text of the agreement. The current regulatory shortcomings and gaps hinder the effective implementation and application of legal norms, as well as the achievement of the goals of legal regulation of the circulation of the digital ruble. Based on the results of the study, the author drew conclusions about the need for further improvement of legislation in the field of the digital ruble, and made proposals for finalizing regulatory legal acts.

KEYWORDS: digital ruble account agreement; digital ruble platform operator; digital ruble platform; legal regulation of the digital ruble; digital ruble.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Стыценко, Р. А. К вопросу о преодолении дефектов в законодательном обеспечении функционирования платформы цифрового рубля в РФ / Р. А. Стыценко. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 123–129. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-18.

FOR CITATION:

Stytsenko, R. A. (2024) On the Issue of Overcoming Defects in the Legislative Support for the Functioning of the Digital Ruble Platform in the Russian Federation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 123–129 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-18.

Эпоха цифрового рубля стартовала в России с 01.08.2023, цифровой рубль введен в оборот в экспериментальном режиме, апробируется в тринадцати кредитных организациях [14]. Насколько успешно, своевременно и актуально – можно будет сказать по окончании пилотного проекта [15]. А пока проанализируем действующее законодательство по внедрению цифрового рубля, обозначим имеющиеся недостатки. С целью дальнейшего совершенствования правового регулирования цифрового рубля, за которым стоит будущее платежной системы страны, российские цивилисты, несомненно, примут участие в создании и становлении правовой базы по его обороту. Как точно отметила в своей работе Т. В. Шатковская, только государство, являясь основным источником права в XXI в., может обеспечить сбалансированный подход к непротиворечивому сосуществованию и взаимодействию материального и цифрового экономического пространства [16].

Существенные изменения коснулись Закона о платежной системе № 161-ФЗ [12] (далее – Закон № 161-ФЗ): введен понятийный аппарат с целью использования такого платежного средства, как цифровой рубль; уточнены особенности осуществления переводов в цифровых рублях; появилась глава, регулирующая разработку новой платежной системы Банка России – платформа цифрового рубля.

Счет цифрового рубля – отдельный вид банковского счета (п. 2 ст. 30.8 Закона № 161-ФЗ), отличительным признаком которого является осуществление переводов только на платформе цифрового рубля (п. 3 ст. 7.1 Закона № 161-ФЗ).

Согласно п. 7 ст. 845 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее – ГК РФ) нормы главы 45 ГК РФ, применяются к отношениям по договору счета цифрового рубля, если иное не предусмотрено Законом № 161-ФЗ.

Статья 30.8 «Договор счета цифрового рубля» Закона № 161-ФЗ регулирует особенности

договора счета цифрового рубля. Нормы статей 845 ГК РФ и 846 ГК РФ лишь частично нашли отражение в ст. 30.8 Закона № 161-ФЗ. Сам порядок заключения договора цифрового счета не определен, как и ссылки на иные нормативные акты, которыми регулируется его заключение. В то же время для банков установлена четкая обязанность заключить договор банковского счета с клиентом, который обратился с предложением открыть счет, согласившись с объявленными банком условиями (абз. 1 п. 1 ст. 846 ГК РФ).

Следует отметить, что для клиента является большим преимуществом на основании закона понудить банк заключить договор банковского счета при необоснованном уклонении от исполнения обязательства (абз. 3 п. 1 ст. 846 и п. 4 ст. 445 ГК РФ [3]). В содержании ст. 30.8 Закона № 161-ФЗ аналогичные нормы, устанавливающие право клиента требовать заключения договора цифрового счета, отсутствуют. Недоработка законодательства существенно осложняет его восприятие, понимание и реализацию. Потенциальный пользователь платформы цифрового рубля должен четко знать свои права, обязанности, случаи, когда ему может быть отказано в открытии счета, не обращаясь к справочно-правовым системам в поисках нормативных актов с целью уточнения порядка заключения договора цифрового счета.

Анализируя содержание договора счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля (физические лица, юридические лица), размещенного на сайте Банка России [6] (далее – Договор), в редакции, действующей с 01.08.2023, а именно к п. 3.1, можно отметить следующую неопределенность, доступ к платформе цифрового рубля *может быть* (курсив мой. – Р. С.) предоставлен пользователю платформы, являющемуся физическим лицом, только при наличии подтвержденной учетной записи в федеральной

государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (далее – ЕСИА). Словосочетание «может быть» выражает неуверенность, предположительность, возможность, допустимость чего-либо. Надо учитывать, что от правильности трактовки предложения с точки зрения русского языка зависят правовые последствия, что в итоге может повлиять на рассмотрение спора в суде. Непосредственно в п. 3.1 Договора употребление словосочетания «может быть» не исключает вероятность отказа в доступе к платформе цифрового рубля несмотря на наличие подтвержденной учетной записи в ЕСИА.

Доступ к платформе цифрового рубля пользователю платформы предоставляется через участника платформы (п. 41 ст. 3 Закона № 161-ФЗ). Счет цифрового рубля открывается оператором платформы пользователю платформы на основании направленного пользователем обращения, выраженного посредством заполнения полей в приложении клиента, предоставленного участником платформы. Таким способом предлагается подтверждать согласие пользователя платформы с условиями Договора и наличие волеизъявления на его заключение. Как отметил в своей работе В. Н. Уруков, «только воля вступающих в конкретное гражданское правоотношение порождает конкретный договор» [8]. Здесь уместен вопрос, каким образом обратившийся может зафиксировать в качестве доказательства сам факт обращения в Банк России за получением финансовой услуги – открытие счета цифрового рубля. Так как в случае бездействия со стороны Банка России относительно заключения Договора, у лица, направившего обращение, должно быть право обратиться в суд за защитой своих гражданских прав. Наличие регистрации в ЕСИА является обязательным условием для заключения Договора. Однако в Договоре не упоминается предварительная авторизация в ЕСИА при направлении обращения пользователем для открытия счета. Подчеркивая необходимость в условиях Договора подтвержденной учетной

записи в ЕСИА, непосредственно в процессе подачи обращения пользователя упускается возможность засвидетельствовать им соблюдение этого условия путем авторизации в ЕСИА. Следовательно, нет ясности, как Банк России удостоверяется на момент открытия счета цифрового рубля в исполнении пользователем п. 3.1 Договора.

Полагаем, что было бы целесообразным дополнить ст. 30.8 Закона № 161-ФЗ следующими условиями:

- установить обязательное наличие волеизъявления пользователя открыть счет цифрового рубля на условиях, объявленных Банком России;
- ввести обязательство для Банка России заключить договор счета цифрового рубля на основании поступившего предложения пользователя, в соответствии с требованиями, предусмотренными законом и правилами платформы цифрового рубля;
- определить право Банка России отказать в открытии счета цифрового рубля в случаях, допускаемых законом или иными правовыми актами.

Также особое внимание стоит обратить на следующую серьезную недоработку законодательства в сфере обращения цифрового рубля. При внедрении в оборот цифрового рубля не учитываются требования Закона о противодействии легализации доходов [10] (далее – Закон № 115-ФЗ), целью которого является предупреждение, выявление и пресечение деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма и финансированием распространения оружия массового уничтожения. Права и законные интересы граждан, общества и государства должны быть соблюдены и на платформе цифрового рубля, в том числе путем создания правового механизма, способного противодействовать совершению преступлений.

На платформе цифрового рубля в рамках гражданско-правовых сделок пользователи совершают операции по переводу цифровых рублей. Следовательно, операции, осуществляемые на платформе цифрового рубля, остаются вне контроля Росфинмониторинга. В предусмотренный ст. 6 Закона № 115-ФЗ обязательный контроль операций с денежными средствами

или имуществом операции с цифровым рублем не включены, так как в перечень организаций (ст. 5 Закона № 115-ФЗ), обязанных исполнять требования Закона № 115-ФЗ, оператор платформы цифрового рубля не введен.

Согласно абз. 3 п. 5 ст. 9.1 Закона № 115-ФЗ Банк России выполняет функции регулирования, контроля (надзора) в отношении поднадзорных организаций. В случае включения оператора платформы цифрового рубля в перечень организаций, указанных в ст. 5 Закона № 115-ФЗ, роль контрольного (надзорного) органа в части выполнения требований Закона № 115-ФЗ Банком России, считаем возможным возложить на Росфинмониторинг, так как Банк России не может реализовывать контролирующие функции в отношении самого себя.

В настоящее время операции на платформе цифрового рубля совершаются в экспериментальном режиме, но в рамках реальных сделок. Действия, меры оператора платформы цифрового рубля в отношении денежных средств пользователя, которые размещены на цифровом счете, если пользователь будет включен в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, законодательно не установлены. Не разрешает эту ситуацию и норма, установленная п. 4 ст. 8 Закона № 340-ФЗ [13] «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Совместное определение перечня видов операций и их пороговых значений, круга пользователей платформы цифрового рубля, Банком России и Росфинмониторингом до 31 декабря 2024 года, не содержит конкретных ограничительных мер, таких как замораживание (блокирование) денежных средств пользователя на счете цифрового рубля.

В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Следовательно, пока не внесены соответствующие изменения в Закон № 115-ФЗ, ограничение прав владельца счета цифрового рубля на платформе цифрового рубля Банком

России в рамках Закона № 115-ФЗ не представляется возможным.

Кроме того, не урегулированным остается вопрос идентификации лиц, которые непосредственно будут обращаться с распоряжениями на бумажном носителе к оператору цифровой платформы, минуя кредитные организации, в том числе в части фиксирования полученных Банком России сведений, выполнения иных мероприятий, установленных Законом № 115-ФЗ. Относительно пользователей, которым открыты счета в цифровых рублях, и операции совершаются через кредитные организации, меры, принимаемые в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона № 115-ФЗ, осуществляются соответственно кредитными организациями. Все необходимые сведения установлены, зафиксированы, документально подтверждены, осуществлена проверка на принадлежность к лицам, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

В ситуациях, когда распоряжение на совершение операции будет поступать не от пользователя платформы цифрового рубля через специальное банковское приложение, а непосредственно на бумажном носителе при обращении заинтересованного лица в Банк России в рамках исполнения иных федеральных законов, реализация мер, предусмотренных Законом № 115-ФЗ, на оператора платформы цифрового рубля не возлагается. Сама возможность принятия и обработки распоряжения на бумажном носителе предусматривается с 01.01.2025. Непосредственно в абз. 6 п. 1.1 Положения Банка России № 820-П [7] оговаривается перечень лиц, которые могут предоставить такое распоряжение. Не совсем понятен установленный срок вступления в силу указанной нормы, регулирующей работу с представленными распоряжениями на бумажном носителе, и порядок исполнения требований иных федеральных законов, в том числе Закона № 115-ФЗ. В настоящий момент, когда операции осуществляются в рамках пилотного проекта Банка России, счета в цифровых рублях открыты реальным пользователям, вероятность обращения в Банк России с распоряжениями на бумажных носителях, ранее указанного в абз. 6 п. 1.1 Положения Банка России № 820-П срока, исключать нельзя. Величайшая цитата из про-

изведения «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова все объясняет: «...Человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен...» [1, с. 574]. Для совершения операций на платформе цифрового рубля пользователи используют личные денежные средства. В силу абз. 3 п. 3 ст. 1174 ГК РФ [5] наследник вправе в любое время до истечения шести месяцев со дня открытия наследства получить денежные средства, необходимые для похорон наследодателя, из вклада или со счета, включая счет цифрового рубля, наследодателя. В случае обращения наследника с распоряжением на бумажном носителе ранее срока, установленного нормативным актом Банка России, нет полной ясности, какие действия оператор платформы цифрового рубля должен предпринять при получении и проведении обработки сведений. Важно отметить, что предоставить денежные средства наследодателя лицу, указанному в постановлении нотариуса, для оплаты указанных расходов, Банк России обязан. Аналогичная операция, совершаемая наследником в кредитной организации, рассматривается как разовая услуга. Лицо, обратившееся за получением денежных средств с банковского счета, идентифицируется в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона № 115-ФЗ. Действия Банка России, предусмотренные вступающим в силу с 01.01.2025 п. 5.4 Положения Банка России № 820-П, ограничиваются только проверкой полномочий лица, представившего в Банк России распоряжение на бумажном носителе, что явно нельзя считать достаточным с точки зрения выполнения требований Закона № 115-ФЗ. Считаю, что потребуются дальнейшее совершенствование законодательства, а именно, возложение на Банк России дополнительных обязанностей при выводе денежных средств с платформы цифрового рубля на основании поступившего распоряжения на бумажном носителе от третьих лиц, проводить идентификацию обратившегося в порядке, установленном Законом № 115-ФЗ.

Предлагаю до внесения изменений в Закон № 115-ФЗ регламентировать выявленный недостаток нормативно-правового регулирования оборота цифрового рубля отдельным федеральным законом. Осуществление прав и несение обязанностей оператором платформы цифрового рубля должно осуществляться

в соответствии с Законом № 115-ФЗ и принятыми в целях его исполнения нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Также стоит обратить внимание на следующий пробел в правовом регулировании цифрового рубля: отсутствие возможности исполнения распоряжения по перечислению взыскиваемой суммы в цифровых рублях в рамках исполнительного производства.

Так, с 01.01.2025 ст. 70 Закона об исполнительном производстве № 229-ФЗ [11] дополняется п. 5.4, в силу которого оператором платформы цифрового рубля взыскиваемая сумма денежных средств со счета цифрового рубля должника, в рамках возбужденного исполнительного производства, переводится на депозитный счет службы судебных приставов на основании постановления судебного пристава-исполнителя. Депозитный счет службы судебных приставов открывается в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации на лицевых счетах, открываемых им соответственно в Федеральном казначействе, финансовом органе субъекта Российской Федерации (муниципального образования). Тем не менее Бюджетного кодекса Российской Федерации [2] (далее – БК РФ) изменения, касающиеся внедрения цифрового рубля в национальную платежную систему, не коснулись.

Таким образом, механизм перечисления с платформы цифрового рубля взыскиваемой суммы в цифровых рублях на депозитный счет службы судебных приставов отсутствует, так как цифровой рубль обращается только на платформе цифрового рубля.

Полагаю, что для реализации предусмотренных с 01.01.2025 п. 5.4 ст. 70 Закона об исполнительном производстве № 229-ФЗ возможностей потребуются уточнение понятия единого казначейского счета (абз. 32 ст. 6 БК РФ), а именно, включение после слов «в Центральном банке Российской Федерации в валюте Российской Федерации» дополнения «в том числе на платформе цифрового рубля».

Учитывая, что все операции с цифровым рублем осуществляются на платформе цифрового рубля и отсутствуют изменения в БК РФ, это является фактором, ограничивающим перечень операций с использованием цифрового рубля, в том числе в части перечислений на бюджетные счета. Сегодня цифровой рубль не

идет в сравнение с нецифровым безналичным рублем по разнообразию операций, возможных к проведению, в том числе в части взыскания и уплаты бюджетных платежей.

Еще одной нерешенной проблемой остается вопрос сохранности банковской тайны служащими Банка России. В рамках работы платформы цифрового рубля служащие Банка России получают и обрабатывают информацию, сведения от достаточно широкого круга лиц. Непосредственно с 01.12.2025 в компетенцию Банка России входит открытие в особом порядке и ведение счета цифрового рубля для отдельных сотрудников государственных органов (п. 19 ст. 30.7 Закона № 161-ФЗ). Однако в ч. 1 ст. 26 Закона о банках и банковской деятельности № 395-1 [9] обязанность хранить тайну об операциях, о счетах пользователей, а также об иных сведениях, устанавливаемых Банком России, если это не противоречит федеральному закону, для служащих Банка России не внесена. Ответственность по-прежнему возлагается только на Банк России как юридическое лицо, что дает повод для злоупотребления со стороны его работников в части разглашения сведений, утечки информации, касающейся банковской тайны. Считаю целесообразным ввести обязанность хранить банковскую тайну служащими Банка России, тем самым обеспечив пользователя гарантиями тайны об его операциях и счете цифрового рубля.

Подводя итоги, отметим следующее. Банк России внедряет собственную платежную платформу цифрового рубля, при отсутствии разработанной правовой базы. Недоработки законодательства способствуют созданию проблемы правоприменения цифрового рубля. Образовавшийся правовой вакуум можно восполнить, модернизировав нормы законодательства о национальной платежной системе. Но более приемлемым видится заполнение существующих правовых пробелов аналогией закона, регулирующей сходные отношения между банками и гражданами, организациями, государством, учитывая, что счет цифрового рубля является одним из видов банковского счета. Оказывая финансовые услуги на платформе цифрового рубля, Банк России должен исполнять установленные федеральными законами обязанности и нести ответственность, так как является непосредственно стороной по договору счета

цифрового рубля. Субъект, вступающий в правоотношения с Банком России в рамках платформы цифрового рубля, должен четко знать не только свои обязанности и ответственность, но и свои права.

На сегодняшний день отсутствует правоприменительная практика, касающаяся цифрового рубля, поэтому потребуется более детальная проработка концептуальных правовых вопросов.

Список использованных источников

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений в одной книге. Белгород: Изд-во Клуб семейного досуга, 2011. 957 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
6. Договор счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/150457/account_agreement_pers.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
7. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=454540&cacheid=0BE72EA52C95003E10BE20B80932462F&mode=splus&rnd=S1q8JQ#Ykln0UM3y2mc5Fp1> (дата обращения: 10.10.2023).
8. Уруков В. Н. Воля и волеизъявление в гражданско-правовом договоре: к вопросу о применении статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2010. № 2. С. 19–26.
9. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 12.12.2023) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
10. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.
11. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
12. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

13. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5766.

14. ЦБ: 13 банков уже начали проводить операции с цифровым рублем // Ведомости. 01.09.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2023/09/01/993089-13-bankov-nachali-operatsii-s-tsifrovim-rubleem> (дата обращения: 10.10.2023).

15. Цифровой рубль: старт пилота // Официальный сайт Банка России. 09.08.2023. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16991> (дата обращения: 10.10.2023).

16. Шатковская Т. В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности. Правовой порядок и правовые ценности // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1, № 1. С. 57–68. DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68.

References

1. *Bulgakov M. A.* Collected works in one book. Belgorod: Publishing house of the Family Leisure Club, 2011. 957 p. [in Russian].
2. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated 31.07.1998 (as amended on 25.12.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Article 3823 [in Russian].
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. dated 24.07.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301 [in Russian].
4. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 No. 14-Federal Law (ed. dated 24.07.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Article 410 [in Russian].
5. The Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended on 24.07.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Article 4552 [in Russian].
6. The contract of the digital ruble account between the operator of the digital ruble platform and the user of the digital ruble platform. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/150457/account_agreement_pers.pdf (date of application: 10.10.2023) [in Russian].
7. Regulation of the Bank of Russia dated 08.03.2023 No. 820-P “On the digital ruble platform” // Legal reference system “ConsultantPlus”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=454540&cacheid=0BE72EA52C95003E10BE20B80932462F&mode=splus&rnd=S1q8JQ#Ykln0UM3y2mc5Fp1> (date of application: 10.10.2023) [in Russian].
8. *Urukov V. N.* Will and expression of will in a civil contract: on the issue of the application of Article 431 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the Arbitration Court of Moscow. 2010. No. 2. P. 19–26 [in Russian].
9. Federal Law No. 395-1 of 02.12.1990 (as amended on 12.12.2023) “On Banks and Banking activities” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 6. Article 492 [in Russian].
10. Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 (as amended on 19.10.2023) “On Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime by means of, and financing of terrorism” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part I). Article 3418 [in Russian].
11. Federal Law No. 229-FZ of 02.10.2007 (as amended on 25.12.2023) “On enforcement proceedings” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 41. Article 4849 [in Russian].
12. Federal Law No. 161-FZ dated 27.06.2011 (as amended on 24.07.2023) “On the National payment system” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 27. Article 3872 [in Russian].
13. Federal Law No. 340-FZ dated 24.07.2023 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 31 (Part III). Article 5766 [in Russian].
14. Central Bank: 13 banks have already started conducting transactions with in digital rubles // Vedomosti. 09.01.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2023/09/01/993089-13-bankov-nachali-operatsii-s-tsifrovim-rubleem> (date of application: 10.10.2023) [in Russian].
15. Digital ruble: Pilot launch // Official website of the Bank of Russia. 08.09.2023. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16991> (date of application: 10.10.2023) [in Russian].
16. *Shatkovskaya T. V.* The main directions of the state policy of the Russian Federation in the field of intellectual property. Legal order and legal values // Legal order and legal values. 2023. Vol. 1, No. 1. P. 57–68. DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68 [in Russian].

Поступила в редакцию 12.01.2024

Received January 12, 2024

РЕЦЕНЗИИ

УДК 346.21

DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-19

Тихонов Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
Южно-Российского института управления –
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70;
доцент кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: tiho13@rambler.ru

Tikhonov, Vladimir V.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of civil and business law,
South Russian Institute of Management –
branch Russian Academy
of National Economy
and Public Administration
under the President
of the Russian Federation,
344002, Rostov-on-Don,
70 Pushkinskaya Str.;
Associate Professor at the Department
of Civil Law,
Faculty of Law, Southern Federal University,
344002, Rostov-on-Don, 88 M. Gorky Str.,
email: tiho13@rambler.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. Д. ШАПСУГОВОЙ «ГРАЖДАНИН КАК СУБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ» (М.: ИНФРА-М, 2024. 324 с.)

REVIEW OF M. D. SHAPSUGOVA'S MONOGRAPH “CITIZEN AS A SUBJECT OF ECONOMIC ACTIVITY ACCORDING TO THE LEGISLATION OF RUSSIA” (MOSCOW: INFRA-M, 2024. 324 p.)

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тихонов, В. В. Рецензия на монографию М. Д. Шапсуговой «Гражданин как субъект экономической деятельности по законодательству России» (М.: Инфра-М, 2024. 324 с.) / В. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 130–136. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-19.

FOR CITATION:

Tikhonov, V. V. (2024) Review of M. D. Shapsugova's Monograph “Citizen as a Subject of Economic Activity According to the Legislation of Russia” (Moscow: INFRA-M, 2024. 324 p.). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 130–136 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-19.

Декларированность государственной политики Российской Федерации на становление и развитие социально ориентированных экономических отношений внутри страны, с одной стороны, обязывает правоведов исследовать наиболее «жизнеспособные» и эффективные проявления граждан в данной сфере, а с другой – их урегулированность действующим законодательством. Действительно, в последнее время был принят ряд нормативных правовых актов, способствующих формированию и поддержке гражданского капитала и социального предпринимательства (новелла Конституции РФ – ст. 75.1; Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; постановление Правительства РФ «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения»; приказ Минэкономразвития России «Об утверждении Требований к реализации мероприятий ... образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства»; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 и многие др.). Однако теоретическое осмысление экономического поведения граждан и системное его регулирование в Российской Федерации только должно стать предметом научного исследования, в том числе представителями юридического сообщества. С уверенностью можно утверждать, что большой шаг в направлении данного пути был сделан Мариеттой Дамировной Шапсуговой в связи с изданием ею фундаментального монографического труда «Гражданин как субъект экономической деятельности по законодательству России».

Глава первая «Понятие гражданина как субъекта экономической деятельности» рецензируемой работы начинается с добротного исторического экскурса в развитие законодательства, регулировавшего торговую (коммерческую, хозяйственную) деятельность отечественных экономических субъектов (купцов, торговых людей, хозяйственников). Автор начинает исследование с середины XVII века. Безусловно, что и до указанного периода существовали законоположения, призванные урегулировать отдельные вопросы торговой деятельности граждан. Стоит только вспомнить известный памятник отечественного права – «Русская

Правда», который в числе прочего содержал комплекс норм, обеспечивающих защиту прав купечества. Однако отдельные (специальные) нормативные правовые акты, назначением которых являлось бы регулирование конкретной сферы – экономические (торговые, пошлинные, промысловые) отношения, действительно, стали появляться только с середины XVII века. Тем самым стоит отметить соблюдение (выдержанность) автором как тематики исследования, так и его метода – сосредоточение внимания именно на законодательстве, как системной среде регулирования экономической деятельности граждан России. Историография «экономического» законодательства вполне справедливо оканчивается автором на становлении современной Российской Федерации, т. е. на периоде 90-х годов XX века и начале 2000-х годов. Стоит признать, что основополагающие нормативные правовые акты, призванные урегулировать экономические отношения, появились именно в этот период (Гражданский кодекс часть I – 1994 год; ФЗ «Об акционерных обществах» – 1995 год; ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» – 1998 год; ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» – 2001 год; ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» – 2002 год; ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» – 2007 год и многие др.). Иными словами, «законодательная среда» для отечественного предпринимательства была системно сформирована совершенно в иных экономических, политических, социальных и международных условиях, существенно отличающихся от тех, которые сложились в настоящее время. Подобные рассуждения подталкивают на мысль о том, что Российской Федерации нужна новая (современная) концепция регулирования отечественных экономических отношений (предпринимательства).

М. Д. Шапсугова в сравнительном историческом контексте делает вывод о том, что современное российское законодательство не предполагает каких-либо ограничений для индивидуальных предпринимателей, связанных с минимальным размером капитала, однако такой опыт мог бы сыграть положительную роль гарантии интересов контрагентов индивидуального предпринимателя. В то же время

размер годового дохода самозанятого не должен превышать 2,4 млн руб. (с. 6–7). Действительно, минимальный размер капитала может выступить некой гарантией для контрагентов, следовательно, такой вывод стоит только приветствовать. Однако, во-первых, в Российской Федерации размер уставного капитала, предусмотренный для отдельных организационно-правовых форм коммерческих юридических лиц, традиционно носит символический характер. Во-вторых, установление любого минимального размера капитала воспринимается как своего рода ограничение конституционно гарантированной свободы экономической деятельности.

Вместе с этим отметим и то, что установление максимального дохода в Российской Федерации для самозанятых граждан лишь стагнирует развитие данного института.

Одним из достоинств монографии является освещение правовой неопределенности в вопросе гарантий для самозанятых граждан, не имеющих правового статуса индивидуально-предпринимателя, в частности в сфере их возможного долевого участия в строительстве объектов коммерческой недвижимости (с. 40). Очевидно то, что если самозанятость граждан является желаемым и перспективным институтом для российской власти, то правовая определенность в его гарантиях должна выступить первостепенным вопросом, который должен разрешиться посредством исключительно законодательных преобразований.

В достаточно непростых экономических условиях, сложившихся в настоящее время для Российской Федерации, особое значение приобретает социальная и капиталистическая реализация каждого гражданина нашей страны. В связи с этим мы разделяем позицию, касающуюся определения цели современной науки частного права – разработка такой юридической модели правосубъектности гражданина, которая бы позволила максимально эффективно реализовать экономический потенциал каждого человека (с. 50). Вместе с этим отметим, что категорией «правосубъектность» не стоит ограничиваться на данном пути развития, необходима разработка соответствующей законодательной базы и правоприменительной практики, сущностью которой была бы истинная свобода осуществления предприниматель-

ской и иной не запрещенной экономической деятельности; согласованная координация в правоотношениях, возникающих между уполномоченными органами и предпринимателями.

Вызывает поддержку и взгляд на то, что наличие имущества не является обязательным признаком гражданина как субъекта предпринимательского права и экономической деятельности (с. 53, 54, 59). Действительно, в настоящее время в эпоху тотальной информатизации и цифровизации общественных отношений имущество как некая совокупность предметов материального мира перестало играть определяющую роль в производственных экономических отношениях и предпринимательстве. Повсеместно преобладают различные услуги как отдельные виды экономической деятельности, для оказания которых необходимы: талант, навыки, профессионализм, определенные качества присущие конкретной личности; что и неоднократно отмечает сам автор рецензируемой работы (с. 59, 69, 77).

Справедливым является и утверждение о том, что государственная регистрация с появлением самозанятых перестала играть роль квалифицирующего признака гражданина-предпринимателя и вовсе утратила свою актуальность (с. 54, 146); а в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданином такой деятельности без государственной регистрации (с. 78–79). Моментом «образования» самозанятого является постанова на учет в качестве налогоплательщика по налогу на профессиональный доход (с. 145).

Вместе с этим и самозанятые проходят определенную легитимацию посредством специального мобильного приложения «Мой налог», в интерфейсе которого первое же действие обозначено как «регистрация». Следовательно, «государственная регистрация» как неотъемлемый атрибут предпринимательства вполне сохраняет свою юридическую силу [3]. Полагаем, что в настоящее время государственную регистрацию следует рассматривать как форму налогового учета. Вместе с этим отметим и то, что если институт самозанятых граждан получит свое развитие в экономике нашей страны, возникнет необходимость в создании общедоступного единого публичного реестра самоза-

нятых, который будет функционировать наряду с ЕГРЮЛ и ЕГРИП.

М. Д. Шапсугова вполне справедливо утверждает, что главной ипостасью гражданина в предпринимательском праве выступает его основное свойство – «предприниматель». Этот термин можно считать ключевым при определении предпринимательской правосубъектности, тем удивительнее, что в отечественной науке хозяйственного права он не изучался (с. 83–84). Действительно, исключением из данного утверждения является лишь работа Г. К. Гинса «Предприниматель» [1]. Однако и она была посвящена фигуре отечественного предпринимателя, функционирующего совершенно в иную эпоху, а также сделанная в сравнительном анализе с фигурами предпринимателей, сложившихся в иных странах. Следовательно, системное теоретическое осмысление и научное обоснование сущности российского предпринимательства все еще ждут своего автора.

Предпринимательские отношения, «зародившиеся на стыке» классических имущественных (товарно-денежных, меновых) и управленческих (регулятивных) отношений, безусловно, обязывают их субъектов – предпринимателей иметь способность участвовать как в горизонтальных (оперативно-хозяйственных), так и в вертикальных (хозяйственно-регулятивных) правовых связях. В связи с этим в монографии делается верный вывод о том, что правосубъектность гражданина в предпринимательском праве должна отражать соответствующие способности (с. 105). Способность осуществлять предпринимательскую деятельность, справедливо утверждает автор, является основным содержанием предпринимательской правосубъектности (с. 118).

М. Д. Шапсугова делает вывод о том, что возможность заниматься предпринимательской деятельностью возникает с момента государственной регистрации (с. 111). Это утверждение заслуживает безусловной поддержки, поскольку правомерное осуществление предпринимательской деятельности допускается действительно исключительно после соответствующей регистрации для индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций. Более того, самозанятые граждане вправе осуществлять предпринимательскую деятельность тоже после определенной легитимации,

которая, по сути, является упрощенным аналогом регистрации. В свою очередь норма п. 4 ст. 23 Гражданского кодекса РФ, допускающая применение отдельных положений, которые регулируют отношения между предпринимателями, к гражданам, не получившим статус индивидуального предпринимателя, подвергалась справедливой критике в научной литературе [2, с. 97].

Не вызывает сомнений и то, что всякая частная предпринимательская деятельность, осуществляемая, в том числе и юридическими лицами, имеет в качестве бенефициара (конечного выгодоприобретателя) некое физическое лицо, гражданина (с. 150). Ибо конструкция юридического лица, по своей сути, является известной фикцией, которая была разработана учеными-юристами лишь с одной целью – наиболее эффективное и удобное обслуживание хозяйственного оборота, в котором с антропологической позиции могут участвовать только вполне конкретные физические лица, граждане. Следовательно, предпринимательская деятельность (как и любая другая человеческая деятельность) неразрывно связана с конкретными гражданами, которые, с одной стороны, являются ее производителями, т. е. непосредственно или опосредованно ее осуществляют, а с другой – ее потребителями, т. е. субъектами, которые потребляют товары, работы, услуги, произведенные в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

Глава вторая «Особенности отдельных форм осуществления экономической деятельности гражданами» рецензируемой работы посвящена отдельным формам (режимам) осуществления предпринимательской (экономической) деятельности гражданами.

Так, М. Д. Шапсугова читает, что требуется выработка правовых моделей обособления имущества индивидуального предпринимателя, предполагающих регистрацию не только лица, но и бизнеса (дела), управляемого этим лицом. То же самое можно сказать и о признаке самостоятельной имущественной ответственности, который напрямую взаимосвязан с признаком обособления имущества (с. 154). Действительно, в настоящее время возникают серьезные правовые проблемы, связанные с возможностью обращения взыскания на имущество индивидуального предпринимателя.

Данные проблемы порождены в том числе:

а) «исполнительским иммунитетом» (ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ), т. е. запретом на обращение взыскания на отдельные виды имущества физического лица, поскольку индивидуальный предприниматель является гражданином, у которого, безусловно, может находиться имущество, на которое невозможно будет обратить взыскание;

б) режимом общего имущества супругов, поскольку индивидуальный предприниматель может находиться в браке;

в) отсутствием должно бухгалтерско-финансового учета активов индивидуального предпринимателя.

Эти проблемы в полной мере касаются и урегулирования правового положения самозанятого гражданина.

Полная и самостоятельная имущественная ответственность является одним из постулатов правового регулирования деятельности индивидуальных предпринимателей. Однако такой предприниматель, имея имущество, в отношении которого установлен «исполнительский иммунитет», или находясь в брачных отношениях (при наличии общей супружеской собственности), фактически порождает проблемы у контрагентов (кредиторов). Данные проблемы вызваны разграничением (индивидуализацией), во-первых, имущества, которое принадлежит именно индивидуальному предпринимателю, а во-вторых, имущества, на которое допустимо обращение взыскания. Впрочем, можно указать и то, что у индивидуального предпринимателя может находиться имущество, которое сложно обнаружить ввиду отсутствия его учета и «опубликования» (по аналогии с юридическими лицами) самим индивидуальным предпринимателем. Следовательно, вполне разумным представляется ввести принцип обособления имущества, в том числе минимума такого имущества, необходимого для осуществления индивидуальным предпринимателем своей хозяйственной (предпринимательской) деятельности.

Такой подход может быть подвергнут критике по следующим мотивам. В Конституции РФ провозглашено, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической де-

ятельности (ч. 1 ст. 34). Следовательно, любое ограничение, сопряженное с введением обособления или установлением минимума имущества для индивидуальных предпринимателей, выступает своего рода притязанием на свободу предпринимательства, которая декларирована Конституцией РФ.

Однако хозяйственный оборот, безусловно, требует экономической (имущественной, финансовой) стабильности его субъектов. В связи с этим предприниматели, в том числе индивидуальные предприниматели, должны создать определенную гарантию исполнения принятых на себя хозяйственных обязательств, которые могут быть эффективно обеспечены имуществом этих предпринимателей.

Очевидным упущением является то, что законодатель не предусмотрел включение в перечень вносимых в реестр сведений записи о фирменном наименовании гражданина – предпринимателя по аналогии с юридическими лицами. На что совершенно справедливо указывает автор, предлагая законодательно восполнить это право для индивидуальных предпринимателей (с. 199).

Мы разделяем и полностью поддерживаем позицию М. Д. Шапсуговой, касающуюся отнесения споров, связанных с осуществлением самозанятыми предпринимательской (экономической) деятельности, к компетенции арбитражных судов (с. 229, 240) [4].

Нельзя не отметить и уместный компаративный анализ большего объема норм зарубежного законодательства, проделанный автором, и грамотно имплементированный в отдельные разделы работы.

Вместе с этим, как и любое научное сочинение, большего объема и разностороннего спектра правовых вопросов, рецензируемое монографическое исследование не лишено спорных суждений.

В качестве субъектов экономической деятельности и общественного производства М. Д. Шапсугова указывает физических и юридических лиц, а также государство (с. 43). Безусловно, что данный список можно дополнить муниципальными образованиями как достаточно обособленными публично-правовыми образованиями, имеющими большой потенциал для решения общенациональных экономических задач. Однако данное замечание

скорее носит дополняющий, чем критикующий характер.

Достаточно преждевременной выглядит предложенная задача по моделированию новых форм осуществления гражданами экономической деятельности (правосубъектных и неправосубъектных правовых режимов), например, семейное предприятие, несовершеннолетний предприниматель, подсобное хозяйство и т. д. (с. 50). На наш взгляд, первостепенной задачей является снятие противоречий в правовом регулировании уже существующих форм осуществления предпринимательской деятельности. Ярким примером является «пробельность» правового положения самозанятых граждан, что подчеркивает и сам автор (с. 40, 64, 72, 216, 217).

Спорным является вывод о том, что субъект предпринимательской деятельности обладает предпринимательской правосубъектностью, а самозанятый – преимущественно гражданско-правовой (с. 52). Так, самозанятые осуществляют предпринимательскую (экономическую) деятельность посредством удовлетворения общественных потребностей: реализуют товары, выполняют работы, оказывают услуги. Безусловно, что они выступают активными экономическими агентами в хозяйственном обороте: они производят, а не потребляют. Более того, сам статус (правовое положение) «самозанятый» отличает их от граждан-потребителей, которые в хозяйственном обороте играют пассивную роль. На основании этого мы склонны утверждать, что самозанятые имеют преимущественно предпринимательскую правосубъектность, а не гражданско-правовую.

Автор утверждает, что статус участника общества приобретается с момента приобретения доли общества (с. 103, 138). Однако ввиду того, что приобретение доли, в частности в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью имеет сложный юридический состав, включающий в себя непосредственно приобретение доли, а затем внесение изменений в ЕГРЮЛ, содержанием которых является включение нового лица в состав участников. Например, приобретение гражданином доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в результате наследования совершенно не означает, что данный гражданин станет участником общества. Поскольку

приобретение статуса участника общества может быть либо заблокировано для третьих лиц, либо обусловлено согласием участников общества на основании положений Устава (ст. 23 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Видимо, в монографии не уделено должное внимание категории «риск» как одному из именованных в действующем законодательстве признаку предпринимательской деятельности, в том числе граждан. Поскольку в работе прослеживаются противоречивые суждения. В частности, отмечается, что и деятельность предпринимателя, и деятельность самозанятого носит рискованный характер (с. 87, 91, 206, 215). А затем указывается, что риск и инновации, направленность на получение прибыли как признак предпринимательской деятельности не вполне применимы к самозанятым (с. 240). Однако признаем, что это замечание, скорее всего, выходит за пределы проделанного исследования и требует иных научных изысканий.

Автор вполне справедливо говорит о том, что вопрос о правовой природе экономической деятельности самозанятого остается открытым: является ли она предпринимательской или представляет собой особый вид экономической деятельности? (с. 223). Действительно, данный вопрос требует глубокого персонального исследования.

Вместе с этим на страницах монографии неоднократно происходят суждения, касающиеся ответа на данный вопрос:

– провести четкую грань между самозанятостью и индивидуальным предпринимательством на основании действующего законодательства затруднительно (с. 242);

– правовой режим самозанятых граждан остается относительно неопределенным (с. 245);

– деятельность самозанятого – промежуточное звено между предпринимательской и трудовой (с. 94, 214, 225, 234, 235).

Затем делается вывод о том, что деятельность плательщика налога на профессиональный доход не относится к предпринимательской (с. 225). Хотя впоследствии и отмечается, что происходит трансформация концепции деятельности самозанятого от деятельности, приносящей доход, к предпринимательской деятельности (с. 222, 229).

Полагаем, что данный вопрос еще ждет ответа, ибо четких разграничивающих (обособляющих) либо объединяющих (идентифицирующих) критериев правового положения и правосубъектности индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан правовая доктрина еще не произвела. В настоящее время наличествуют только коллизии, порожденные действующим законодательством и практикой его применения.

Отметим, что указанные рецензентом спорные суждения ни в какой мере не умаляют высокий уровень проделанного исследования, глубину и значимость освещенной автором проблематики, большого уровня научной проработанности и осмысленности монографии. Они являются лишь следствием искреннего интереса, проявленного к рецензируемой работе, а также восхищения, полученного от ее прочтения.

Безусловно, монография Мариетты Дамировны Шапсуговой «Гражданин как субъект экономической деятельности по законодательству России» должна увидеть свет и стать доступной для всех тех, кто интересуется вопросами правового регулирования экономической деятельности в Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Гинс Г. К. Предприниматель. 2-е издание. М.: Посев, 1992. 223 с.
2. Зинченко С. А., Шапсугов Д. Ю., Корх С. Э. Предпринимательство и статус его субъектов в современном российском праве. Ростов-на-Дону: Изд. СКАГС, 1999. 200 с.
3. Тихонов В. В. Профессионализм как основа предпринимательства (хозяйственно-правовой взгляд) // Хозяйство и право. 2023. № 11. С. 37–47.
4. Тихонов В. В. Процессуально-правовая природа споров с участием лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность баз государственной регистрации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. С. 86–92.

References

1. Gins G. K. Entrepreneur. 2nd edition. Moscow: Sowing Publ., 1992. 223 p. [in Russian].
2. Zinchenko S. A., Shapsugov D. Yu., Korkh S. E. Entrepreneurship and the status of its subjects in modern Russian law. Rostov-on-Don: North Caucasian Academy of Public Administration Publishing House, 1999. 200 p. [in Russian].
3. Tikhonov V. V. Professionalism as the basis of entrepreneurship (economic and legal view) // Economy and law. 2023. No. 11. P. 37–47 [in Russian].
4. Tikhonov V. V. The procedural and legal nature of disputes involving persons engaged in entrepreneurial activity of the bases of state registration // North Caucasian Legal Bulletin. 2023. No. 3. P. 86–92 [in Russian].

Поступила в редакцию 13.12.2023

Received December 13, 2023

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-20

Овчинников Алексей Игоревич,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Южный федеральный университет;
проректор по научной работе
Донской духовной семинарии, иерей,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: k_fp3@mail.ru

Дмитриева Ольга Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: prok.dmitriev@yandex.ru

Конопий Анна Сергеевна,

преподаватель кафедры теории и истории
государства и права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: konopy-anna@mail.ru

Малина Максим Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: malina@sfedu.ru

Селиванова Евгения Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: seliv.76@mail.ru

Ovchinnikov, Alexey I.,

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty,
Southern Federal University;
Vice-rector for Scientific Work of the Don
Theological Seminary, Priest,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: k_fp3@mail.ru

Dmitrieva, Olga V.,

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Civil Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: prok.dmitriev@yandex.ru

Konopyi, Anna S.,

Lecturer at the Department of Theory
and History of State and Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: konopy-anna@mail.ru

Malina, Maksim A.,

PhD in Law, Associate Professor,
Department of criminal process and forensics,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: malina@sfedu.ru

Selivanova, Evgeniya S.,

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: seliv.76@mail.ru

Шатковская Татьяна Владимировна,
доктор юридических наук, заведующий
кафедрой теории и истории права
и государства, Южно-Российский институт
управления – филиал РАНХ и ГС
при Президенте РФ;
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70/54;
профессор кафедры теории и истории
государства и права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: shatkovskaya.tv@gmail.com

Shatkovskaya, Tatiana V.,
Doctor of Law, Head of the Department
of Theory and History of Law and State,
Southern Russian Institute of Management
(a branch of RANEPa),
70/54 Pushkinskaya Str.,
Rostov-on-Don, 344002,
Russian Federation;
Professor, Chair of Theory and History
of State and Law, Law Faculty,
Southern Federal
University, 88 M. Gorky Str.,
Rostov-on-Don, 344002,
Russian Federation,
email: shatkovskaya.tv@gmail.com

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА*

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND HUMAN RIGHTS IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE*

АННОТАЦИЯ. В статье обобщаются итоги проведенной 28 февраля научно-теоретической конференции на тему «Традиционные духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта». В качестве важнейшей проблемы организаторы и участники мероприятия избрали научно-теоретическое осмысление прав человека и иных традиционных духовно-нравственных ценностей, зафиксированных в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в контексте современных вызовов – цифровизации и развития искусственного интеллекта. В статье отражены некоторые итоги обсуждения юридических, религиозно-антропологических, нравственных, политических

ABSTRACT. The article is focused on the main results of the scientific and theoretical conference held on February 28 on the theme “Traditional spiritual and moral values and human rights in the era of digitalization and artificial intelligence”. As the most important problem, the organizers and participants of the event chose a scientific and theoretical understanding of human rights and other traditional spiritual and moral values, fixed in Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 19.11.2022 “On Approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” in the context of modern challenges – digitalization and the development of artificial intelligence. The article reflects some of the results of the discussion of legal, religious-anthropological, moral, political and ethical-legal aspects of the safe use of artificial intelligence, the problems of finding

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

* The article was prepared with the support of the Russian Academy of Sciences grant No. 24-28-00225 “Legal regulation of the safe use of artificial intelligence technologies: conceptual models of safety, risk prevention and responsibility”, performed at the Federal State Educational Institution of Higher Education “Southern Federal University”.

и этико-правовых аспектов безопасного использования искусственного интеллекта, проблем поиска правовых принципов и приоритетов правовой политики, позволяющих создать условия для духовного, культурного и социально-экономического единения российского общества в условиях цифровой эпохи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект; традиционные ценности; нейросети; правовое регулирование искусственного интеллекта; нематериальные блага; цифровизация права; цифровизация государства; права человека.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинников, А. И. Традиционные духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта / А. И. Овчинников, О. В. Дмитриева, А. С. Конопий, М. А. Малина, Е. С. Селиванова, Т. В. Шатковская. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 137–147. – DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-20.

legal principles and priorities of legal policy that allow creating conditions for the spiritual, cultural and socio-economic unity of Russian society in the digital age.

KEYWORDS: artificial intelligence; traditional values; neural networks; legal regulation of artificial intelligence; intangible benefits; digitalization of law; digitalization of the state; human rights.

FOR CITATION:

Ovchinnikov, A. I., Dmitrieva, O. V., Konopiy, A. S., Malina, M. A., Selivanova, E. S., and Shatkovskaya, T. V. (2024) Traditional Spiritual and Moral Values and Human Rights in the Era of Digitalization and Artificial Intelligence. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 11(1): 137–147 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-1-20.

Введение. Российское государство на сегодняшний день является одним из мировых лидеров внедрения цифровых технологий в жизнь общества и государства. Между тем, зачастую внедрение цифровых технологий в те или иные сферы общественной жизни происходит вне расчета рисков, угроз и вызовов национальной безопасности в различных сферах от этого внедрения. В выступлениях политиков и бизнесменов преюмируется преимущество цифровых технологий перед традиционными. Но если в военной сфере необходимо опережение зарубежных государств по внедрению технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), то в иных сферах требуется более осторожное применение и использование ИИ.

В связи с тем, что российское государство выбрало путь сбережения национальной идентичности и цивилизационной самобытности, построения общества на основе консервативного идеологического принципа традиционных духовно-нравственных ценностей, необходим анализ сопряжения программы технологической модернизации с привлечением ИИ и программы сбережения традиционных духовно-нравственных ценностей.

Помимо защиты традиционных ценностей в условиях цифровизации и внедрения искусственного интеллекта требуется защита качества жизни человека, его прав и свобод, так как последние могут пострадать от недуманной гонки за господством в сфере ИИ. На сегодняшний день эффект от внедрения ИИ слишком переоценен в силу верховенства коммерческих интересов разработчиков ИИ и невежества сторонников его внедрения. ИИ ведет к упрощенному, алгоритмическому восприятию природы человеческого мышления и примитивизации в понимании человеческого интеллекта. Машина никогда не может быть аналогична живому человеку с его осознанием смысла жизни и смерти, историчности и контекстуальности бытия. В результате гонки за инновациями творческая природа мышления перестает учитываться и рассматриваться как значимая в определенных профессиях. Имитация ИИ человеческой мыследеятельности начинает восприниматься как приемлемая: попытки замещения человека в процессах принятия решений уже в ряде случаев влекут поломанные судьбы и смерти реальных людей, за которые не с кого спросить об ответственности.

Традиционные ценности и ИИ. Традиционные духовно-нравственные ценности возникли в условиях традиционного общества, с его семейными ценностями, религиозным фундаментом, неразрывностью личности с родом, общиной, миром, соборностью и теонимной этикой, аграрным образом жизни и т. п. Разрушение уклада традиционного общества связывают обычно с развитием технологий, образования, секуляризацией, урбанизацией, демократизацией, экономической модернизацией и т. д. При этом традиционные ценности постепенно уступают место новым ценностям – ценностям индустриального общества, среди которых важное место занимают вера в научно-технический прогресс, инновации, экономическая эффективность, материальное благополучие, индивидуализм, образование и технологии. Далее добавляются ценности постиндустриального общества: знания, информация, креативность, экологизм, глобализация. Таким образом, разрушение традиционного общества происходит при активном внедрении технологий ИИ в жизнь информационного общества и продолжается по сей день, усугубляя ценностный кризис традиционного общества.

Увеличение текстовых, информационных массивов, изготовленных ИИ, влечет за собой манипуляцию сознанием, не контролируемый рост количества фейков. Кроме того, обучение нейросетей всегда осуществляется на основе определенных базовых представлений о мире, которые неизбежно влияют на содержание ответов на запросы. Важным здесь становится и ценностный контекст. Прежде всего, речь идет о базовых знаниевых комплексах, используемых для ИИ. Если в качестве источника информации используются сетевые ресурсы без учета их соответствия традиционным духовно-нравственным ценностям, то при ответах на запросы пользователей вполне возможны риски дезинформации, манипуляции мнением, распространения контента, противоречащего этим ценностям. Таким образом, ИИ становится важным инструментом ведения информационно-психологических войн. Не случайно некоторые страны уже пытаются урегулировать эти процессы. В частности, Администрация киберпространства Китая указала в специальных правилах для разработчиков нейросетей: «Контент, созданный с помощью генеративного

искусственного интеллекта, должен воплощать основные социалистические ценности и не должен содержать никакого контента, который подрывает государственную власть, пропагандирует свержение социалистической системы, подстрекает к расколу страны или подрывает национальное единство» [4]. Национальное управление по защите персональных данных Италии запретило в стране использование чат-бота с искусственным интеллектом ChatGPT [2].

Представляется, следует пересмотреть односторонний утилитарный подход к развитию «сквозных технологий». Необходимо обратить внимание на те культурно-цивилизационные угрозы, которые влечет цифровизация и информатизация, в том числе утрату значимости национальных культурных ценностей, идеалов, принципов и других цивилизационных достижений.

Еще одним возможным конфликтом следует признать риски технологической безработицы, многократно возрастающие при условии внедрения ИИ, а также усугубление социально-экономического неравенства. Технологическая безработица известна давно, но в планетарном масштабе человечество столкнулось с ней впервые: миллионы, а впоследствии, и миллиарды людей оказываются или окажутся «лишними» в производственных процессах. Безусловный базовый доход не может решить проблемы занятости: толпы людей оказываются вне сферы труда, их досуг становится проблемой для государства. Дополнительное налогообложение на использование роботов и их запрет противоречат как принципам рыночной экономики и капитализма, так и политике ускоренного внедрения робототехники, поддерживаемой Правительством РФ. В результате одна из важнейших традиционных духовно-нравственных ценностей – право на труд, остается вне реализации.

Активное замещение человека системами ИИ влечет за собой невозможность реализации права на труд миллионам людей. С развитием искусственного интеллекта многие рутинные и повторяющиеся задачи могут быть автоматизированы, что неизбежно влечет за собой сокращение рабочих мест. Однако извлекаемая выгода значительно уступает затратам на обеспечение занятости «лишним людям», что возлагается на государство. Кроме того,

творческий компонент алгоритмической деятельности в той или иной профессии порой не очевиден и может иметь большое значение.

Еще одним фактором риска является попытка улучшения человека с помощью кибертехнологий. Например, одно из модных философских течений – трансгуманизм, предполагает привлечение искусственного интеллекта для оптимизации мыследеятельности человека, что приведет к появлению нового типа человечества. Трансгуманизм – это социальное движение, которое поддерживают международные организации, в частности Всемирная трансгуманистическая ассоциация.

Прежде всего, следует отметить риски трансформации человеческой природы: трансгуманизм предполагает постоянную модернизацию человеческого тела. При этом не стоит забывать, что существует малоисследованная связь между биологическим в человеке и духовным. Поэтому технологизация человеческого тела может повлечь необратимые последствия в духовной, а затем и в социальной сфере. Уже очевидно, что внедрение гаджетов в человеческое тело повлечет катастрофическое расслоение общества на элиту, которая может себе позволить все, и обслуживающее население, которому инновации будут не по карману.

Важно прекратить антропоморфизацию систем ИИ, робототехники, вычислительных систем. Калькуляторы, которыми являются по сути системы ИИ и нейросети, не должны рассматриваться как квазиличности. Человек является «образом Божиим», его сознание представляет собой до сих пор не раскрытую тайну.

Следовательно, идея разработки этических правил взаимодействия человека и искусственного интеллекта античеловечна. Вычислительная машина не предполагает этического отношения к ней по аналогии отношений между людьми. Данная технология нацелена на анализ данных, и ее безопасность обеспечивается техническими правилами. Социальные нормы и правовые пределы следует устанавливать разработчикам и производителям сквозных технологий для недопущения угрозы жизни, здоровью и безопасности людей и окружающей среды.

Считаем неправомерным наделение правосубъектностью искусственного интеллекта по воле законодателя, которое предлагается неко-

торыми юристами. Тем самым осуществляется перенос ответственности с разработчиков искусственного интеллекта и производителей на виртуальную или физическую сущность – продукт их деятельности. Такой подход не только ненаучен, но и в условиях цифровизации опасен утратой социальной ценности человека и его замены цифровыми двойниками. Нормативно-правовое закрепление искусственного интеллекта и других сквозных технологий как объекта права поставит правовые пределы использованию технологических решений, неподконтрольных человеку и представляющих угрозу общественной и экологической безопасности, а также сбалансирует сложившуюся систему правового регулирования («право человека») и юридические нормы, обеспечивающие разработку, внедрение и использование робототехники.

Существует некий стереотип, что технический прогресс неумолим и искусственные попытки поставить его под контроль обречены на неудачу. Опыт зарубежных государств показывает, что вполне возможно законодательно ограничивать стремительное внедрение ИИ и цифровых технологий в тех случаях, когда не очевидны риски или имеются обоснованные угрозы безопасности личности, обществу и государству при их внедрении.

Отдельно стоит сказать о цифровой глобализации, куда так активно по своей воле втягивается Россия. Всем очевидны риски утраты суверенитета и защищенности в ряде сфер. Защита государственной тайны, персональной информации и многое другое в условиях технологического обмена и заимствования технологий была и будет под угрозой, так как и в аппаратной, и в программной сферах Россия зависит от западных разработчиков.

Предоставление государственных услуг посредством цифровых сервисов действительно предоставило дополнительные возможности по защите прав граждан. Однако не стоит игнорировать право гражданина на бесцифровую среду, то есть право обходиться в повседневной жизни без цифровых технологий, получая государственные услуги в традиционной форме.

Неконтролируемое внедрение ИИ угрожает обществу, построенному на традиционных ценностях. Если Россия желает стать примером для всего мира в деле сбережения тради-

ционных духовно-нравственных ценностей, то она должна стать примером и рационального внедрения ограничений при использовании ИИ. Поэтому стоит поддержать усилия, связанные с ограничениями использования гаджетов в образовательных учреждениях. Предлагается предпринять дальнейшие меры, направленные на ограничение возможности использования нейросетей при подготовке письменных работ в образовательных учреждениях. Это вполне возможно сделать при условии установления ограничительных мер для несовершеннолетних и учащихся.

Следует особо отметить риски, возникающие вследствие увлечения трансгуманистическими проектами трансформации биологической грани человеческой природы, предполагающими технологическую модернизацию человеческого тела. Последнее имеет особую, таинственную связь с духовной природой человека, что может иметь необратимые последствия в духовной, а затем и в социальной сфере.

Еще одна опасность заключается в примитивизации представлений о мыследеятельности человека: интеллект стал пониматься примитивно, упрощенно, рационально-рассудочно. Человеческий интеллект – это не столько рациональность, сколько иррациональность. Более того, самые важные интеллектуальные процессы зарождаются в «сердце человеке», в его «святая святых», в живой душе. Поэтому попытки замены человека в целом ряде сфер общественной жизни следует проверить на риски расчеловечивания общества.

Право и искусственный интеллект. В связи с необходимостью решения поставленных Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в Российской Федерации задач целесообразно обратить внимание на вопросы, связанные с правовым регулированием ИИ. Анализируя зарубежный опыт правового и этического регулирования технологий искусственного интеллекта, предложено придерживаться человеко-центричного регулирования ИИ, основанного на риск-ориентированном подходе и традиционных духовно-нравственных ценностях. Содействие здоровому развитию ИИ не должно приводить к нарушению социально-экономических и политико-правовых основ Российской Федерации.

С целью обеспечения национальной безопасности и общественных интересов при использовании искусственного интеллекта установлена необходимость в разработке отдельного правового регулирования генеративного искусственного интеллекта. Созданный при помощи искусственного интеллекта контент должен быть разработан на основе данных законного происхождения и должен подлежать обязательной маркировке. Маркировка является непростым процессом и требует всестороннего изучения с целью недопущения возможных проблем в процессе реализации. В частности, важно обратить внимание не только на технические аспекты маркировки контента, но и на правовые. Так, не все данные могут применяться в маркировке в связи с режимом конфиденциальности некоторых данных. В таком случае актуализируется необходимость создания механизма шифрования таких данных с целью недопущения их разглашения. Такой механизм идентификации цифровых продуктов способствует избежать распространения недостоверных сведений и иной противоправной информации.

Более того, создатели контента обязаны проводить проверку безопасности своей цифровой продукции до ее попадания в общедоступную сферу. Также рекомендуется предусмотреть процедуру обязательной регистрации и подтверждения личности пользователей систем генеративного ИИ.

Рекомендовано создать эффективный механизм контроля и надзора за исполнением обязательных требований в области функционирования систем ИИ. Полагаем, целесообразно учредить специальные ведомства по контролю за развитием и применением технологий ИИ, правомочные подвергать оценке безопасность ИИ.

Угрозы несанкционированного доступа к персональным данным без соответствующих полномочий и их использования с применением технологий ИИ актуализируют необходимость построения системы правовой защиты. В этой связи важно обеспечить эффективный механизм рассмотрения жалоб на услуги и контент, созданные ИИ, в целях недопущения нарушений прав и интересов граждан. Создание такого механизма направлено на обеспечение национальной безопасности в эпоху больших данных и искусственного интеллекта.

Частноправовые аспекты регулирования ИИ. Действующее российское законодательство определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [1; 3].

Технологии искусственного интеллекта в системе объектов гражданских прав относятся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, в отношении которых применяется правовой режим соответствующих объектов права интеллектуальной собственности. Это такие виды научно-технической продукции, как программы для ЭВМ, базы данных, изобретения, ноу-хау и др. Одним из направлений правового регулирования ИИ является совершенствование норм гражданского законодательства об интеллектуальной собственности. В частности, полагаем, что можно предусмотреть в качестве самостоятельного объекта интеллектуальной собственности сложный объект интеллектуальных прав – искусственный интеллект, и разработать в отношении него специальный режим правовой охраны, включая единый срок правовой охраны.

Технологической основой применения искусственного интеллекта в различных сферах человеческой деятельности является его интеграция в физические объекты – робототехнические устройства, программно-аппаратные комплексы, киберфизические системы. Это означает, что искусственный интеллект в системе гражданско-правового регулирования относится к двум видам объектов гражданских прав: к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и к физическим объектам (вещам), в которые технологии искусственного интеллекта интегрированы (например, роботы, дроны, беспилотные устройства и др.). Интеграция технологий ИИ в физические объекты придает им новые качественные характеристи-

ки, отличные от обычных вещей. Ключевыми для правового регулирования ИИ и установления для них соответствующего правового режима являются такие признаки технологий ИИ, как возможность самообучения и автономность в конкретных условиях, неспособность воспринимать этические и правовые нормы, слабая интерпретируемость алгоритмов, используемых ИИ, минимальная транспарентность (непрозрачность) принятия решений системами ИИ. Многообразие технологий ИИ и их активное использование в различных сферах человеческой деятельности требует дифференцированного подхода к их правовому регулированию. В связи с чем предлагаем провести типологизацию систем искусственного интеллекта с целью применения к ним разных гражданско-правовых режимов.

Необходимо в гражданском законодательстве предусмотреть специальные нормы о юридической ответственности за вред, причиненный использованием ИИ. Квалификация технологий ИИ как источника повышенной опасности и применение норм гражданского законодательства о деликтной ответственности в случае причинения вреда в связи с использованием систем ИИ вызывает определенные сложности в части установления владельца источника повышенной опасности – системы ИИ, поскольку категория «владение» применяется к таким объектам гражданских прав, как вещи, а системы ИИ представляют собой объекты гражданских прав со смешанным правовым режимом, требующим исследования и детальной проработки, например, программно-аппаратные комплексы, киберфизические системы. Применительно к системам ИИ и владелец исходного кода программы ИИ, и лицо, обеспечивающее ее корректное функционирование, и пользователь и оператор программы могут быть признаны владельцем системы ИИ. Фактически все перечисленные лица осуществляют в разном объеме управление, влияние на систему ИИ и контроль над ней.

Предлагаем ввести обязательное страхование гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при использовании ИИ в критически важных для человека сферах, таких как здравоохранение, электроэнергетика, образование, строительство и др., а также предусмотреть создание компенсационных

фондов, из средств которых также может возмещаться вред, причиненный гражданам, их имуществу, и окружающей среде.

Полагаем, что учитывая многообразие технологий и систем искусственного интеллекта и сфер деятельности, в которых они применяются, а также для стабилизации гражданского оборота и обеспечения правовой определенности требуется принятие специального нормативно-правового акта, регламентирующего правовой режим и особенности использования технологий и систем ИИ в гражданском обороте.

Развитие цифровых технологий имеет также большой потенциал влияния на гражданско-правовой режим нематериальных благ, которые традиционно характеризуются признаками неотчуждаемости от личности, неспособности, ввиду этого обстоятельства, быть предметом гражданско-правовых сделок, а также иметь стоимостную оценку.

Однако появление технологии «дипфейк», способной максимально реалистично воспроизводить с помощью цифровых средств полный облик человека, фактически создавать его цифровую копию, вызывает вопрос о правовой природе этой копии с точки зрения возможности и необходимости ее включения в систему объектов гражданских прав и определения гражданско-правового режима этого «объекта». Решение этого вопроса нельзя откладывать надолго, поскольку не имеющее правовых рамок использование копий уже имеет место в реальной действительности, что потенциально несет угрозу разным сторонам общественных отношений.

Возможно, цифровую копию можно отнести к категории цифрового имущества, как разновидности «иного имущества», предусмотренного в ст. 128 ГК РФ? Для этого есть некоторые основания: цифровая копия имеет материальный носитель, ввиду чего приобретает свойство делимости от своего «оригинала», а это, в свою очередь, создает потенциальную возможность копии быть предметом сделок (например, направленных на ее использование в рекламе) с определением ее цены (или, возможно, цены права на ее использование), как и любого другого имущества.

Как представляется, цифровые копии можно классифицировать на следующие виды:

1) полностью повторяющие облик конкретного человека, то есть полностью индивидуализированные, имеющие «оригинал»; 2) являющиеся результатом конструирования из элементов облика разных людей, то есть абстрактные неиндивидуализированные копии, возможно, имеющие некий прототип; 3) являющиеся результатом свободного творчества разработчика, например, создание разнообразных неиндивидуализированных, обобщенных в своих признаках высокореалистичных образов – «красивая девушка», «брутальный мужчина», «политик», «древний человек» «русский крестьянин» и бесчисленное множество других.

Возможность использования последнего из названных видов цифровых копий в имущественном обороте в качестве имущества не вызывает сомнений, поскольку в этом случае мы имеем дело с результатом интеллектуальной деятельности, на который возникает, в частности, исключительное (имущественное по своей природе) право разработчика системы искусственного интеллекта, способной создавать такие образы. Исключительное право, будучи имуществом, является оборотоспособным. Однако при этом обязательно возникнет вопрос об отнесении такой копии к какому-то известному виду объектов права интеллектуальной собственности, или же о признании цифровой копии в качестве нового вида объектов, а также и о субъекте исключительного права на этот объект, учитывая, что система искусственного интеллекта, способная генерировать такие специфические объекты, имеет множество разработчиков.

Что касается первых двух выделенных видов копий, в первую очередь – индивидуализированных, имеющих оригинал, но также и неиндивидуализированных, если их прототип остается узнаваемым, то отнесение их к категории «иного имущества» не так очевидно, поскольку эти копии содержат элементы, которые относятся к нематериальным благам или личным неимущественным правам оригинала или прототипа. Нематериальные блага и личные неимущественные права в силу своей неотделимости от личности, неспособности участвовать в гражданском обороте и оцениваться в денежной и иной имущественной форме, не могут рассматриваться как имущество. Совершение сделок с цифровой копией в таких слу-

чаях потенциально грозит нарушением нематериальных благ как самого «оригинала» – его чести, достоинства, репутации и т. д., а кроме того, нарушением прав неопределенного круга лиц, ввиду возможности манипулирования общественным сознанием с помощью использования таких копий, особенно, если они воспроизводят личность авторитетного лица – политика, государственного или общественного деятеля, деятеля культуры и т. д.

Несмотря на наличие имущественного интереса использовать цифровые копии, который, несомненно, будут иметь лица, обладающие соответствующей технологией искусственного интеллекта, такие объекты в целях общественной безопасности и защиты нематериальных благ и неимущественных прав оригинала не стоит спешить вводить в оборот, несмотря на наличие для этого технической возможности. Прежде следует продумать механизмы защиты от потенциальных негативных последствий этого действия. Возможно, вообще не следует признавать их «иным» имуществом, ввиду отражения в этих копиях неимущественных благ оригинала, противоположных по своим существенным признакам имуществу. Вероятнее всего, их правовое регулирование потребует разработки принципиально новых подходов.

Следует отметить, что проблема определения правовой природы цифровой копии человека осложнена пока не разрешенной в науке гражданского права проблемой коммодификации (вовлечения в гражданский оборот, товаризации) нематериальных благ лица в реальной, а не цифровой действительности.

Обе эти проблемы, как представляется, должны разрешаться на основе одинаковых подходов, базирующихся не на соображениях экономической выгоды, а на традиционных духовно-нравственных ценностях российского общества, не допускающих превращения человека, в той или иной его ипостаси, в товар.

ИИ и правоприменение. Перспектива использовать искусственный интеллект в качестве самого правоприменителя, на первый взгляд, представляется целесообразной, ведь тогда может быть решена одна из важнейших проблем в сфере организации и действия судебной власти: мы получим гарантированно независимого, объективного, беспристрастного, непредвзятого судью, а значит, и судью

справедливого? Здесь и вопросы сокращения материальных и организационных затрат, радикальное решение коррупционных проблем и многие другие преимущества. Естественно, запрос общества на справедливое разрешение споров крайне актуален. Но если рассуждать в конкретном ключе, разумно поставить вопрос: действительно ли это возможно и каковы могут быть последствия, иными словами – каковы пределы использования ИИ в правоприменении, и более конкретно – в отправлении правосудия.

Так что же такое ИИ? На самом общем уровне можно заключить, что это разработанная человеком программа. При этом в саму программу можно заложить способность компьютера к самообучению, и тогда создается впечатление, что он обладает интеллектом, способностью мыслить. Алгоритмы самообучения так же запрограммированы, заданы. Они переведены на понятный для машины язык – оцифрованы. То есть в любом случае мы имеем дело с математическими моделями. Соответственно, здесь возможно введение следующей аксиомы: в основе искусственного интеллекта всегда лежит программа, а запрограммировать можно лишь то, что подлежит оцифровке, подлежит формализации. То есть искусственный интеллект может существовать только в сфере явлений, поддающихся формализации, оцифровке.

Рассмотрим вопрос об использовании искусственного интеллекта в правоприменительном процессе (на примере уголовного судопроизводства). Сегодня в уголовном процессе никакие доказательства не имеют заранее установленной силы и оцениваются свободно, руководствуясь законом и совестью. То есть принципиально устанавливается запрет на формализацию их оценки, соответственно, и искусственный интеллект здесь неприменим (аксиома 1). Поэтому любая попытка использования искусственного интеллекта в оценке доказательств возможна только в результате реинкарнации теории формальных доказательств, что упразднит важнейший принцип, одну из основных несущих конструкций российского уголовного судопроизводства и, несмотря на модную терминологию, вернет нас в средневековье, вернет нас к тотальной несправедливости судебных решений. Потому что справедливость приговоров напрямую за-

висит от правильности установления фактической стороны дела, это его основа.

В отношении квалификации и назначения наказания правильного выбора правовой нормы сделать не получится без ее всестороннего толкования и проверки – и здесь уже на первый план выходит правосознание правоприменителя. Следуя классическому подходу к пониманию структуры правосознания, выделяется правовая психология (корневое, исходное начало этого феномена) и правовая идеология. И если в плане правовой идеологии еще можно представить себе какую-то роль ИИ, которому, конечно же, посильны разнообразные логические операции и который может мыслить или, точнее, имитировать мышление, то правовая психология, чувства, переживания оцифровке и формализации недоступны (аксиома 1). Соответственно, можно ввести и вторую аксиому: ИИ не может обладать правосознанием. Но как можно толковать правовые нормы, без правосознания? О какой его роли в правоприменительном процессе может идти речь? Это исключительно задачи вспомогательного, организационно-технического, рутинного характера (документооборот, график отпусков судей, распределение дел между судьями, выбор адвоката по назначению, аудиопротокол, видеоконференцсвязь и многое другое).

ИИ в силу целого ряда причин не сможет осуществлять наиболее сложные правоприменительные процедуры. Во-первых, он не может осуществлять процедуру понимания и осмысления аналогично человеку, не обладая основными предпосылками, свойствами и качествами человеческого мышления, в котором логика играет вторичную роль, а первичную, основную – эмоционально-волевая сфера сознания, включающая подсознание, интуицию и многое другое, до сих пор не выясненное. Во-вторых, правовое мышление в большой степени является управляемым творческим началом личности. Следовательно, иррациональный компонент является ключевым при сопоставлении нормы и факта. Кстати, именно по этой причине ИИ будет сильно зависеть от исходных программных данных, от заложенных на этапе программирования разнообразных пред-рассудков, ассоциативных рядов и прогнозов, основанных на различных характеристиках человека, таких как правовой, политический

и экономический его статус, уровень образования, занятость, кредитоспособность, наличие родственных связей и мн. др. В-третьих, технократизация права, «расчеловечивание» права, «отчуждение человека» и другие угрозы бытию личности в современном обществе, о которых пишут философы, вполне реальны и уже действительны. Дальнейшее развитие процессов алгоритмизации правоприменения, превращение правосудия в рутину окончательно подорвет уважение человека к праву, деформирует его правосознание, приведет к правовому нигилизму.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 25.02.2024).

2. Нейросеть ChatGPT запретили в Италии – это первый подобный случай // Чемпионат.com. 31.03.2023. URL: <https://www.championat.com/cybersport/news-5052073-nejroset-chatgpt-zapretili-v-italii-eto-pervyj-podobnyj-sluchaj.html> (дата обращения: 25.02.2024).

3. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.

4. China slaps security reviews on AI products as Alibaba unveils ChatGPT challenger // URL: <https://arstechnica.com/information-technology/2023/04/china-slaps-security-reviews-on-ai-products-as-alibaba-unveils-chatgpt-challenger> (дата обращения: 25.02.2024).

References

1. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030, approved By Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 // The official Internet portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (date of notification: 25.02.2024) [in Russian].

2. The ChatGPT neural network was banned in Italy – this is the first such case // Championat.com. 31.03.2023. Available at: <https://www.championat.com/cybersport/news-5052073-nejroset-chatgpt-zapretili-v-italii-eto-pervyj-podobnyj-sluchaj.html> (date of application: 25.02.2024) [in Russian].

3. On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation – the federal city of Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data”: Federal Law No. 123-FZ dated 24.04.2020 // Collection of Legislation of the Rus-

sian Federation. 27.04.2020. No. 17. Article 2701 [in Russian]

4. China slaps security reviews on AI products as Alibaba unveils ChatGPT challenger // Available at: <https://arstechnica.com/information-technology/2023/04/china-slaps-security-reviews-on-ai-products-as-alibaba-unveils-chatgpt-challenger> (date of application: 25.02.2024).

Поступила в редакцию 04.03.2024

Received March 04, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для юридической науки и правоприменительной практики.

Решение о публикации материала принимает редакция в течение месяца с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакции или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии (слепое рецензирование). В течение месяца после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакции журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

Порядок направления статей в научно-практический журнал «Вестник юридического факультета Южного федерального университета»

Статьи предоставляются в электронном виде на сайте <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/> через окно «Отправить материал».

1. НАЧАЛО. После процедуры регистрации или входа в систему необходимо выбрать язык, раздел, а также Вы должны прочесть и подтвердить требования к отправляемому материалу. Дополнительная информация указывается в комментариях для редактора.

2. ЗАГРУЗКА МАТЕРИАЛА. Вторым шагом необходимо загрузить материал, состоящий из следующих обязательных отдельных компонентов:

УДК

Метаданные. Метаданными статьи принято считать следующую информацию, представленную на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод):

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Сведения об авторах (соавторах): фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень или научное звание (если имеются); место работы и должность, должность; место работы или учебы (с полным указанием наименования учреждения или вуза и его адреса); email.

Текст статьи

3. ВВОД МЕТАДААННЫХ осуществляется на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод)

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Список авторов
- Литература / References

4. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

5. ОТПРАВКА

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования:

1. Формат текста:

Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word

Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14

Межстрочный интервал – 1,5

Абзацный отступ – 1,25 см

Поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см

2. Аннотация – 1000–1500 знаков / 150–200 слов, ключевые слова – не менее 5.

3. Объем публикуемого материала составляет 9–15 печатных страниц для статей, для сообщений – 5–6 страниц. Оригинальность для статей, входящих в рубрику «Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики» должна составлять не менее 70 %, для статей, входящих в другие рубрики, – не менее 60 %.

4. Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

5. Ссылки оформляются в **квадратных скобках**, например [1, с. 44], то есть Источник № 1, страница № 44.

6. При оформлении **литературы** используйте Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Принцип подачи литературы в списке **АЛФАВИТНЫЙ**.

В список не включаются источники, не цитируемые в работе!

Оформление списка литературы согласно требованиям – **обязательно!**

7. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах *jpg, *tiff с разрешением не менее 300 dpi в палитре Grayscale.

В тексте обязательно должны присутствовать **ссылки на рисунки и таблицы**.

Иллюстративный материал должен быть **пронумерован**.

Рекомендуется придерживаться следующей логической структуры при написании статей:

- Вводная часть, в которой отражена постановка задачи (вопрос, на который дается ответ в статье), раскрывается предмет исследования, гипотеза, методология исследования.

- Основная часть, в которой могут быть разделы и подразделы, имеющие наименования. Желательны в основной части: обзор научной литературы с целью введения в проблему; исследовательская часть с системой доказательств и научной аргументацией.

- Заключительная часть, в которой отражены результаты исследования, основные выводы.

Редактор А. В. Стахеева
Оригинал-макет А. В. Стахеева
Дизайн обложки А. В. Киреев

Подписано в печать 28.03.2024. Выход в свет 28.03.2024
Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₈. Усл. печ. л. 17,44. Уч.-изд. л. 14,24
Заказ № 9471. Тираж 300 экз.

Распространяется бесплатно

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66

